

ДИАЛОГ

Амурский краеведческий альманах

ВРЕМЕН

№ 5
2022

ДИАЛОГ ВРЕМЁН

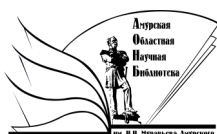
Амурский краеведческий альманах

Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьёва-Амурского

Выпуск 5

2022

Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьёва-Амурского

Редакционная коллегия

Главный редактор:
Праскова Оксана Сергеевна

Заместитель главного редактора:
Дымова Ирина Владимировна

Члены редакционной коллегии:
Телюк Татьяна Николаевна,
Кобзарь Валентина Петровна,
Сахончик Станислав Митрофанович,
Абеленцев Владимир Николаевич,
Никиткин Павел Маркелович,
Чеснокова Марина Константиновна,
Андреева Екатерина Александровна

Графическая модель, обложка,
вёрстка:
Гнускова Марина Ивановна

Отпечатано в типографии
АОНБ им. Н.Н. Муравьёва-Амурского,
675000, Амурская обл., г. Благовещенск,
ул. Ленина, 139.
Подписано в печать
Формат А4
Бумага
Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 11,38
Дата выхода в свет 27.07.2022
Тираж 100
12+

Содержание

Слово редактора Праскова О. С.	3
Коллекция / Коллекционеры. Музеи. Находки. Археология/ Лушнов В. И. О большом Ачанском улусе	4
Коваленко Е. В. О малоизвестном наследии (этнографические коллекции С. М. и Е. Н. Широкогоровых)	19
Кудрин С. Г. История изучения флоры крайнего юго-востока Амурской области	24
Энциклопедия / Люди. Биографии. Судьбы/ Пушкарёв В. А. К вопросу о канонизации иеромонаха Ермогена	31
Лушнов В. И. Прикосновение Китая к Приамурью	38
Телюк Т. Н. Возвращение памяти: по страницам Адресной книги В. К. Арсеньева	48
Гаршин А. А. Неизвестная страница родословной сотника Л. П. Волкова	59
Хронограф / Люди. События. Мероприятия/ Ижендеев В. Ю. Из истории создания Игнашинского бальнеологического курорта	64
Олейникова О. Л. Истоки оздоровительной и экскурсионной работы с учащимися. Первая детская колония-дача в Амурской области	75
Кобзарь В. П. Пешком по городу. О деятельности благовещенской «Школы народного экскурсовода»	85
Архив / Документы. Исследования. Редкие книги/ Абеленцев В. Н. Запутанная история авторства фотоальбома «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал»	90
Чепелев В. Р. Канонерская лодка «Орочанин»	
Лиманская А. Л. Судьба православных храмов города Благовещенска в 1918–1930-х годах	106
Художественное слово 45 лет Амурской областной писательской организации СПР Андреева Е. А. Художественное воссоздание образа А. А. Фадеева в романе Л. И. Антоновой «Заслон»	115
Савинкин П. А. «Мой друг – художник и поэт...»	
Зарисовки о художниках	120
Афанасьев В. П. Сплошные оттенки белого	
Я всё-таки верю...	129
Болотина А. А., Фаустов М. В. Литературный фестиваль «Берег»: готовим вместе	134

63.3(2Рос-4Аму)
Д44

Диалог времён : амурский краеведческий альманах / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского ; под ред. О. С. Прасковой. – Благовещенск : Издательство АОНБ, 2022.
Вып. 5. – 2022. – 140 с. : ил., портр. – **100** экз.

Очередной выпуск альманаха содержит научно-просветительские статьи, освещающие различные аспекты краеведения Приамурья. Статьи и библиографические списки приведены в авторской редакции.

Публикуемые материалы представляют интерес не только для учёных-историков, краеведов и литераторов, имеющих предметом своих исследований историческое и культурное наследие Амурской области и смежных территорий, но и для широкого круга читателей.

Амурский краеведческий альманах «Диалог времён» имеет электронную версию, которая размещена на сайте ГБУК «АОНБ им. Н. Н. Муравьёва-Амурского» по адресу www.libamur.ru в разделе «Ресурсы. Архив изданий».

О. С. ПРАСКОВА,
директор
Амурской областной научной библиотеки
имени Н. Н. Муравьёва-Амурского

Амурский краеведческий альманах «Диалог времён» – периодическое издание, объединяющее специалистов библиотек, архивов и музеев, писателей, преподавателей, журналистов, краеведов, – тех, кто интересуется историей и современностью Приамурья.

С 2018 года на страницах пяти выпусков альманаха совместная работа редакционной коллегии и авторов помогает сохранить духовные ценности, укрепить связь прошлого с настоящим и будущим.

Библиотекари отмечают растущую потребность в доступности краеведческих ресурсов и активно работают над её удовлетворением: формируют электронные ресурсы и полнотекстовые библиотеки, работают над рекомендательной библиографией, обеспечивают онлайн-доступ к краеведческим ресурсам.

Так, в 2009 году Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьёва-Амурского начала работу над проектом «Память Приамурья». Целью проекта стало создание и развитие электронного информационного ресурса об Амурской области. Создаваемый ресурс впервые в Амурской области представил большой объём информации об истории, персонах, событиях Приамурья.

В 2013 году родился новый проект – «Литературное Приамурье» – информационный ресурс для литераторов, литературных организаций и объединений городов и районов области, педагогов, читателей. Разделы ресурса созданы на основе материалов фонда главной библиотеки Амурской области.

Важнейшей частью этих ресурсов являются оцифрованные документы. Сканирование выполняется на планетарных сканерах, изображения обрабатываются и аккумулируются в собственном хранилище. Сейчас мы имеем более 100 тысяч оцифрованных листов. Это редкие краеведческие документы: книги, брошюры, фотографии, карты, периодические издания. Все они предоставляются читателям бесплатно и в отделах библиотеки, и в удалённом режиме – их можно загрузить из электронного каталога или коллекции, заказать по электронной почте.

Альманах «Диалог времён» также является частью стратегии библиотеки по удовлетворению потребности читателей в краеведческой информации. Его пятый, юбилейный выпуск наполнен научными исследованиями, материалами о людях и событиях Приамурья. Авторы публикаций – учёные, краеведы, писатели, издатели, журналисты Благовещенска, Хабаровска, Москвы и других городов России.

Надеемся на наших авторов и читателей – своими идеями и живым интересом они помогут альманаху успешно развиваться. Желаем всем творческих достижений и крепкого здоровья!

В. И. ЛУШНОВ,
генеральный директор
Дальневосточного издательства «Букер»
(г. Хабаровск)

Ключевые слова: стоялый острог «Ачанский», улус, Приамурье, В. Д. Поярков, приказчик новой Даурской земли Е. П. Хабаров, натки, ачаны, гольды, Амур, Гидрографический департамент Морского министерства, Г. И. Невельской, гиляки, Амурский утес, Благовещенск, Хабаровск, Средний Амур, Нижний Амур, маньчжуры, богдойское войско.

Автор данной публикации провёл исследование событий, связанных с походами по Приамурью в середине XVII века приказчика новой Даурской земли Ерофея Павловича Хабарова, и высказал свое предположение о местонахождении знаменитого Ачанского острога.

О БОЛЬШОМ АЧАНСКОМ УЛУСЕ

В литературе XIX–XX веков, рассказывающей о стремительном продвижении русских людей по малоизвестным территориям сквозь Сибирь, быстрым и успешном освоении Дальнего Востока, «неожиданном» возведении городов, нередко рассматривается и фактор мирного отношения местных народов Северо-Востока и Приамурья к царским посланникам. Аборигены и русские находили в новых взаимоотношениях материальную выгоду и невольно начинали служить друг другу во имя общего блага. И сейчас, в XXI веке, в любом краеведческом поиске необходимо сосредоточить внимание на положительных фактах, ярких моментах в жизни дальневосточных и русских народов. Здесь, в Приамурье, дни и годы не проходят бесследно, подчёркивают глубину тёплых отношений между всеми жителями, прокладывают в жизни светлые туннели, указывают каждому человеку нужное место для обретения душевного покоя и личного счастья.

Вероятно, не стоит задавать вопрос, где мог находиться стоялый острог «Ачанский», поставленный в 1651 году приказным человеком Ерофеем Хабаровым, а давно уже наступило время определиться с местом на Амуре большого Ачанского улуса, в котором русский

отряд встретили натки, ачаны, гольды. Остатки укрепления, следы земляных работ служивых отряда хабаровцев спустя сотни лет никому отыскать не удалось. Искали их на левом берегу реки, но многим не мешало «находить» острог и на правом берегу Амура – это скала Кырма и мыс Джари. По мнению Б. О. Долгих, городок мог располагаться на амурском острове у гольдского села Амча, а в 1966 году Г. В. Мелихов отнёс местоположение Ачанского городка «к югу от места слияния реки Мулинхэ с Уссури».

Отряд Хабарова выбрал для зимовья в обжитой амурскими людьми, названными ачанами, землю, где остановился и провёл полных полгода (с сентября 1651-го по апрель 1652 года). В исторических текстах сохранилось описание первой встречи хабаровцев с местными жителями: «...Ерофей Хабаров, идя вниз по Амуру, вступил в нижнее течение этой реки. На расстоянии семи дней пути от устья Сунгари, книзу, жили еще дючеры, а затем, от большой деревни, лежащей на горе по правому берегу, начинались ачаны». Оно указывает на начало встречи ачан и русских, когда у большой деревни на правом берегу Амура они про-

явили друг к другу человеческий интерес. Улусы, родовые деревни амурчан, находились в безопасных для жизни местах на берегах широкой и полноводной реки Амур. Наиболее обжитые древними людьми участки земли – утёсы и склоны возвышенностей, пологие спуски к реке, где раскинулись жилища аборигенов и находились площадки, предназначенные для различных видов деятельности, были маяками для строительства воинских гарнизонов, казачьих селений – станиц, в период заселения Приамурья русскими людьми. Завидя привлекательную гавань ещё с реки, новые люди шли на встречу с людьми, прожившими здесь многие века, и местные с интересом встречали пришедших.

В приведённом выше абзаце мы увидели определённый смысл и завязали узелок на память: *от большой деревни, лежащей на горе по правому берегу, начинались ачань.*

Кем были ачань, чем занимались на лучших территориях Приамурья?

Естествоиспытатель Р. К. Маак приводит название племени «ачоны» – народ, занимающийся рыбной ловлей и охотой; он считал, что «ачоны» – это «ходзенг». Отец Иоакимф называл это племя хэчжэ, живущее в том же месте, где жили «ходзенг» [1]. Л. И. Шренк в книге «Об инородцах Амурского края» ответил на вопрос, что стало с ачань: «Только в 50-х годах нашего столетия, когда русские при вторичном занятии Амурского края сперва стали твёрдую ногой на устье Амура, в земле гиляков, а потом начали продвигаться оттуда вверх, имя «гольды» заменило у них прежние названия «натки и ачань». Кстати, после прочтения труда известного зоолога, геолога и этнолога у меня появилось собственное мнение: улуса с названием «Ачанский» не было вовсе, населённый пункт с таким названием на берегах Амура не указан среди других пунктов, отмеченных на этнографической карте, приложенной к первому тому и прокомментированной Леопольдом Ивановичем.

Ничто исследовательское нам не чуждо, и повод для поиска следов ачан, созвучных этому слову географических названий, мы нашли. Например, на Среднем Амуре (Амурская область, конец XIX века) – речку Ангачан, горную вершину Атычан, здесь же и гора на левом берегу Амура с залежами свинцовой руды Букучан. Для полной картины собрали информацию об окрестностях Сикачи-Аляна, которая новыми яркими красками заиграла в ачанском калейдоскопе. Остров напротив села имел название Боачка(н) (дословно – остров). Другой остров, расположенный чуть выше Сикачи-Аляна, – Хэри боачкани, остров напротив Малышево – Дюанку боачани. Перевести эти

названия на русский язык гольды затрудняются. На острове Дюанку боачани в прошлом жили гольды. Говорят, там сохранилось много могил... Протоку воды у берегов Гассиенг – утёсов Сикачи-Аляна, именуемую сегодня Чернолесье, гольды называли Даи талга, Марков залив – Нючи талга.

Стало быть, в памяти самих гольдов сохранились слова, оканчивающиеся на *ачан*. Слово «ачан» в переводе – глина. Возможно, «ачаны» – гончарные мастера, производители различной утвари из глины, а возможно, что «ачаны» – работники верфи, судостроители; «ачаны» – производное от слова «чань» (верфь). В середине XIX века город Гири в Маньчжурии так не называли, обычное его название – Чуань чань (верфь), а ещё проще: Чань, так как в нём строили казённые суда для плавания по Амуру и Сунгари. Осенью 1651 года ачань могли предложить служивым, речникам, землепашцам, кузнецам и плотникам русского отряда Е. П. Хабарова услуги в оснастке и починке плавсредств и многих других предметов снаряжения, замене вышедших из строя подручных средств, инвентаря и производстве отдельных видов отрядного имущества на заказ.

Но мы не можем согласиться с тем, что слово «ачаны», которым именовали гольдов хабаровцы, произошло от названия вида деятельности или речки, горы, острова. В 1959 году Ю. А. Сем сообщил, что «изученные материалы дали возможность говорить об идентичности названия уссурийских и сунгарийских нанайцев акхани термину XVII века – ачань». В этом сообщении даны конкретные границы плотного проживания ачан в пределах двух рек – Сунгари и Уссури.

В статье небольшого размера нельзя привести комментарии самых солидных источников и открытых заново документов – карты Ледовитого моря и Восточного океана, составленной с новейших описей в Гидрографическом департаменте Морского министерства, с руслом Амура и названием народов Приамурья, изданной в Санкт-Петербурге в 1844 году, достоверных сведений в книге Г. И. Невельского, полученных им в 1850 году, записей ротного командира Хабаровского графа Муравьёва-Амурского кадетского корпуса полковника Н. Ц. Грудзинского в Аргентине и других, проливших свет на события, произошедшие 350 лет назад в Приамурье, а именно на территории Хабаровского края. Но всё же сделаем исторический экскурс в XVII век, во времена, когда по Амуру ходил опытовщик (буквально – испытывающий новое дело), приказной человек Ерофей Павлович Хабаров (ок. 1603–ок. 1671) [прим. 1].

Служивый человек Сергушка Андреев показал: «А Ярю де Хабаров с устья Зеи реки хотел плыть нанизь Амуром рекою к морю зимовать. От устья Шингалу плавал Ярофейко вниз Амуром до Наток четверо суток, тут и зимовал и острог поставил. Отсюда до гиляков 10 дней. Обрато шёл шесть недель (22 апреля – 5–10 июня) в устье Зеи... От Наток до Шингалу бечевника нет». Исследователи находят в этом показании С. Андреева подтверждение идентичности ачанов и натков. Вероятно, Хабаров «хотел плыть к морю», но не знал, как далеко находится море, и, проплыв четверо суток от устья Сунгари вниз по Амуру (на среднем его участке), остановился зимовать у наток, названных ачанам. Аргументом в пользу остановки хабаровцев у наток можно считать то, что из Якутска специально отправляли людей «ради того, чтобы Ярофей и войско не уплыли на низ к морю». Подтверждение находим и в царских архивах, в дополнениях к историческим актам, собранным и изданным археографической комиссией.

Признаем очевидное: датировка спуска по Амуру отрядов Пояркова и Хабарова, количество суток, потраченных каждым на следование одним и тем же маршрутом с указанием точных географических мест, сильно разниться не должны. Определенно, скорость хода русских судов была одной, а вот остановки на берегу на длительное время могли быть не у каждого отряда. В путевых сведениях 1844 года В. Д. Пояркова отмечено: «А по Амуру до Натков плыл до князя Чекуная четверы сутки дючерами. А Натками плыл до гиляков две недели».

При сравнении письменных источников о плавании на Амуре Пояркова и Хабарова нельзя оставить без рассмотрения определённую точность (совпадение) в счете дней. Только к датировке продвижения Хабарова по Амуру, занесённой в отписку от августа 1652 года, появились вопросы. Первые даты плавания Хабарова по Амуру приняты многими исследователями за основные (7 сентября – 29 сентября), но абзац в конце отписки «...и после драки тех иноверцев не видали у города ни одного человека, где зимовали; и от того места сказывают до гиляк поплаву 10 дней, а гиляки живут до моря и круг моря» заставляет взглянуть на амурские события тех дней по-другому. В труде Дмитрия Николаевича Садовникова (25.04.1847–19.12.1888) прибытие отряда Хабарова к ачанам отмечено датой 22 сентября. Необходимо по-новому посчитать количество дней плавания Хабарова в сентябре 1651 года. Не стоит полностью доверять датам 7 сентября – 29 сентября. Предположим, нужно выбрать дату для отметки прибытия Хаба-

рова к наткам. Посчитаем так: вышел 7 сентября, а «ещё 7 дней плыли дючерами», «два дня и ночь» сквозным ущельем реки Амур в горах Малый Хинган, от Сунгари до наток шли 4 дня – 20 сентября – был возле «улус велик гораздо» (примерно 20–22 сентября). Но эту дату рассматривать можно, так как Л. И. Шренк отметил местонахождение отряда у места, где сегодня высится над Амуром город Хабаровск: и... «от того места (где мы зимовали) сказывают до гиляк поплаву 10 дней»; Поярков – «четверы сутки дючерами» и 14 дней (две недели) вниз по Амуру «до гиляков».

Очевидно, что Хабарову до известного места в низовьях Амура, до которого дошёл Поярков (устье Амура), предстояло плыть ещё 10 дней, но он организовал стоянку у наток, названных им ачанам, 20–22 сентября. Количество дней, которые предстояло потратить на путь от «Наток до гиляков», у Пояркова составляет цифру 14, а в сообщении Хабарова – «от того места (где мы зимовали) сказывают до гиляк поплаву 10 дней». Если прибавить к 20–22 сентября – дате нахождения возле «улус велик гораздо» справа на Амурских утёсах отряда Хабарова – 10 дней, получится около 30 дней, или месяц. Вот и путь от устья Сунгари до устья Амура Поярков рассчитывал пройти за месяц. По всей видимости, Хабаров только пользовался данными Пояркова, имел их при себе, но не ходил вниз по Амуру осенью 1651 года, а стоял у ачан (наток) возле устья Уссури (южной области Хабаровского края).

Принято считать, что Поярков первым из русских принял Уссури за верховья великого Амура и называл рекой Мангму и Уссури, и низовья Амура. Кстати, Л. И. Шренк отметил, что Хабаров не заметил устья Уссури...

Для выполнения нашей мирной миссии в работе о Приамурье важен исторический факт, говорящий о невраждебном характере освоения русскими этого региона и не подвластности местного населения маньчжурской власти в Китае: во время плавания на Нижнем Амуре у поярковцев с местными жителями столкновений не было.

Историограф, числящийся после 1917 года в разряде «буржуазных историков», Петр Андреевич Словцов (1767–28.03.1843) в «Энциклопедии сибирской жизни» приводит свои «суждения» о Хабарове, но не говорит, что отряд казаков Хабарова «спускался к гилякам».

Для учёта всех субъективных и объективных причин, способных в то время остановить отряд от похода вниз, не продолжать плавание перед наступлением октября месяца 1651 года (по старому стилю летоисчисления), изучим климатические, погодные условия. Обратимся

к единичным и мало определённым указаниям на вскрытие и замерзание среднего и нижнего течения Амура во второй половине XIX века и к многолетним записям наблюдений над этими явлениями с 1850 года до конца первого десятилетия XX века на участке Благовещенск – Хабаровск – Николаевск.

Первой датой наблюдений считается 1850 год, когда Г. И. Невельскому доложили, что, по сведениям гиляков, Амур близ устья рек Уссури и Сунгари очищается ото льда в исходе марта, то есть пятью неделями ранее, чем устье самого Амура, где часть лимана очищается ото льда к 15 мая.

По данным естествоиспытателя Р. К. Маака, 3 октября 1855 года на Среднем Амуре показались льдины, а 4 октября река покрылась сплошным льдом. В 1859 году, в первой декаде октября, из Хабаровки в Благовещенск шёл пароход «Лена» генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва-Амурского (следовал из Японии), но пароход не мог достигнуть Благовещенска, так как его встретил лёд за 240 верст от города. В 1861 году путешественники вышли на пароходе из Хабаровки в Николаевск 2 октября и добрались 7 октября до города, «где уже лежал глубокий снег и ездили на санях». В конце 1850-х и в начале 1860-х годов Амур у Николаевска вскрывался ото льда 6 и 8 мая, а в 1862 году он держался на реке до 12 мая. Выехать из города Николаевска по Амуру можно было 19 мая, а добраться до утёса Тыр 20 мая.

Русский писатель Дмитрий Иванович Стасхеев (02.02.1840–1918) отметил, что в 1864 году лёд у Благовещенска тронулся 15 апреля. В конце 1870-х годов дата замерзания реки у Благовещенска – 5 ноября [прим. 2].

Можно по времени вскрытия и замерзания Амура у Благовещенска в 1879 году (20 апреля – 5 ноября), в 1880 году (17 апреля – 5 ноября), сделать выводы о вскрытии и замерзании Среднего и Нижнего Амура и представить время возможной навигации на участке Благовещенск – Хабаровск – Николаевск. Но мы обязаны сказать о приближенности наших выводов и расчетов, так как шуга и подвижные ледяные поля в те времена были опасными для сплава на деревянных судах, ледяные препятствия сдерживали речников от выхода в навигацию, да и разница во времени вскрытия и замерзания реки на участке Благовещенск – Хабаровск – Николаевск может доходить до 31 дня.

Используя метод наложения результатов наблюдений за Амуром в XIX веке на навигацию XVII века, порассуждаем дальше. Во-первых, если учитывать запись учёного Р. К. Маака о начале хода шуги по реке на Среднем Амуре 3 октября, то получается, что

Хабаров, находясь на севере Нижнего Амура, не решился бы послать суда с казаками за добычей после 5 октября. Прибавим ещё пять октябрьских дней похода в верховья Амура (а говорится, что и вниз) и возвращения назад (а они успели вернуться 9 октября, потратив туда и обратно около пяти дней), и у нас появляются сомнения насчёт мобильности отряда, застигнутого приближением заморозков. Во-вторых, с севера Хабаровского края Е. П. Хабаров не смог бы пуститься в обратный путь раньше конца второй декады мая, а сообщается дата 22 апреля (2 мая н. ст.). Выгодная и просчитываемая позиция отряда – в большом Ачанском улусе в устье Уссури или где-то в южной области Нижнего Амура (город Благовещенск, выше города Хабаровска). Учитывая наблюдения в течение 20 лет во второй половине XIX века, дата вскрытия Амура у Хабаровска колеблется с 3 по 26 апреля. Эта апрельская датировка совпадает с благовещенским календарём вскрытия реки в XIX веке. Хабаров, таким образом, мог зимовать на левом берегу Среднего Амура (ЕАО) или в устье Уссури рядом с Хабаровском, с левой стороны (с левого фланга) большого улуса (жители – натки, ачань, гольды), не исключается и Амурская область, где чаще всего встречается слово «ачан».

Если отталкиваться от предполагаемых отметок поиска исследователями зимовки отряда русских у ачан – «Джари», «Оджал-Болонь», «Тыр», то обратное плавание Хабарова весной 1652 года вверх могло начаться в конце первой декады мая. В сообщениях отмечена дата – 22 апреля, наиболее вероятная, соответствующая климатическим условиям территории Среднего Амура и юга Нижнего Амура у Хабаровска. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что дата начала судоходства по реке Амур на расстоянии от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре в разные годы меняется, и данные у Хабаровска могут ничем не отличаться от данных по Амуру у Николаевска-на-Амуре – это мерцающий показатель регионального климата.

Не представляется достаточно вероятным и конный поход богдойского войска на север Амурского края зимой 1651/52 годов [2]. Стратеги вели военный корпус на хабаровцев по знакомому пути в конкретное место, где была высокая плотность населения. Хабаровский отряд, как, впрочем, и все другие отряды, спускавшиеся вниз по Амуру, по протоке огибая Большой Уссурийский остров, попадали в самое устье Уссури.

Естествоиспытатель Р. К. Маак в 1859-м (год издания книги) делает ссылки на отписки из отряда Хабарова при описании путешествия с момента встречи с проводником Эльзибахом

из племени ходзенг, жителем селения ниже устья Уссури. Проводник рассказал, что в древние времена на выступе Кырма был выстроен город. Действительно, на вершине скалы исследователи из Иркутска нашли остатки четырёхугольного укрепления, и Ричард Карлович предположил, что это укрепление есть знаменитый «Ачанский городок» [3]. Примечательно, что гольд Эльзибах не знал другого места с развалинами древних укреплений на Амуре (он не спускался до острова Сучу, где находились развалины Косогирского острога О. Степанова). Некомпетентность проводника-гольда обнаружилась и в следующем: так, в 1860 и 1864 годах русские писатели С. В. Максимов и Д. И. Стахеев ещё застали остатки большого укрепления в казачьей станице Екатерино-Никольской. Д. И. Стахеев предположил, что укрепления на месте станицы возводились ещё во времена Е. П. Хабарова.

Маак писал книгу, пользуясь дополнительными источниками, не увязывая новые аборигенные понятия с обнаруженными здесь же находками и известными событиями о походах Хабарова. Писал в Иркутске и разбирал происхождение названия реки Амур, но не сделал подробного анализа употребления слова «ачоны» в сопоставлении с «Ачанским городком» Хабарова. Для нашего рассказа свидетельство того, что «ачоны» проживали рядом с территорией современного Хабаровска, является аргументом в пользу зимовки отряда Хабарова в этом же регионе.

Интересен факт: в челобитной С. В. Полякова на имя царя сказано, что Хабаров в Очанском улусе городка не строил, крепости не возводил, пушки поставил на улице (под открытым небом): «И как доплыл до Ачанского улуса и тут в улусе стал и почал он, Ярофей, зимовать, не поставя ни острогу, ни крепости. И тут мало наших голов не потерял и твою государевы казны, а пушкам ни роскатов, ни быков не поставил, а поставил среди улицы просто». «И на приезде, государь, как мы, холопи твои государевы, приехали сперва во Очанский улус и поймали князца сына Жакшурова, а тот Жакшур князец над тремя улусами большей, а в тех улусах большаи трехсот человек» [4]. Если Жакшур – князь ачанский (упоминается как дючер), и в его управлении было три улуса, то каждый из них русские могли назвать Ачанским. Например, в перечне селений гольдов на Амуре, указанных в ясачной книге 1655–1656 годов, есть улус с таким названием, отмеченный в диссертации Б. П. Полевого, сверху по Амуру: Долинскова (с. Троицкое), Шаргунскова (с. Саргу или Сарку), Мая или Май (с. Малмыж), Ачанскова, Бюланскова, Дифунскова (Чельцы и Джифу) и другие. Улус Бури-

ский (гольдское селение Бури; вблизи села с конца мая (31 мая ст. ст.) – во второй декаде июня 1858 года (12 июня н. ст.) начал дислоцироваться военный гарнизон Русской Императорской армии и до конца года была образована административная единица – селение Хабарово) отмечен в работе Б. П. Полевого «Дючерская проблема» как улус, с жителей которого был взят ясак. Однако нам не удалось обнаружить населенный пункт с названием «Ачанский» на имеющихся в обороте географических картах. Не упомянули поселения гольдов с таким названием и гольды, с которыми встречался в 1856 году Л. И. Шренк (гольд из деревни Май назвал несколько маленьких деревень гольдов вверх по Амуру: Джуанг, Сэфареуне, Хыральцу, Пудымода, Богдаму, Хуту, Сомому, Эбаре, Джафья). По-прежнему автору и читателям остается только строить догадки, на каком берегу Амура в XVII веке находился легендарный улус с плотным населением ачанов.

В связи с этим возникают, по крайней мере, три вопроса. Первый: почему исследователи в своём поиске многократно используют понятие «Ачанский городок», понимая под ним укрепление, временный (стоялый) острог отряда Хабарова, а не пытаются описать масштаб местности, на которой в устье Уссури находился большой Ачанский улус с соседними улусами, населёнными ачанами? Второй вопрос: где и в каких книгах может храниться перечень административных единиц Приамурья (Маньчжурии) 1655–1656 годов? И, наконец, третий: каким источником пользовался Г. И. Невельской, отметив в середине XIX века стоянку отряда Хабарова в устье Уссури (не полагался же полностью морской офицер на рассказ маньчжуров и на единичное предположение Р. К. Маака)?

Спорным можно считать утверждение, что Е. П. Хабаров не умел писать и был безграмотным, но кто тогда написал за него челобитную в Москву в июне 1655 года?

На страницах исторического документа, книги Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России», в кратком обзоре событий, совершившихся на Амуре с 1643 по 1689 год, перед нами вырисовывается сложившаяся к началу XVII века этнографическая картина Среднего и Нижнего Амура. Принципиально важно знать исследователям и читателям, где находились гольды при Пояркове, где при Хабарове, где располагались другие племена, кто за кем следовал по берегам рек.

Василий Поярков докладывал, что дючеры и дауры живут в Даурии (южная часть Забайкалья и Верхнего Приамурья), а за даурами

до реки Уссури и далее «обитают гольды, или ачань, далее наткисы, а затем гиляки». В его донесении гольды отмечены отдельным племенем, жившим на своей территории по правому берегу Амура (гольды, наткисы на карте Морского ведомства 1844 года – на левом берегу, на карте Курильских островов – на правом берегу, а естествоиспытатель Р. К. Маак фиксировал: по обе стороны Амура). В. Д. Поярков считал, что гольды и ачань – один народ.

Ерофей Хабаров проведёт на Амуре более четырёх лет (1649–1653). В 1649–1650 годах его отряд стоял на Среднем Амуре, по суше перемещался пешком и на лошадях, зимой на нартах. В следующем, 1651 году, пройдёт на дощаниках от устья Шунгала (Сунгари) ниже по реке на четыре дня, остановится в устье Уссури. Здесь, на ачанской земле, поставит лагерь для зимовки – острог, назовёт городок именем народа, проживающего в этом месте, Ачанским (заметьте, не дал острогу своё имя), а так как «гольды – это ачань» – Ачанский острог устанавливался на земле гольдов...

А. Ф. Миддендорф оставит запись следующего содержания: «Три года спустя по возвращении Пояркова, другому разведчику Амурской области, имя которого никогда не забудется, Хабарову, суждено было достигнуть Амура, именно верхней части его, уже новым путём, ведущим вверх по Олекме и потом через Уркань прямо к верхнему Амуре; ему суждено было первому утвердиться на этой реке и вследствие того проплыть по ней как вниз по течению, так и обратно». Мы представляем, что Василий Поярков в рамках первых «амурских маршрутов» не был в верховьях Амура, а Ерофей Хабаров был и прошёл вниз по Амуре до устья Уссури в 1651 году и в 1652 году поднялся назад по ранее пройденному участку «сверху вниз и обратно». При этом, учитывая слабое знание бассейна реки Амур первыми сплавщиками, нам нельзя заблуждаться и считать, что Хабаров прошёл весь Амур сверху до устья (Миддендорф не говорит: «до устья Амура»).

Обращает на себя внимание свобода в поведении казаков Ерофея Хабарова на Нижнем Амуре. От стоянки в большом Ачанском улусе часть отряда спустилась к наткам. В одной из казацких отписок сказано, что люди ходили за рыбой от Ачанского городка (улуса) вниз по Амуре за рыбой, «и он отправил промыслить у ачан вниз по Амуре побольше рыбы» (сотни не было в остроге пять дней). Именно за рыбой, а не на грабёж. Правительство царской России все свои отряды снабжало хлебом на время всей экспедиции. В отписках свидетелей того времени этот факт отмечен. В челобитной Полякова указано, что хлебные запасы в отря-

де были. Зерна хватало, варили даже брагу. Это может означать, что поход за рыбой, организованный в первые дни пребывания на ачанской земле, проходил в сопровождении представителя гольдов, а также о дружеских отношениях, миролюбивом характере местного населения, которого хабаровцы не боялись. Но в то же время ачань и дауры, представители разных племён, пошли на хабаровцев. Могли ли люди Хабарова подниматься вверх по реке (откуда только что спустились) за рыбой незамеченными? Если бы ачань и дауры шли вниз по Амуре к Тыру войной на хабаровцев, они должны были встретить суда хабаровских «рыбаков», поднимающиеся вверх, – реки в те годы были похожи на муравейники.

К тому же аборигены были сильными противниками на воде, имели хороший речной флот, знали весь бассейн реки и могли в первой декаде октября 1651 года сначала справиться с сотней хабаровцев на Амуре, а затем осадить городок с оставшимися в нём русскими. О несколько «неправильном», невоенном поведении аборигенов можно рассуждать очень долго. Но только вот и о предстоящем сражении с маньчжурами весной 1652 года в отряде Хабарова не знали. Иначе как объяснить тот факт, что часть хабаровцев накануне осады городка войском богдыханцев ночевала в соседнем ачанском улусе? Друзья ачань не знали о планах маньчжуров и передвижении корпуса к Ачанскому большому улусу.

В истории большого Ачанского улуса имеет место реальный бой хабаровцев с войском богдыхана.

Здесь требует разъяснения следующее указание: «Наместник богдыхана в Маньчжурии приказал князю Изинею в городе Нюнгуте (Нингута) собрать войско и идти на русских. 2000 маньчжуров с князем Изинеем отправились на помощь ачанам и дючерам: три месяца шло это войско до местопребывания Хабарова». По информации людей из племени дючеров, в первой половине XVII века они проживали на берегах рек, впадающих в Амур с правой стороны (Малая Громова, Большая Громова).

Войско маньчжуров шло к стоянке русских в Ачанском улусе три зимних месяца и почти весь март: с конца декабря, январь (вступило в Приамурье), февраль и к середине марта появилось напротив городка казаков. Используем приблизительные данные о возможном маршруте корпуса генерала Си Фу из гарнизона Нингута на Амур: «Три дороги ведут в Уссурийский и Амурский край от Нингуты и Сан-Сина: первая через Суйфунь на Лефу и Даубихэ, вторая на озеро Ханка, третья на реку Мурень». Каким путём воспользовалось

богдойское (маньчжурское) войско и сколько километров преодолело? Пройденный маньчжурским корпусом путь из пункта «а» в пункт «б» мог выглядеть так: более тысячи километров от гарнизона Нингута до пункта Ootchan на Нижнем Амуре (разведчики Приамурья от Невельского на свои карты пункт Ootchan не нанесли) или 600 километров от Нингуты до Ачанского острога возле устья Уссури (до Амура). Если отряд Хабарова стоял в устье Уссури, то у богдойского войска шанс дойти до него изначально был, что маньчжуры и сделали (в Китае сохранилось документальное подтверждение факта сражения – сочинение «Стратегические планы усмирения русских» – «Пиндин лоча фанлюэ», по времени написания относится к 1682 году). Длительные переходы в старину были обычным делом. Доктор исторических наук Л. Н. Гумилёв в книге «Древние тюрки» приводит факты длительных зимних переходов конницы и пеших войск в VII веке. В 1618 году русский посланец к китайскому императору И. Петлин преодолел от Томска до Пекина 6 тысяч ли за 3 месяца 22 дня. Но есть сведения о древнем зимнем походе китайцев в Корею, в котором много людей перемерзло, несмотря на то, что они шли в южную сторону – зима в регионе суровая.

Вернёмся назад и обратим внимание на тот факт, что место «ачанской» зимовки Хабарова, указанное гольдом-проводником Р. К. Маака как единственное в регионе, совпадает с указанием адмирала Г. И. Невельского – возле устья Уссури. Конные маньчжуры могли прийти к острогу тропами по территории между правым берегом Сунгари и левым берегом Уссури. Офицеры Генерального штаба находили здесь в XIX веке несколько троп. Возможно, Геннадий Иванович высчитывал маршруты движения Хабарова по Амуру, а исходя из донесений о вскрытии Амура (1850 год), указал место зимовки Хабарова – около устья Уссури. Это место близко к ачанам, даурам и к Средней Маньчжурии.

24 марта 1652 года («девятый год эры правления Шуньчжи») к укреплению русских отстаивать свои земли подошло «войско богдойцев» – воины на конях, с хорошим снаряжением и вооружением, но взять городок не смогли. В спешке кинув артиллерию, раненых и убитых, они отступили. Маньчурам не помогли секретный план похода, внезапность нападения из-за укрытия, численность войска и кадровые офицеры-командиры. Поражение воинов-маньчжуров объясняется выгодной позицией русских, хорошим укреплением, знанием военного дела, подготовкой людей к ведению боевых действий на заранее занятой высоте.

В конце весны 1652 года отряд хабаровцев покинул позицию у большого улуса ачан и начал подъём вверх по реке. Но в августе – сентябре 1652 года отряд Хабарова из 212 человек с территории Среднего Амура вновь уходит на Нижний Амур вслед за 136 самовольщиками, настигает их на земле гиляков, где силой оружия пытается вернуть всех бунтовщиков, обстреливает их лагерь, возвращает усмирённых беглецов в основной отряд. Вот когда хабаровцы перезимовали на Нижнем Амуре третью зиму [прим. 3] и с того места долго возвращались на Средний Амур. Рассматривая все существующие источники и принимая в расчёт челобитную С. В. Полякова, получается, что Е. П. Хабаров продолжил поход по Амуру, проходил и вниз, и вверх по реке в 1651–1652 годах дважды, о чём не писали русские исследователи XIX века. Действительно, если учёный Р. К. Маак писал о лавировании Хабарова от маньчжурского войска под покровом ночи, то возникает вопрос: стали бы люди Хабарова с риском для жизни разбиваться на команды и спускаться в низовья Амура, где на всех участках реки недружелюбные племена только и ждали появления русских для нового сражения? Но в источнике 1900 года мы находим, что часть казаков решила вернуться в Ачанск.

Третий поход Е. П. Хабарова по Амуру на территории Хабаровского края мог оказаться и необходимым, и случайным спуском по реке, погоней за своими служивыми людьми с намерением вернуть их на цареву службу. Когда-то он был крестьянином пашенным, называли его и мещанином города Великий Устюг Вологодской губернии, и промышленным человеком, и служивым, но «на службу в Дауры» он поступил приказчиком. Должность обязывала выполнять приказы воеводы, и поступить иначе он не мог. В документах Якутской приказной избы (том 2. 1634–1714 гг., лл. 23, 40, 88) мы находим название должности Е. П. Хабарова и указание на заслуги перед Россией: «Приказчик новой Даурской земли устюжанин Ерофей Павлович Хабаров, в 1650–1653 гг. подчинил России все Приамурье» [прим. 4].

Люди в его отряде были новоприборными служивыми, совсем недавно он за них хлопотал об освобождении от уплаты таможенных сборов. Служивые обязаны служить по уставу, а казаки бегали и ранее: и по одному, и по 30 человек, а в этот раз ушли «в самоволку» сотней.

Как не хочется верить, что головной отряд Хабарова после сражения с богдойцами, начавший в апреле – начале мая 1652 года подъём по реке к устью Зеи, потративший силы на путь бечевой и три месяца времени, уже в сен-

тябре того же года был способен броситься вслед за беглецами на Нижний Амур. И это после зимы 1651/52 годов! Хабаров понимал, что отряду снова придётся где-то обустроиться и зимовать, а на следующее лето идти бечевой, возвращаться несколько месяцев по Приамурью в обжитую на Зее ставку. Осуществить новый поход с недовольными людьми в отряде, с тяжёлыми пушками, на веслах у Хабарова вряд ли были силы. Такие броски вверх и вниз по Амуру в течение одного летнего периода не под силу были даже амурским флотоводцам середины XIX века. Тем не менее приказной человек Ерофей Хабаров использовал полученный опыт сплава и знание территории, вернулся в Приамурье, прошёл на дощаниках мимо большого улуса ачан и, вероятно, рассматривал с воды покинутый отрядом стоялый острог «Ачанский».

Только для того, чтобы оставаться на избранном пути в поиске большого Ачанского улуса, остановимся и на попытках поиска Ачанского острога, укрепленного городка отряда Хабарова.

В середине XIX века исследователи обнаружили старинные укрепления на мысе (утёсе) Кырма и на Хехцире. Они давали возможность контролировать Амур (в районе его разветвления у современной сопки Бог) в месте впадения реки Уссури в Амурскую протоку вблизи гольдской деревушки Турмэ (Фурмэ, ныне Казакевичево) [5].

В дневниках В. К. Арсеньева есть чертёж сооружений, расположенных на склоне Хехцира, за станицей Казакевичевой. Через 90 лет, в 1946 году, следы Ачанского острога обнаружили в селе Троицком, но появилось мнение, что студенты исторического факультета Хабаровского педагогического института ошиблись. Вероятно, студентов влекло сюда то, что в двух километрах ниже села Доле-Троицкого [6], на левом берегу Амура, в конце XIX века находилось гольдское село Симота-Боачань. В нём в 1890 году в пяти юртах проживали 19 мужчин и 16 женщин.

В конце XIX века на озере Болонь, в семи верстах от Болонского миссионерского стана, находилась гольдская деревня Боачан Приморской области. В 1888 году в ней было две юрты и жителей – 10 мужского и шесть женского пола. Здесь же, у озера Болонь, находилось селение гольдов Болонь Приморской области Софийского округа. В 1888 году в нём было юрт 20 и жителей «78 мужского и 59 женского пола». Возможно, Ootchan на карте китайцев 1851 года является географической точкой гольдской деревни Боачан, но является ли Боачан легендарным Ачанским городком, историкам неизвестно. Опять же чувствуется, что китайцы отметили это поселение избирательно,

тогда как других известных поселений гольдов с XVII века на карте Маньчжурии нет.

Также утверждалось, что Ачанский острог находился в трёх километрах от села Доле-Троицкого, по правому берегу Амура, у гольдского поселения Джари (мыс Джари), где Е. П. Хабаров провёл зиму 1651/52 годов. Позднее доктор исторических наук Б. П. Полевой доказывал, что Ачанский городок находился в селении гольдов Оджал, рядом с горой Оджал. Однако не доказано, что у этого села отряд Хабарова вёл оборонительные бои против богдойского войска. А в 1969 году учёными из АН СССР было сделано заключение: Ачанский острог Е. П. Хабарова находился на высоком мысе Качадан, вблизи озера Болонь и современного селения Ачан.

Почему в 1977 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Болонь переименовали в Ачан, если в 1888 году на берегах озера Болонь два села гольдов – Боачан (население – 16 человек) и Болонь (137 человек) – были отдельными населёнными пунктами с разными названиями? Логического обоснования этого решения нет. Возможно, исходило из того, что большое село Болонь поглотило маленькое Боачан, и самое время Болонь переименовать в Ачан.

Нам удалось рассмотреть несколько причин, которые в той или иной мере могли повлиять на передвижение отряда Е. П. Хабарова по Амуру, и мы предприняли попытку пересмотра нескольких дат событий многовековой давности, принятых многими исследователями за точные, и совпадающих с реальной картиной происходящего.

В истории походов Е. П. Хабарова на Амур есть ещё одна, обделённая вниманием историков, страница. Дело в том, что его отряду было поручено установить дипломатические связи с Маньчжурией (вот почему из Якутска шли гонцы, получающие жалованье за участие в розысках хабаровцев, с задачей не пустить приказчика Хабарова к морю). В силу ответственного задания, возложенного на Е. П. Хабарова, он не мог далеко удаляться от устья Сунгари. Поэтому не входил в реку Сунгари, чтобы не нарушить чужой территории и не навлечь на свой отряд маньчжурские войска. Он не должен был идти в низовья к устью Амура, так как приказ был дан отправить посольство в Маньчжурию. В свою очередь, и Ерофей Хабаров не пустил Терентия Ермолина искать отбившихся казаков в низовья Амура.

Исследователи никогда не отмечали очень важную и значительную деталь: при прочтении материалов доктора исторических наук В. С. Мясникова становится ясно, что против

отряда Хабарова никогда не выступали ачаны, то есть гольды.

9 июля 1650 года якутский воевода Д. А. Францбеков (Фаренсбах) в наказной памяти приказал «Ерофею и ко князю Богдою посылать посланников», но эту грамоту Е. П. Хабаров не передал, так как в её тексте были позиции о переходе «Богдою» в подчинение русскому царю и регулярной плате ясака. Когда Хабаров узнал, что царя Богдою не существует, а есть царь Шамшакан, который может быть сильнее русского царя, он вернулся в Якутск и сообщил об этом воеводе Д. А. Францбекову. В Якутске начали готовить новую грамоту, а Ерофей Павлович вернулся на Амур. При прочтении дошедшей до нашего времени наказной памяти убеждаемся, что образ всемогущего и всесильного русского царя был преувеличен, он предстаёт перед нами государём с высоким самомнением и завышенной самооценкой. В этом случае Е. П. Хабаров трезво оценил ситуацию и спас русский трон от насмешек богдойских придворных людей и китайского царя Шамшакана – вернулся в Якутск с донесением, а в дальнейшем ожидал ответные шаги сильного соперника русских в Приамурье.

Данные доктора исторических наук В. С. Мясникова: «В четырёх днях от Албазина вниз по Амуру, у селения племенного старшины Гуйгудара, 5 июня 1651 года произошла стычка казаков Хабарова с даурами». В это время к Хабарову прибыл маньчжурский представитель – «тому богдойскому мужику честь воздал, и подарки государевы давал, и отпустил его, богдойскова мужика, честно в свою Богдойскую землю». 27 июля 1651 года воевода Д. А. Францбеков на основании царского указа прислал Хабарову новую наказную грамоту, в которой содержалось распоряжение отправить посланником к «царю Шамшакану» служивого человека Т. Е. Чечигина, и Хабарову было приказано с маньчжурами не воевать.

Не менее интересный материал мы находим далее в тексте В. С. Мясникова, из которого следует, что стычка Хабарова с даурами в 1651 году, до сражения с маньчжурами в марте 1652 года на стенах и внутри крепости, а также на подступах к военному городку русских, была единственная – у Гуйгударова городка на Среднем Амуре, где находились 50 дауров. Отсюда жалоба оставшихся в живых дауров поступила к властям в Мукден. Возможно, ачаны – гольды не принимали участия ни в одной стычке и битве с отрядом Хабарова ни 5 июня 1651 года у селения старшины Гуйгудара, ни в октябре 1651 года, ни 24 марта 1652 года у Ачанского военного городка. Вот что пишет Мясников: «Основываясь на той

информации, которая была предоставлена и бежавшими к ним даурами, и, очевидно, разведывательной группой, проводившей «переговоры» с Е. П. Хабаровым у Гуйгударова городка, маньчжуры решили направить против русских военную экспедицию. Экспедиция была санкционирована, по крайней мере, властями Мукдена. В ней приняли участие 600 человек из знаменитых маньчжурских войск, имевших на вооружении 2 пушки, 30 пищалей, 12 петард для взрыва городских стен. Кроме этого регулярного войска в сводный отряд входили ещё 1500 воинов дауров и дючеров, собранных маньчжурами на Сунгари. На лошадях (на двоих человек три лошади) отряд двигался до Амура три месяца». При этом нельзя игнорировать сам факт, что в бою 24 марта у Ачанского военного городка были добровольцы-ачаны из других улусов. Ачаны же улусов, расположенных рядом с большим Ачанским улусом, во время зимовья были в мире с хабаровцами.

Обратите внимание на слова «отряд двигался до Амура», до – не далее. Степан Поляков в челобитной на имя царя о двух сражениях в Ачанском городке с даурами и ачанами и даже с маньчжурами умалчивает. После походов на Амур он получит боярское звание, но к своей челобитной умелый писчий, к сожалению, ничего не добавил.

Об активной деятельности отряда Е. П. Хабарова на Амуре по присоединению Приамурья к русским владениям В. С. Мясников напишет следующее: «В 1649–1652 годах несколько казачьих партий под руководством Е. П. Хабарова распространили на этот район власть русской администрации». Однако если брать во внимание вторую зимовку Е. П. Хабарова на Нижнем Амуре 1652/53 года и возвращение его по реке в 1653 году, то нахождение вооружённого отряда русских осенью – зимой в низовьях Амура и удержание Амура летом 1653 года – это самое красноречивое подтверждение заслуг Е. П. Хабарова перед Отечеством.

9 августа 1652 года в Якутск с донесением был отправлен упомянутый выше Сергушка Андреев (принимал участие в битве под Ачаном), который говорил воеводе И. П. Акинфому: «А от устья Шингалу плавал Ярофейко вниз Амуром до наток четверо сутки. Тут и зимовал, и острог поставил». Пожалуй, донесению С. Андреева о месте зимовки отряда Хабарова стоит доверять, поскольку именно он с Филькой Самсоновым и повёз в Москву отписку Хабарова. Хабаров дошёл «...до наток» это сказал русский человек С. Андреев, – богдойское войско дошло «...до Амура» – это сказал маньчжурский пленный. Границу расселения наткисов можно увидеть на карте 1844

года, а богдойское войско пришло из гарнизона Нингута на берега Амура, слева от большого улуса ачан, где и находился укрепленный лагерь Е. П. Хабарова. Таким образом, пути поиска расположения Ачанского улуса сошлись в одном месте...

Анализируя источники, делаем вывод: в первой половине XVII века самым плотным население гольдов (ачан) в южной области Нижнего Амура могло быть на высоком правом берегу, в районе устья Уссури и на утёсах современного города Хабаровска.

Исходя из правил дислокации военных подразделений, на случай отражения нападения вероятного противника Е. П. Хабаров для расквартирования своего войска должен был выбрать из трёх ачанских улусов первый утёс (представим план современного Хабаровска), где «на улицах поставил пушки». Именно первый, а не второй или третий (первый утёс в улусе натков значится слева от двух следующих). Улицу, проходящую по холму, где в XIX веке русские военные разместили артиллерийские склады, называли Артиллерийской (с 1880 года; ныне улица Ленина). Только здесь, на первой высоте, можно было отразить нападение воинов в то время сильной армии маньчжуров, захватившей Китай. Видимо, не случайно в месте сражения, на улице Кавказской, китайцы в XIX веке, в начальный период возведения города, названного именем Е. П. Хабарова, построили свою кумирню.

Название народа «ачаны» в 1651 году в разговорной речи у русских образовалось от слов «ачан» – «встреча» – символ гостеприимства одного из местных приамурских народов, ачамбори – встречать, встретиться; ачаори – подойти, соответствовать, оказаться годным; сдружиться, сойтись характерами; ачапчи – навстречу. Также в нанайском языке слово «ачиан» – украшение в виде бляшек на подоле халата» созвучно слову «ачан». Но кто ещё подходил на роль проводников на Амуре, кроме самих гольдов? Гольды издревле встречали всех проходящих по Амуру странников, определяли маршрут встреченного ими на воде путника, всем племенем решали: сопровождать его дальше по Амуру или нет. Гольды, приглядевшись к людям, сидящим в лодках, советовались с племенем: приглашать их в свое стойбище или воздержаться, можно ли с этих новичков что-то взять, продать им соболей или калугу, купить или обменять что-то из вещей? Как мы знаем, не всегда гольды соглашались сопровождать незнакомцев по Амуру. Часто от начальника экспедиции Маака гольды уезжали в стойбище и не возвращались. Определенно «средневековое» поведение имело начало, где-то в подсознательных архетипах

приамурских аборигенов, а вполне возможно – палеоазиатов. Ни маньчжуры, ни китайцы, ни улчи при обобщении независимых характеристик их поведения данных этнографами, на роль ачанов – племени, способного достойно встретить, организовать встречу путников на Амуре, оказать помощь в починке старых и постройке новых речных судов на своих верфях, не подходят.

Достоверные факты трагических испытаний, выпавших на долю людей Е. П. Хабарова в его «хождениях по Амуру», и обобщённо-детальное исследование исторических документов этого периода привели историков и чиновников России в XVII–XIX веках к правильному выводу: Амур и его берега не находились во власти Китая. О делах письменного головы Василия Пояркова сообщали: «Кроме сих народов найдены им не состоящие ещё ни под какую чужую власть так называемые натки и гиляки, кои занимали нижние места Амура до самого моря, каждый на 14 дней пути». С тех пор стали считать, что племена Нижнего Амура, в частности, расселённые здесь ачоны, ачань, или гольды, были самостоятельным этносом. А уже поэтому очевидному факту отряду Хабарова приписана заслуга закрепления общего названия – Амур – за всем течением реки. До этого верхнее течение Амура местное население называло Шилькар (Шилка), Средний Амур – Шунгари (по названию притока Амура – Сунгари), и только устье реки нивхи называли Амуром (или Омуром, Мамуром).

Были случаи, когда с приходом русских на Нижний Амур отдельные рода уходили в Маньчжурию. После сражения на ачанской земле отряда Е. П. Хабарова с маньчжурами гольды могли покинуть Амур сразу после его ухода. Кроме того, они могли уйти и из-за появления здесь правительственного отряда О. Степанова. Подтверждения тому нет. Гольды остались на Нижнем Амуре на «своих житиях».

В Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова мы познакомились с основным итогом походов Е. П. Хабарова на Амур: «Результатом проведённых в 1649–1653 годах походов и действий знаменитого русского землепроходца Е. П. Хабарова, землепашца и торгового человека, было не только составление «чертежа» – описания Приамурья, но и фактическое присоединение его к России, так как почти всё население, жившее по берегам Амура до Татарского пролива и в низовьях рек Сунгари и Уссури, начало платить ясак (дань) в государственную казну. В это же время было положено начало русскому землепашеству на Амуре».

«Карта Ледовитого моря и Восточного океана», 1844 год.
Музей им. В. К. Арсеньева (г. Владивосток)

Истории, связанной с большим Ачанским улусом, нашлось продолжение во второй половине XIX века. Рядом с селами гольдов, расположенными на утёсах в устье Уссури и на правом берегу Нижнего Амура, в мае 1858 года началось строительство поселения солдат 13-го Сибирского линейного батальона. На вопрос: кто предложил назвать селение с гарнизоном и гражданскими зданиями именем Е. П. Хабарова, ответа у нас нет. Однако мы не должны исключать того, что солдаты 13-го линейного батальона во время земляных работ могли поднять наверх какие-то предметы старины, в том числе и военного назначения, а также при строительстве ряда зданий скрыть всё, что могло напоминать укрепленные позиции русского отряда. Несколько артефактов и даже одна вещь, ценная находка военного имущества служивых людей, способны были указать солдатам и офицерам на то, что они находятся в историческом месте, где в XVII веке устоял в бою с маньчжурами отряд Е. П. Хабарова. Радость открытия и привела к идее дать строящемуся селению имя первого приказчика Амурской земли Ерофея Павловича Хабарова (на декабрь 1858 года – селение Хабарова, по официальным документам постового ведомства).

В XIX веке русские исследователи отмечали: «во время походов Пояркова (1644), Ха-

барова (1651) и Степанова (1655) на Нижний Амур», Хабаров, вероятно, осенью 1651 года не ходил по Амуру ниже береговых утёсов, протянувшихся от устья Уссури по правому берегу Амура и на протяжении современного города, названного его именем. Ещё в XIX веке русские академики сожалели, что чертёж 1652 года бесследно пропал. О чертеже все узнали из отписки Ерофея Павловича – это воспоминания с берегов Среднего Амура, с территории Даурии 1650–1651 годов, то есть современной Амурской области, и в школьных атласах поход Хабарова отмечен стрелками до устья Уссури. В любом случае, если существовало сообщение о географии Приамурья Е. П. Хабарова, о нём бы знал С. У. Ремезов. Почему позабыл победитель богдойского войска 24 марта 1652 года указать точное место сражения? Победа над богдойцами, выражаясь военным языком, – это триумф. О земле, где проходило сражение, подробно рассказали бы Е. П. Хабаров, В. С. Поляков, Онуфрий Степанов (Кузнец) (01.09.1610–30.06.1658) и другие участники Амурских походов. Не промолчали бы о подробностях тех событий и родственники самого Ерофея Павловича – Артемий Филиппович Петриловский (грамотный и довольно богатый человек), сын его сестры, участник похода на Амур в 1650–1651 годах, вернув-

шийся из отряда с отпиской весной 1651 года, возглавлявший в 1658 году отряд казаков и позже ведавший вместе с Е. П. Хабаровым верхоленскими пашнями. Во втором десятилетии XVIII века сын Артемия Петриловского – Алексей – был на Камчатке и, конечно, знал семейные предания, но не оставил рассказа об Амурских походах своего деда – Яркого Павлова Хабарова. Именно внук Ерофея Хабарова, вероятно, был ближе к тем местам на севере Хабаровского края, где зимовал В. Д. Поярков, «вослед которого» по Амуру в 1652 году ходил его знаменитый дед. Родственников у сына боярского было много. Так, в приёмной отписи пашен от июля 1661 года, хранящейся в Якутской приказной палате, упоминается крестьянин Киренской волости Иван Иванович Клепиков, которому Е. П. Хабаров приходился дядей...

Косвенным доказательством зимовки отряда Е. П. Хабарова в 1651/52 году в пределах современного города Хабаровска могут послужить записки ротного командира хабаровского графа Муравьёва-Амурского кадетского корпуса полковника Н. Ц. Грудзинского. В журнале «Военная быль» 1974 года мы находим рассказ некоего Прони: «Вот здесь, где эта лестница спускается к воде, – говорил мне, малышу, двоюродный дед, брат бабушки со стороны матери, гуляя со мной по высокому берегу Амура и указывая на деревянные ступени крутой, длинной лестницы, – здесь, недалеко от базара, и был стан Хабарова. Тут он валы насыпал, пушки поставил, из бревен кедровых стены сложил. По его имени и город называли Хабаровском. Двоюродный дед мой, Виктор Федосеевич Сокольников, брат моей бабушки со стороны матери, весь север сибирский исходил и извездил на оленях и на собаках. Мамонт искал, золотоносные жилы, карты чертил для Географического общества, коллекции собирал для естественников. Один его мамонт стоит в Королевском британском музее. Слышал я маленьким, что мамонтово мясо можно было есть, так хорошо оно сохранилось во льдах тундры. У бабушки, в Хабаровске, в скромной гостиной стоял большой клык мамонта, и возле него лежал причудливый самородок. Дед мой, муж бабушки, в 1880-х годах служил в Якутске в казённой палате, а через Якутск все пути проходили, водные и оленьи, отсюда на перевал к Охотскому морю и Хабаров проходил. Здесь он снаряжался, пушки получал и материал военный. В архивах палаты хранились грамоты разные и документы того времени. У нас в Архангельске все знают дом Хабарова. Его жене Царь содержание от казны приказал выдавать, чтобы безбедно жила. Хабаров на Амуре город построил. Царь благодарил, сделал его своим полковником

и приказал воеводам всякую помощь ему оказывать».

Сохранились несколько фотографий базара, даже почтовая открытка «Рыбный базар в Хабаровске в начале XX века», к которой краеведы сделали надпись: «На дальнем плане видна китайская кумирня – её легко опознать по двум высоким столбам – на спуске с Артиллерийской горы, по гребню которой сейчас тянется улица Ленина, к берегу Амура. В ту пору этот склон назывался Тифонтаевским утёсом, а окрестная застройка именовалась китайской слободкой, так как там селились главным образом выходцы из Маньчжурии, искавшие заработка в пределах Российской Империи».

В прошлых веках с Тифонтаевского утёса лестница спускалась к воде, и в этом месте «недалеко от базара и был стан Хабарова».

Привлекают внимание строки из книги Г. И. Невельского: «Таким образом, к 1681 году не только весь Приамурский край составлял владение России, но, благодаря влиянию на туземцев из Ачанского и Косогорского острогов, мы, кроме того, владели бассейном реки Уссури и частью Сунгари, до гор». <...> «Положение наше в то время было таково: главный укрепленный пункт страны был Албазин, затем остроги по Амуру, вниз от Албазина: Кумарский, Зейский, Косогорский и Ачанский...».

Ачанский острог Приамурского края был на слуху и в 1684 году, спустя 32 года после зимовки в нём отряда казаков с Хабаровым.... И только после 1684 года «все наши посты вниз по реке от Албазина подверглись нападению маньчжуров». Мнение автора книги о том, что большой Ачанский улус находился на месте современного города Хабаровска, на его утёсах и вблизи устья Уссури, там, где по правому берегу двух рек располагались улусы Джоада, Турмэ, Хехцир, Месур, Сиза, Бури и далее до села Сикачи-Алян ещё десяток маленьких селений, подкрепляется главным аргументом – этот район отличался от других плотностью населения племени гольдов. Начальная стадия распространения колонизации на Приамурье в устье Уссури и на берегах Амура в XVII веке, при сравнении административных данных Амурской ясачной книги 1655–1656 годов с этнографическими картами XIX и начала XX века, изменила этнографические данные, но недостаточно кардинально. Так, название племени гольдов «натки», данное им Поярковым в 1644 году, мы нашли на карте 1844 года в музее имени В. К. Арсеньева во Владивостоке.

Предлагаем приглядеться внимательно к фотографиям из серии «Виды окрестностей

города Хабаровска» второй половины XIX века. В альбоме «Хабаровск в 1886–1887 гг.» есть снимок «Вид на порт и лагерь 3-го батальона близ г. Хабаровска». Снимок был сделан с высоты правого берега Амура. На переднем плане вытянутый к северу амурский остров, а за водной гладью – порт с большой гаванью и удобным рейдом, над портом на горе белеют штабные и казарменные здания 3-го линейного батальона (в прошлом – 13-й Сибирский линейный батальон). В октябре 1859 года Ф. Б. Шмидт написал: «2 октября пришёл я в местечко Хабаровку при устьях Уссури, где расположен линейный батальон. Поселение это стоит на крутом берегу в 60 футов высоты, где Уссури впадает в Амур; отсюда вид великолепнейший; оно окаймлено диким дремучим лесом, а за ним несколько вдали возвышался Хехцир, вдоль нижнего течения Уссури. Скала, на которой построено новое поселение, состоит из витых пластов, годных для выжигания извести». В описаниях Ф. Б. Шмидта узнается первый утёс Хабаровска, на котором сегодня возвышается Спасо-Преображенский кафедральный собор (улица Тургенева, 24). Однако местом, на котором стояли казармы 13-го батальона и часовня Марии Магдалины, считаются склоны утёса, который сегодня украшает памятник Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Этот утёс в XX веке украсили барельеф с изображением чинов Русской

Императорской армии на камне и табличка с памятным текстом.

Ради исторической справедливости отметим, что слева от названной скульптурной плиты-мемориала с надписью: «31 мая 1858 года на этом месте солдаты 13-го Сибирского линейного батальона основали пост «Хабаровка», установленной в Хабаровске в 1983 году ниже смотровой площадки «Амурский Утёс» (с 2016 года – музей, входящий в музейный комплекс имени Н. И. Гродекова (улица Шевченко, 11), можно установить скульптурную мемориальную плиту с надписью: «29 сентября 1651 года на берегу Амура казаки отряда приказчика новой Даурской земли Ерофея Павловича Хабарова основали стоялый острог «Ачанский».

К берегу села Сикачи-Алян из города, названного именем Ерофея Хабарова, летом подходит человек-теплоход «Василий Поярков» – старое судно постройки времен СССР. Он являет собой символ былого великопия русской идеи прирастания Восточной Сибири к владениям самого сильного царя на Земле и всея Руси в XVII веке Алексея Михайловича Романова. «Василий Поярков» подвозит сюда туристов пообщаться с гольдами, посмотреть на петроглифы и купить на память изделия местных мастеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малой родиной Е. П. Хабарова считается Сольвычегодский уезд. Он располагался «по реке Вычегде ниже рек Лупьи и Чаколки, по притокам Вычегды Виледи и Нимянде, по С. Двине вверх от устья Вычегды, по правому берегу Сухоны и по югу с его притоком Лузой». Мой дед – Михаил Иванович Мизёв (14.02.1897–20.05.1942) – уроженец деревни Верхняя Лупья, известной с 1579 года.

2. В конце XIX– начале XX века географы отмечали следующее. У Хабаровска вскрытие Амура происходит в среднем на 24 дня ранее, нежели в Николаевске, а замерзание – на 14 дней позднее, почему и ледостав у Николаевска на 38 дней продолжительнее. Судя по имеющимся данным, наименьшая разница во времени вскрытия Амура у Хабаровска и Николаевска – 17 дней – наблюдалась в 1879 году, наибольшая – 31 день – наблюдалась в 1898 году.

3. Зима в крае чаще малоснежная, суровая, ветреная – все это обусловлено зимними муссонами, направленными в сторону океана. Продолжается 140–150 дней. Начинается в первой декаде ноября, когда среднесуточная температура воздуха опускается ниже -5°C , средняя температура за сезон – минус $15,8^{\circ}\text{C}$. Средняя температура по месяцам: ноябрь – минус $8,1^{\circ}\text{C}$, декабрь – минус $18,5^{\circ}\text{C}$, январь – минус $22,3^{\circ}\text{C}$. Максимальная: 0°C , минимальная: -47°C .

4. Приказчик – управляющий, исполнитель воеводских приказов.

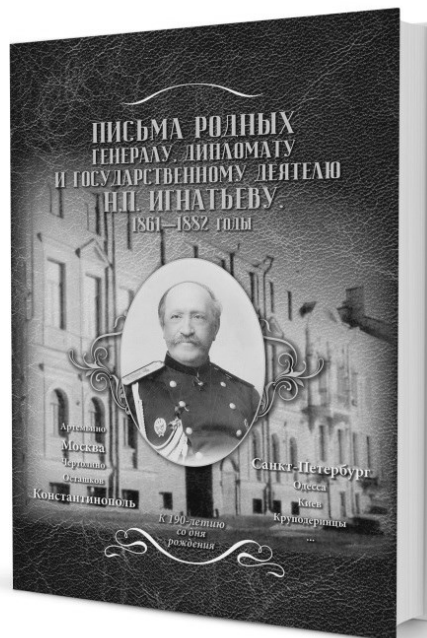
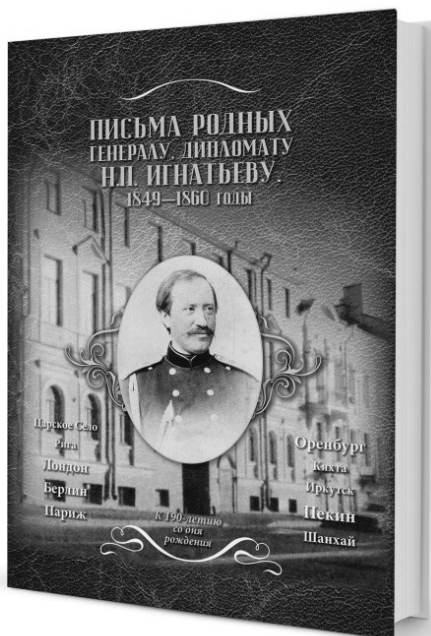
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ельницкий, К. В. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России. Этнографические очерки / К. В. Ельницкий. – Санкт-Петербург : Паровая скоропечатня М. М. Гутзаца, 1895. – 142 с.

2. Еникеев, Г. Р. Корона Ордынской империи, или татарского ига не было / Г. Р. Еникеев. – Москва : Алгоритм, 2012. – 400 с.

3. Маак, Р. К. Путешествие на Амур, совершенное по поручению Сибирского отдела РГО в 1855 г. / Р. К. Маак. – Санкт-Петербург : Типография К. Вульфа. – 1859. – С. 159–160.
4. Забелина, Н. Н. Новые данные о древних связях Дальнего Востока с Забайкальем / Н. Н. Забелина // Вопросы географии Дальнего Востока. Вып. 6. – Хабаровск, 1963. – С. 283–286.
5. Замечательные русские люди Ерофей Хабаров и Семен Дежнёв. 2-е издание. – Санкт-Петербург : Общественная Польза, 1897. – С. 3–25.
6. Записки Императорского русского Географического общества [под редакцией А. Н. Бекетова] // Из путевых заметок капитана Гамова, исследовавшего в 1859 году местность рек Амура и Уссури. – 1862.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «БУКЕР»

Письма родителей, братьев и сестер Николая Игнатьева дополняют изданную в 2021 году книгу Вячеслава Лушнова «Российский уполномоченный в Китае генерал Игнатьев», погружая читателей в атмосферу России середины XIX века.

Члены дворянской семьи Игнатьевых, проживающие в местах службы главы семейства – в Витебске и Санкт-Петербурге, в письмах к Николаю рассказывают о политической обстановке в стране, о своих путешествиях по России, об отношении к Богу, о пережитых счастливых и горьких событиях, о родных и близких людях. Особый интерес представляют письма, отправленные Игнатьевыми в Иркутск, Кяхту, Пекин, Шанхай.

На страницах писем 1859–1860 годов «оживают» герои эпохи освоения Восточной Сибири, присоединения к России Приамурья и Приморья – Н. Н. Муравьев-Амурский и С. М. Корсаков, Е. В. Путятин и И. Ф. Личачев, помощники уполномоченного в Китае генерала Н. П. Игнатьева, а также первые лица Империи Цин, дипломаты и военачальники Англии, Франции и США.

Письма этого сборника – яркие картинки из жизни семьи Игнатьевых: Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор Павел Николаевич Игнатьев решает вопрос освобождения крестьян в семейных имениях, где после возвращения из Китая работает старший сын Николай; с 1864 года Николай Павлович Игнатьев – посол в Константинополе; Алексей, флигель-адъютант, полковник гвардии, в отпуске продолжает дело старшего брата, занимаясь хозяйственными и финансовыми делами семьи; младший брат Павел выходит в гвардейские офицеры, становится юристом; Мария Ивановна делится с сыном проблемами обучения и нравственного воспитания молодого поколения Игнатьевых. Надежда и Ольга посвящают друга и брата Николинку в семейные тайны, рассказывают о светской жизни.

В сборниках опубликованы письма Н. П. Игнатьеву дворянина Тамбовской губернии Николая Ивановича Енгальцева.

Оба сборника писем подготовлены к 190-летию уникальной исторической личности – графа Николая Павловича Игнатьева. Письма публикуются впервые. В основу издания легли материалы Государственного архива Российской Федерации, хранящиеся в фонде Игнатьева.

Е. В. КОВАЛЕНКО,
хранитель музейных предметов
Амурского областного краеведческого музея
имени Г. С. Новикова-Даурского

Ключевые слова: Широкогоров, антропология, музей, антрополог, Петроград, этнолог, лингвист, востоковед, ученый, эмигрант, Благовещенск, семейные экспедиции, Дальний Восток, Маньчжурия, орохоны, Сахалин, Пекин, Кунсткамера, фонды.

Сергей Михайлович Широкогоров – русский востоковед, антрополог, этнограф и этнолог. Известен, прежде всего, как автор термина «этнос» в его современном значении и родоначальник самостоятельной теории этноса. Главная цель статьи – на основе хорошо известных в научных кругах фактах познакомить широкий круг читателей с жизнью и научными исследованиями семьи Широкогоровых. Основной акцент в статье сделан на работе Широкогоровых в 1910-е годы – двухлетняя комплексная научная экспедиция на Дальний Восток России и северо-восток Китая, в историческую область Маньчжурия; работа у конных орохонов и у оленных орохонов с самоназванием «эвенки»; деятельность С. М. Широкогорова в Благовещенске и Владивостоке.

В статье читатель сможет познакомиться с предметами, хранящимися в фондах Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского, которые были оставлены в музее С. М. Широкогоровым.

О МАЛОИЗВЕСТНОМ НАСЛЕДИИ (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ С. М. И Е. Н. ШИРОКОГОРОВЫХ)

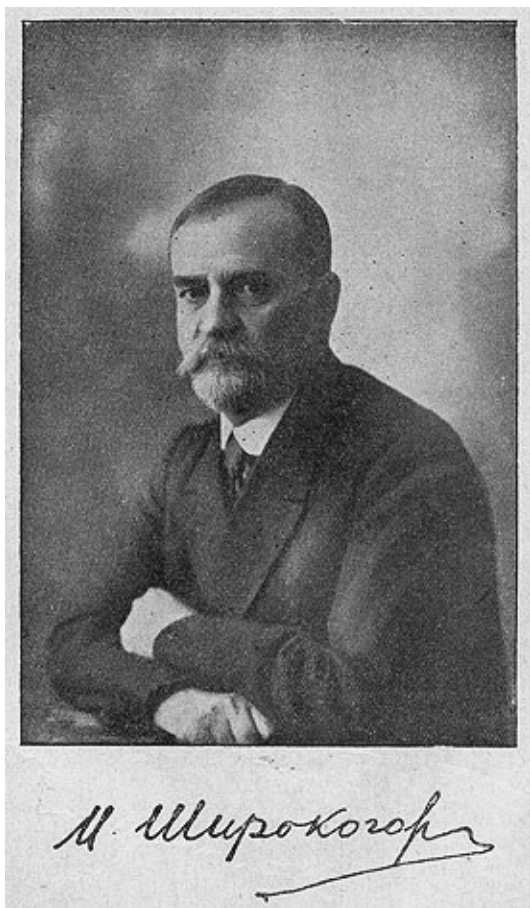
В августе 2019 г. в фондах Амурского областного краеведческого музея работала Анна Анатольевна Сирина, антрополог, этнограф, старший научный сотрудник отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. Одним из направлений её работы было изучение наследия выдающегося русского антрополога Сергея Михайловича Широкогорова.

Сергей Михайлович Широкогоров (1887–1939), выдающийся русский антрополог, этнолог, лингвист, востоковед, учёный. Эмигрант – с 1922 г. жил и работал в разных университетах Китая. Ши Луго (китайское имя Широкогорова) хорошо знают в антропологических кругах Китая как человека, стоявшего у истоков китайской этнографии. Его труды оказали огромное влияние на развитие шамановедческих и тунгусоведческих исследований в мире.

Сергей Широкогоров родился 19 июня 1887 г. в Суздале в семье провизора (аптекаря).

В 1896 г. поступил на учёбу в Тульскую гимназию, а позднее перевёлся в частную немецкую гимназию города Юрьев, которую окончил в 1904 г. В 1905 г. выехал в Пари, где обучался на филологическом факультете Парижского университета и, параллельно, занимался в Высшей школе политической экономии, а с 1907 г. ещё и в Антропологической школе. В 1910 г. получил учёную степень доктора филологии Сорбонн.

По возвращении в Россию (1910) зачислен сотрудником в Музей антропологии и этнографии при Академии наук и назначен заведующим тунгусским отделом музея. В 1916 г. избран младшим антропологом и назначен хранителем музея по Антропологическому отделу. С 1910 г. принимал активное участие в экспедициях по Восточной Сибир и Дальнему Востоку. В этот период посещал занятия на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета и одновременно проходил курс в Археологическом институте.

Верным другом и сподвижником Сергея Михайловича была его супруга Елизавета Николаевна, урожденная Робинсон. Родилась 22 мая 1884 г. в Екатеринодаре, также в семье провизора; окончила частную женскую гимназию М. Н. Стоюниной в Петербурге. Неизвестно, при каких обстоятельствах Сергей и Елизавета познакомились, но свой выбор сделали единственный раз и на всю жизнь. Молодые обвенчались 29 июня (12 июля) 1908 г. в Свято-Троицкой и Александра Невского церкви в Париже.

Елизавета Николаевна, музыкант и учитель по образованию, сопровождала своего мужа во всех экспедициях. Преимущества семейных экспедиций С. М. Широкогоров обосновывал на собственном примере тремя основными причинами: супруга помогала установить дружественные отношения с тунгусами, маньчжурами и другими народами; очень много помогала в сборе материалов, прежде всего по закрытой для мужчин женской интимной стороне жизни. Летом и осенью 1912–1913 гг. супруги собирали материалы в Забайкалье среди оседлых и оленных тунгусов-орочонов.

В 1915 г., несмотря на участие России в Первой мировой войне, Российская академия наук и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии при Министерстве иностранных дел смогли изыскать средства на

двухлетнюю комплексную научную экспедицию на Дальний Восток России и северо-восток Китая, в историческую область Маньчжурии. Целью исследований данной экспедиции было тунгусское «племя» орочонов – их антропологические характеристики, язык, фольклор, социальная структура, материальная культура, верования. Особо выделялась задача сбора этнографических коллекций для Музея антропологии и этнографии в Петрограде. СобираТЕЛЬСКАЯ работа была главным и непременным условием таких экспедиций. Сбор коллекций был для Широкогорова одновременно и целью, и методом работы. Экспедиции работали маршрутно-стационарным методом и были оснащены современными техническими средствами.

В июне-июле 1915 г. Широкогоровы работали у конных орочонов, в июле-августе – у оленных орочонов с самоназванием «эвенки» (соседние группы называли их якутами); в сентябре-октябре того же года у – маньчжур (орочонов) на р. Кумаре, где было закуплено много вещей, которые удалось провезти через Чернявскую таможню на территорию России.

С начала ноября 1915 г. базой экспедиции стал г. Сахалин – центр Хэйлунцзянской провинции. В январе 1916 г. экспедиция собирала материалы по шаманству и этнографические коллекции в деревнях, расположенных по Амуру. Работая среди маньчжур в районе Айгуна ранней весной 1916 г., Широкогоровы собрали богатый этнографический, антропологический и фольклорный материал.

Супружеская пара Широкогоровых во время экспедиций представляла собой как бы научно-исследовательский и научно-организационный центр, притягивавший местные интеллектуальные силы. С. М. Широкогоров стремился привлечь к выполнению задач экспедиции встреченных им людей, оживить археологические и этнографические исследования, которые велись отделениями императорского Русского географического общества, Общества изучения Сибири и других. Он лично встречался с людьми, выступал с лекциями и сообщениями, делился планами, получая благодарный отклик. Однажды после выступления в Благовещенске на объединенной секции членов местного Общества изучения Сибири и Географического общества к Сергею Михайловичу подошел техник Управления водных путей Амурского бассейна Александр Александрович Яковлев. Он выразил желание передать для МАЭ (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого – Кунсткамера) коллекцию тунгусской одежды и отличного качества фотографии орочонов (эта коллекция поныне хранится в МАЭ).

Елизавета Николаевна и Сергей Михайлович Широкогоровы

Учительница из поселка Чекунда (нынешний Верхнебуреинский район Хабаровского края), тунгуска Павла Васильевна Афанасьева по просьбе учёного собирала для МАЭ образцы тунгусских орнаментов, делала записи фольклора. Сергей Михайлович обучал её антропометрии, методике записи фольклора, стремясь сделать из неё корреспондента для МАЭ. Планировалась её совместная с Елизаветой Николаевной экспедиция к бурейским орочам, которая, увы, не состоялась.

Летом и осенью 1915 г. супруги совершили три экспедиционных выезда в северо-западную Маньчжурию к трём группам орочей: хинганским конным, оленным с реки Быстрой и кумарским. Каждый экспедиционный выезд продолжался более месяца. Путешественников сопровождали казаки Иван Пешков и Афанасий Темников, уроженцы караула Старо-Цурухайтуй на берегу реки Аргунь, люди опытные и надёжные.

В экспедиционных поездках Широкогоровы собрали много ценнейшего полевого материала, и не только с точки зрения этнографии, но и с географической точки зрения, поскольку путешественники впервые охарактеризовали рельеф и гидрографию ранее совершенно неописанной северной оконечности хребта Большого Хингана.

В марте 1917 г. Широкогоровы возвращались из Благовещенска в Хайлар по железной дороге. Одеты в английские походные костюмы, имевшие с собой много документов, ружья, палатки и другой экспедиционный скраб, они были арестованы местными активистами

на станции Рухлово (ныне Сковородино) как якобы немецкие шпионы. Записи орочьского фольклора, сделанные кириллицей, были истолкованы активистами как шифр. Десять суток супруги провели под арестом вместе с сопровождавшим их орочом, пока их не отпустили. Политическая обстановка быстро менялась, после ареста работа не заладилась, пришлось возвращаться в Петроград.

Таким образом, первую половину революционного 1917 г. Широкогоровы провели в экспедиции, середину – в Петрограде и Екатериноударе, а в ноябре уже были вынуждены выехать в Пекин.

Широкогорова беспокоил вопрос о судьбе собранных коллекций, которые он, судя по архивным документам, был вынужден оставить на хранение в Благовещенске. В 1917 – начале 1918 гг. несколько его знакомых из Благовещенска, имевших отношение к Географическому обществу, были убиты. «Вывезти коллекции из Благовещенска невозможно, да и, кажется, нет уже смысла, т.к., перевезя их в другое место, можно их подвергнуть тому же риску», – так характеризовал эту ситуацию сам Широкогоров.

Часть этих предметов была зарегистрирована в Амурском областном краеведческом музее, а потом передана в Кунсткамеру. Маньчжурская коллекция была описана доктором исторических наук, востоковедом В. С. Стариковым в 1970-е годы. Через него же в 1976 г. В МАЭ РАН из Амурского областного краеведческого музея была передана описанная им коллекция, содержащая, согласно описи, 5

предметов, привезённых Широкогоровым из Маньчжурии.

По каким причинам некоторые предметы из данной коллекции не были переданы в МАЭ РАН нам не известно. Сегодня в книгах по-

ступлений основного фонда Амурского областного краеведческого музея зарегистрированы несколько предметов, переданных в музей Сергеем Михайловичем Широкогоровым в 1916 г.

1	Эб	Ковш-шумовка с трубницей для всаживания ручки и деревянной ручкой, дно пробито отверстиями для процеживания. Передал С. М. Широкогоров в 1916 г. Маньчжурия, начало 20 в. Железо, дерево. d-16,7 см. Сохранность: Поржавел, дерево рассохлось, на ручке трещины.	4286	
2	Т	Мотыга железная, насаженная на деревянный обух с деревянной ручкой. Передал С. М. Широкогоров в 1916 г., собран в экспедиции 1915-1916 гг. Маньчжурия, конец 19 в. Дерево, металл. 70,5x40x9,5 см. Сохранность: Потертости, царапины, ржавчина, выбоины, дерево потемнело.	4336	Т 1241
3	Ээ	Капкан веревочный с двумя дужками и веревочной петлей, применялся для охоты на мелких зверей. Передал С. М. Широкогоров в 1916 г., собран в экспедиции 1915-1916 гг. Маньчжурия, конец 19 в. Дерево, веревка; ручная работа. 27x16,5x3,5 см. Сохранность: Дерево загрязнено, потерто, в царапинах. Веревка загрязнена, потерта, местами расслоилась.	4344	Ээ 19
4	Ээ	Чашка, выдолбленная из цельного куска дерева, в форме корытца. Поступила от С. М. Широкогорова. Маньчжурия, 1916 г. Дерево. 19x12x5,5 см. Сохранность: Дерево потемнело, трещины, следы грубой обработки.	4366	Ээ 221
5	Ээ	Пороховница кожаная, черного цвета, сшита в виде фляги. Передана в 1916 г. С. М. Широкогоровым. Северная Маньчжурия, начало 20 в. Кожа. 17x12x5,8 см. Сохранность: Пятна, трещины, ремешок оборван.	6511	Ээ 212
6	Т	Шпулька для наматывания веревок при витье, в виде двух крестовин на железном стержне, закрепленном на подставке. Передал С. М. Широкогоров в 1916 г., собран в экспедиции 1915-1916 гг. Северная Маньчжурия, начало 20 в.	6535	
7	Т	Намордник для лошади в виде клетки из палочек с отверстиями, через которые продета проволока обруч. Передал С. М. Широкогоров в 1916 г., собран в экспедиции 1915-1916 гг. Северная Маньчжурия, начало 20 в. Дерево, проволока, нитки, сталь. 28x65x2,5 см. Сохранность: Дерево потемнело, потерто, с выщербинами, нижняя проволока утрачена, разбит на 2 фрагмента.	6537	Т 797

Разразившаяся гражданская война застывает Широкогорова на Дальнем Востоке, и он остаётся работать во Владивосток. Сергей Михайлович принимал активное участие в создании частного историко-филологического факультета, а затем и государственного Дальневосточного университет. Во Владивостоке Широкогоров занимался преподаванием и публикацией своих работ, в том числе обобщающих данные, собранные экспедициями.

Установление советской власти на Дальнем Востоке застало семью Широкогоровых в Шанхае. Не имея возможности прервать начатую работу по изданию своего труда «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений», Сергей Михайлович оказался в вынужденной эмиграции в Китае и сначала работал в учебных заведениях Шанхая и Аомыня.

С 1930 г. Широкогоровы поселились в Пекине. Сергей Михайлович преподавал в Католическом университете в Пекине и Уни-

верситете Цинху. Был научным руководителем у китайского антрополога и социолога Фэй Сяотун.

В эмиграции С. М. Широкогоров написал десятки работ, выходявших в основном на английском, частично – немецком и французском языках.

До конца 1950-х годов к трудам Сергея Михайловича Широкогорова было опасно обращаться, т.к. власть не особо жаловала учёных-эмигрантов. Совсем недавно после десятилетий забвения имя Широкогорова вернулось в науку вместе с его трудами. К 130-летию со дня его рождения в 2015 г. с английского языка на русский была переведена и опубликована монография «Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географическом расселении и истории этих групп)».

В 2019 г. в Благовещенске прошёл международный тунгусоведческий конгресс, посвящённый памяти учёного. В научной среде с

большим уважением относятся к имени Широкогорова, а его труды постоянно востребованы специалистами.

В 2015 г. В. Н. Давыдов и Дж. Даддинг нашли предполагаемое место захоронения супругов С. М. и Е. Н. Широкогоровых непода-

леку от территории современного Российского посольства в Пекине, на территории православного кладбища бывшей Русской духовной миссии. К сожалению, кладбище уничтожено при строительстве новых зданий и подземной автостоянки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сирина, А. А., Давыдов, В. Н. «Продававшая леди плакала, когда покупку уносили»: этнографические коллекции С. М. и Е. Н. Широкогоровых / А. А. Сирина, В. Н. Давыдов // Этнографическое обозрение. – 2017. – №4. – С. 9–31.
2. Сирина, А. А., Давыдов, В. Н. О малоизвестном наследии С. М. Широкогорова / А. А. Сирина, В. Н. Давыдов // Этнографическое обозрение. – 2017. – №5. – С. 5–8.
3. URL: <https://shirokogorov.ru/s-m-shirokogoro>
4. URL: <https://web1.kunstkamera.ru/siberia>

С. Г. КУДРИН,
кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник
Хинганского государственного
природного заповедника

Ключевые слова: научное изучение флоры, Хинганский заповедник, Амурская область.

В статье хронологически описывается процесс выявления видов флоры крайнего юго-востока Амурской области и Хинганского заповедника. В процессе работы над статьёй проработаны литературные источники освоения края и изучения флоры конкретной небольшой территории. Данная статья представляет и обогащает историю заповедника и Амурской области конкретно-историческими изысканиями. Она вписывается в историю страны, пополняет источниковую базу для изучения общероссийских явлений и процессов в преломлении на локальной территории – Амурском крае и области, крайнем юго-востоке и Хинганском заповеднике.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЛОРЫ КРАЙНЕГО ЮГО-ВОСТОКА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Выявление видового состава флоры Хинганского государственного природного заповедника (ХГПЗ) и крайнего юго-востока Амурской области, в рамках изучения флоры российского Дальнего Востока (РДВ), начато в XVIII веке первыми исследователями и продолжается до настоящего времени. Гербарные образцы, как свидетели подтверждения сбора с территории, хранятся в различных гербарных хранилищах России. Сборы первых исследователей находятся в центральных гербариях европейской части России: Санкт-Петербурге (LE) в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова (БИН РАН), Москве (MW, МНА) в Московском университете им. М. В. Ломоносова (МГУ) и Главном ботаническом саду Академии наук России (ГБС РАН). Большая часть современных сборов растений сосредоточена в региональном гербарии Дальнего Востока (ДВ) (VLA) – в настоящее время «Федеральный научный центр биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии» ДВО РАН или ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН и Гербарии ХГПЗ (ARKH).

Первые сведения о Приамурье были получены ещё в середине XVII в., в результате походов на Амур «землепроходцев» В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова и др. Первую сводку об

Амурском крае, по архивным данным и запискам бывших там людей, составил Г. Ф. Миллер в 1757 г. [28].

Начало научному изучению Приамурья положил А. Ф. Миддендорф [27], посетивший Амурский край во время своего знаменитого сибирского путешествия. Зимой 1843–1844 гг. он прошёл с востока на запад по северным районам Амурской области, не пересекая район исследования.

Во второй половине XIX в., после официального присоединения Приамурья к России, на российский Дальний Восток устремилось множество экспедиций самого разного назначения. В их составе работало немало крупных натуралистов, труды которых получили широкую известность. Назовем среди них Г. М. Пермикина, К. И. Максимовича, Л. И. Шренка, Р. К. Маака, Г. И. Радде, Ф. Б. Шмидта, П. П. Глена, С. И. Коржинского, В. Л. Комарова. Являлись ботаниками и специально занимались изучением флоры К. И. Максимович, П. П. Глен, С. И. Коржинский и В. Л. Комаров. Многие исследователи решали другие задачи, и, попутно, собрали значительные ботанические материалы. Маршруты большей части пер-

вых экспедиций охватывали неширокую прибрежную полосу долин рек: Амур, Зeya, Бурея. В. Л. Комаров [13] и В. М. Попов [29] так описывают, в хронологическом порядке, ботанические экспедиции своих предшественников.

Р. К. Маак проплыл в период между 27 мая и 21 июня 1855 г. от Албазина до выхода Амура из ущелья Буреинских гор вместе с одной из военных экспедиций того времени настолько быстро, что мог собрать на этом пути лишь очень немногое. На обратном пути из Мариинска он добрался до г. Айгун 29 сентября 1855 г. Коллекции растений, собранные Мааком, были обработаны К. И. Максимовичем и Ф. Б. Рупрехтом и опубликованы этими авторами.

Есть виды с крайнего юго-востока Амурской области в небольшой коллекции Л. Н. Шренка, собранной им в 1854–1856 гг. по всему течению Амура, в районе залива Хаджи, близ Николаевска, и у залива Де-Кастри. Она вошла в состав коллекций К. И. Максимовича и включена в его книгу «*Primitiae Florae Amurensis*» [41].

К. И. Максимович проплыл в 1856 году от Мариинска (8 июля) до Усть-Стрелки (6 сентября). В 1859 году он проплыл от Усть-Стрелки до г. Благовещенска, а затем от него (2 июля) до устья р. Сунгари (13 июля). Результатом первой экспедиции Максимовича был гербарий из 900 видов и капитальный труд «*Primitiae Florae Amurensis*», изданный в 1859 г. С-Петербургской Академией наук как IX том её «Мемуаров», а также и отдельной книгой. Результатом второй – гербарий приблизительно 800 видов растений и отдельные монографии о новых или малоизвестных родах и видах в «*Diagnoses*».

Г. И. Радде спустился вниз по Амуру в лодке, прошел 17 июня 1857 г. устье р. Бурея и 21-го остановился у устья р. Лагар в пределах Буреинских гор, где устроил склад и постоянную стоянку. Почти весь 1858 год он провел в Буреинских горах, детально изучая их флору и фауну. Густавом Ивановичем неоднократно посещалась территория крайнего юго-востока Амурской области, от восточной границы которой до его стоянки чуть более 40 км.

С 1859 по 1862 г. геолог Ф. Б. Шмидт и его спутник ботаник П. П. Глен четырежды прошли в районе исследования. В 1859 году они из Сретенска спустились до р. Уссури, которой достигли в октябре, и на зимовку вернулись в г. Благовещенск. Весной 1860 г. они сплавились в Николаевск и по 1862 г. работали на о. Сахалин и в Приморском крае. С мая 1862 г. по рр. Амгунь и Бурея они вышли к Амуру у станицы Скобельцино (9 августа) и далее направились в г. Благовещенск. Ими

собран и значительный гербарий растений за время путешествия по рр. Амур, Амгунь, Бурея. Он был обработан и опубликован Ф. Б. Шмидтом [39] в трудах Сибирской экспедиции Русского географического общества. Растения, собранные Ф. Б. Шмидтом и П. П. Гленом по верхнему и среднему течению Амура, переданы К. И. Максимовичу. Образцы частично обработаны П. П. Гленом. Часть сохранилась в гербарии Ботанического музея Академии наук необработанной.

С. И. Коржинский 30 апреля 1891 года отплыл из Сретенска вниз по Шилке на пароходе. Экскурсировать он начал впервые 10 мая в окрестностях г. Хабаровска. 25 июня он приехал в г. Благовещенск и с 9 июля до начала августа изучал хлеботордную и населенную часть Амурской области, расположенную между низовьями рек Зeya и Бурея. В местность за р. Бурея, на территорию исследования, Сергей Иванович не углублялся.

В. Л. Комаров, на средства изысканий по постройке Амурской железной дороги, работал в Амурской области и Хабаровском крае, в то время ещё Амурском крае. Территорию будущего Хинганского заповедника и крайнего юго-востока Амурской области Владимир Леонтьевич прошёл с 1 по 21 июля 1895 г. Хронологически маршрут описывается так. Первого июля экспедиция выступила из Пашковского посёлка (в настоящее время с. Пашково) на запад, идя вдоль окраины древней долины Амура, наперерез низовий речных долин Мутной, Грязной, Урила, Ганукана и Хара (р. Архара), мимо гор Осинда (отроги Малого Хингана). По территории будущего Хинганского заповедника, от р. Мутной до р. Урил, прошёл 2–4 июля, за р. Урил с 5 по 6 июля. В долине Хара (сопка Богучан, пос. Аркадие-Семеновский и заимка Фирсова) он экскурсировал с 7 по 11 июля, а потом пересёк возвышенный водораздел между долинами Хара и Бурея, куда к устью реки Домикан и одноименной с нею деревне вышел 14 июля. Из дер. Домикан прошёл левым берегом Буреи к её устью (16–19 июля) и далее по пойме Амура в станицу Иннокентьевскую (в настоящее время с. Иннокентьевка) (20–21 июля). Из Иннокентьевской он плывал в Благовещенск, а оттуда спустился опять к пос. Пашковскому. На этом отрезке пути Владимиром Леонтьевичем выявлено 476 видов высших растений (собрано 331 вид, отмечено 227 видов). С территории Хинганского заповедника выявлено 158 видов: собрано в гербарий 81 вид и отмечено в заповеднике 92 вида. Большую ценность представляют сведения о *Pinus sylvestris* L., которую он наблюдал по пойме р. Архара, *Nelumbo nucifera* Gaertn. (*N. komarovii* Grossh.), *Potentilla flagellaris*

Willd. ex Schlecht., *Arenaria juncea* Bieb. [*Eremogone juncea* (Bieb.) Fenzl] [13].

Сведения о флоре имеются в работах, связанных с деятельностью Переселенческого управления. Оно создано в начале XIX в. В Санкт-Петербурге. Общее научное руководство осуществляли почвовед К. Д. Глинка и ботаник Б. А. Федченко. На Дальнем Востоке работала Первая и Вторая Амурская экспедиции. Исследования начаты в Амурской области с 1901 г. и закончены в 1919 г. Наиболее значительными ботаническими публикациями этого периода являются: «Отчёт о работах по обследованию казенно свободных площадей Монмалтинского-Пайканского и Буреино-Архаринского районов Амурской области» [17], «Список растений Амурской области, собранных преимущественно И. Ф. Крюковым» [34] и «Очерк растительности Зейско-Буреинского района Амурской области» [16]. Изыскания М. Ф. Короткого не охватили исследуемую территорию, но примыкают друг к другу по р. Бурея. И. Ф. Крюков [16] изучил растительность трёх районов Амурской области. На одном из них, в междуречье рр. Бурея и Архара (севернее территории исследования), работал в 1904 г. В «Списке растений Амурской области ...» кроме коллекций И. Ф. Крюкова, И. М. Субботина и Л. Ю. Людевига [26], и самого Б. А. Федченко, использованы данные предыдущих исследователей.

На исследуемой территории Б. А. Федченко [35] находился в период с 20.08 по 21.08.1909 г. и собрал 40 видов высших растений. Его путь описан так: «Пытались переехать перевозом через р. Бурея (в 7 верстах выше Осташино), но из-за большой воды не смогли. От Осташино до Скобельцина на лодке. От Скобельцина до Иннокентьевской на лошадях. От Иннокентьевской до Михайловки по дороге вдоль Амура. Через р. Архара на лодках 2-х в виде парома. С Михайловки до Касаткиной вдоль Амура. Так как р. Урил был полноводным, то с Касаткино до Сагибово ехали на лодке. Путь от Сагибово до станицы Пашковой мы сделали снова на лошадях, по широкой долине Амура, заросшей высокотравными и болотистыми лугами». Общий список растений составляет 606 видов сосудистых растений, с указанием мест сбора.

В. С. Доктуровский [6] в «Сводном списке растений Амурской области (*Polypodiaceae* — *Orchidaceae*)» для территории исследования, по сборам В. Л. Комарова и Б. А. Федченко, приводит 10 видов.

В 1923–1932 гг. возобновили работу почвенные и геоботанические экспедиции дальневосточного Переселенческого управления. В гербарии заповедника хранятся гербарные сборы почвенной экспедиции И. И. Плюснина,

работавшего в южной части Хингано-Архаринского района в 1929–1931 гг. Интересны сборы *Nelumbo komarovii* Grossh. с оз. Елифанцево. Гербарные образцы *Oryza sativa* L. из окрестностей с. Пашково. Экспедицией посещались северные или горные районы, так как в сборах присутствуют не выявленные нами в исследуемом районе виды: *Alnus fruticosa* Rupr. [*Duschekia fruticosa* (Rupr.) Pouzar], *Arcrostaphylos uva-ursi* (L.) Spreng., *Loiseleuria procumbens* (L.) Desv., *Pinus pumila* (Pall.) Regel, *Rhododendron aureum* Georgi, *R. parvifolium* Adams, *Salix reticulate* L.

С 1950 г. Советом по изучению производительных сил АН СССР были организованы Дальневосточная (1950–1954 гг.), а затем Амурская (1955–1959 гг.) экспедиции. В этот период Л. А. Корецкой [14, 15], изучавшей естественные кормовые ресурсы бассейна Амура, были выделены типы лугов, составлен картографический материал, характеризующий закономерности размещения лугов в бассейне Амура. В полустационарных и картографических работах по Архаринской низменности принимали участие сотрудники отряда Б. Н. Громашева, В. Ф. Климова, Н. С. Казанская. Ими была составлена схематическая карта лугов Архаринской низменности.

С момента организации ХГПЗ, в октябре 1963 г., целенаправленные ботанические исследования начались с 1967 г., когда сотрудники кафедры ботаники Благовещенского государственного педагогического института (БГПИ или БГПУ в настоящее время) Г. Д. Дымина и Н. В. Гриценко, как руководители студенческой практики, выявляли видовой состав растений и обследовали луговые фитоценозы. Работы проводились в 1967–1970 гг. с базовой точки в посёлке ст. Кундур. В результате исследований опубликовано ряд работ: «Списки папоротникообразных, голосеменных и покрытосеменных (однодольных) растений заповедника» [3, 5]; «Ранневесенние растения лесов» [12]; «Новые виды для флоры Амурской области» [4]; «Основные типы лугов и сезонные изменения на сырых ветвистых лугах» [7, 8]. Проведён сравнительный анализ вегетативных и репродуктивных органов осок, часто встречающихся в Приамурье [9, 10].

В этот период собирался гербарий, отдельные гербарные образцы которого хранятся в гербарии БГПИ (БГПУ). Часть гербарных образцов была передана заповеднику, но до настоящего времени коллекция не сохранилась. Некоторые дублетные образцы были переданы на хранение в Гербарии: БИН РАН (LE), ГБС РАН (МНА) и МГУ (MW). Позднее, собранные в то время материалы использованы Г. Д. Дыминой в монографии «Луга юга

Дальнего Востока» [11]; Н. В. Гриценко [2], после дополнительного посещения заповедника в 1987 и 1989 гг., опубликовала тезисы доклада «Флора Хинганского заповедника». Для ХГПЗ Надеждой Владимировной указывается около 800 видов сосудистых растений, принадлежащих к 354 родам и 106 семействам.

С 1984 по 1986 гг. по хоздоговору с Биолого-почвенным институтом Дальневосточного отделения (БПИ ДВО) РАН или ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН была проведена инвентаризация сосудистых растений заповедника. Научное руководство осуществлял заведующий лабораторией высших растений БПИ, профессор, д.б.н. С. С. Харкевич. Сотрудник этой лаборатории к.б.н. В. В. Якубов в результате трёх полевых сезонов достаточно полно выявил видовой состав высших растений. В заключительном отчете «Изучение сосудистых растений Хинганского государственного заповедника» [40] приводятся 763 вида и отдельным списком ещё 53 – по литературным данным. В результате выполнен основной этап в изучении флоры территории заповедника, то есть, проведена инвентаризация большей части разнообразия видового состава. Дублиеты сборов ежегодно передавались заповеднику и в Гербарий МГУ (MW).

Имеющиеся и переданные гербарные коллекции дали толчок к началу создания в 1985 г. гербария заповедника. 14 декабря 2006 г. Гербарий заповедника зарегистрирован в Index Herbariorum и ему присвоен международный буквенный индекс (акроним) ARKH. В настоящее время в Гербарии хранится 7833 гербарных образцов, принадлежащих 1514 видам высших и низших растений. Коллекция высших растений составляет 7034 гербарных образцов, принадлежащих 1205 видам и 510 родам. Коллекция мхов состоит из 244 пакетов или 91 вида.

По окончании инвентаризации сосудистых растений заповедника нами начато проведение инвентаризации редкостей. По материалам последней инвентаризации и дополнительных флористических исследований В. В. Якубовым и автором подготовлен в 1982 г. аннотированный список видов «Сосудистые растения Хинганского заповедника» [23]. В нём количество видов, выявленных на территории заповедника, по сравнению с инвентаризацией 1984–1986 гг., увеличилось до 811, в дополнительном списке осталось 46 видов.

В 1994–1997 гг. автором проведена инвентаризация флоры в Кундурской охранной зоне (Кунд. ОЗ), которая примыкает к ХЛ и занимает площадь в 14 тыс. га. Всего собрано 1467 гербарных образцов принадлежащих 459 видам. Отмечены только здесь: *Athyrium mon-*

omachii (Kom.) Kom., *Potamogeton richardsonii* (A. Benn.) Rydb., *Agrostis gigantea* Roth, *Avena fatua* L., *Elymus dahuricus* Turcz. ex Griseb., *Fallopia dumetorum* (L.) Holub, *Thalictrum squarrosus* Steph. ex Willd., *Kummerowia stipulacea* (Maxim.) Makino, *Vicia woroschilovii* N.S. Pavlova, *Erigeron politus* Fries, *Xanthium albinum* (Widd.) H. Scholz, *X. strumarium* L. В меньшем объёме проведены сборы в Рачинской и Антоновской охранных зонах.

К 1994 году, по итогам инвентаризации высших и низших растений, подготовлена глава «Сосудистые растения» коллективной монографии «Флора и растительность Хинганского заповедника» [18]. Глава «Сосудистые растения» в ней написана автором. Здесь приведены данные уже о 861 виде сосудистых растений с территории заповедника.

Буквально сразу назрела необходимость подготовить совместно с В. В. Якубовым «Дополнение к флоре сосудистых растений Хинганского государственного заповедника» [24], где сообщалось ещё о 87 видах сосудистых растений, новых для территории заповедника и окрестностей. Из 46 видов приведённых для флоры заповедника наиболее интересны редкостью и встречей на границе ареала: *Pulsatilla turczaninowii* Kryl. et Serg., *Aldrovanda vesiculosa* L., *Drosera anglica* Huds., *Viola dactyloides* Schult., *Mazus stachydifolius* (Turcz.) Maxim., *Asyneuma japonicum* (Miq.) Briq., а для сопредельной территории: *Silene tolmachevii* Bocquet, *S. noctiflora* L., *Gentiana macrophylla* Pall., *Schizonepeta multifida* (L.) Briq., *Linaria vulgaris* Mill., *Rhinanthus vernalis* (Zing.) Schischk., *Ambrosia artemisiifolia* L., *Senecio ambraceus* Turcz. ex DC.

Следующая статья «Новые для флоры Хинганского заповедника виды сосудистых растений» опубликована в 2004 г. так же в Ботаническом журнале [19]. В ней сообщается о 37 видах сосудистых растений. Новых растений для флоры Хинганского заповедника 20 видов и его охранной зоны – 17. Из них 5 видов впервые собраны на территории Нижне-Зейского флористического района [37].

В последующем дополнении, в 2011 г., сообщается о 48 видах сосудистых растений, новых для территории заповедника и пяти видах впервые собранных с территории Нижне-Зейского флористического района [20]. В это же время подготовлена статья о новых видах Амурской области. В ней сообщается о 15 видах сосудистых растений, новых для флоры Амурской области. Из них: один вид *Elisanthe viscosa* (L.) Rupr. впервые приводится для флоры российского Дальнего Востока (РДВ), ещё один *Barbarea arcuata* (Opiz ex J. et C. Presl) Reichenb. для материковой флоры РДВ и 11

видов впервые собраны на территории Нижне-Зейского флористического района [21].

Статья, вышедшая из печати в 2018 г. «Новые виды сосудистых растений флоры юго-востока Амурской области» актуальна как для Хинганского заповедника, так и Амурской области [22]. В ней сообщается о 25 видах сосудистых растений, новых для флоры крайнего юго-востока Амурской области (21 вид) и Хинганского заповедника (4). Из них *Asparagus officinalis* L., *Carum buriatum* Turcz. впервые приводятся для флоры Дальнего Востока, три вида впервые собраны на территории Нижне-Зейского флористического района.

В связи с выходом книги «Флора российского Дальнего Востока: Дополнения и изменения к изданию «Сосудистые растения советского Дальнего Востока». Т. 1–8 (1985–1996)» [36] в 2007 начата и в 2008 году закончена флористико-систематическая ревизия сосудистых растений Гербария заповедника. В процессе ревизии приведены в соответствие с современным уровнем развития флористико-систематических исследований названия семейств, родов и видов коллекции сосудистых растений заповедника. По результатам работ список флоры пополнился 33 новыми видами, переопределёнными из гербарных фондов, и 5-ю приводимыми по литературным источникам [31, 32, 33, 38]. В то же время из списка исключено 24 вида растений, упоминавшихся ранее в литературных источниках и не собранных до настоящего времени.

В 2013 г. совместно с сотрудником БПИ (или ФНИЦ Биоразнообразия) ДВО РАН В. В. Якубовым подготовлена и опубликована книга «Иллюстрированная флора Хинганского заповедника (Амурская область): сосудистые растения». Список сосудистых растений включает 953 вида и подвида из 337 родов и 113

семейств. 904 вида сопровождаются оригинальными цветными фотографиями [25].

Принимали участие в изучении флоры заповедника и юго-востока Амурской области следующие коллекторы: в 1980-м и начале 1981-го годов – Е. Н. Петров (бывший сотрудник заповедника); в августе 1982 г. сотрудница лаборатории высших растений БПИ Г. Ф. Яшенкова; летом 1985 г. – студентка Томского государственного университета (ТГУ) Е. И. Баранник. Представлены сборы студентов разных лет и разных учебных заведений: Г. А. Федосеева, О. В. Сергеевой, Л. Г. Бабешинной, С. И. Зуевой, Л. Ю. Комаровой, О. В. Козаковой, Т. А. Кузнецовой, Л. Е. Рец. Принимали активное участие в сборах: ст. лаборант ХГПЗ В. Н. Капустина, аспирантка БГПУ Т. В. Ступникова и студентка Дальневосточного государственного университета (ДВГУ или ДФУ в настоящее время), а в дальнейшем научный сотрудник заповедника Т. А. Кузнецова (в дальнейшем Парилова).

Выявление видового состава флоры ХГПЗ продолжается. В настоящее время природная флора заповедника содержит 1004 вида сосудистых растений, относящихся к 459 родам и 127 семействам или 949 аборигенных видов из 433 родов и 126 семейств. Флора крайнего юго-востока Амурской области представлена 1179 видами, принадлежащими к 524 родам и 135 семействам. Видов аборигенных 1038, адвентивных 109 и культивируемых 33. По «Определителю растений советского Дальнего Востока» (1982) [1], «Сосудистым растениям советского Дальнего Востока» Т. 1–8 (1985–1996) [30] и «Флоре российского Дальнего Востока» (2006) [36] ожидается сбор ещё около 100 видов высших растений, заходящих ареалами на территорию заповедника и крайнего юго-востока Амурской области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворошилов, В. Н. Определитель растений советского Дальнего Востока / В. Н. Ворошилов. – Москва : Наука, 1982. – 672 с.
2. Гриценко, Н. В. Флора Хинганского заповедника / Н. В. Гриценко // Состояние природной среды Зейско-Буреинской равнины и сопредельных территорий. Перспективы её использования и охраны. – Благовещенск, 1991. – С. 69–71.
3. Гриценко, Н. В. Папоротникообразные Хинганского заповедника / Н. В. Гриценко, Г. Д. Дымина // Ботанический сборник. – Благовещенск : Хабаровское книжное издательство, 1972. – С. 16–21.
4. Гриценко, Н. В. Новые виды для флоры Амурской области / Н. В. Гриценко, Г. Д. Дымина // Ботанический журнал. – 1976. – Т. 61, № 2. – 1976. – С. 239–242.
5. Гриценко, Н. В. Голосеменные и покрытосеменные (однодольные) Хинганского заповедника / Н. В. Гриценко, Г. Д. Дымина // Флора Дальнего Востока. – Благовещенск : Хабаровское книжное издательство, 1977. – С. 3–20.
6. Доктуровский, В. С. Сводный список растений Амурской области (*Polypodiaceae* – *Orchidaceae*). Вып. 1 / В. С. Доктуровский. – Санкт-Петербург, 1912. – 216 с.

7. Дымина, Г. Д. Основные типы лугов Хинганского заповедника / Г. Д. Дымина // Ботанический сборник. – Благовещенск : Хабаровское книжное издательство, 1972. – С. 21–26.
8. Дымина, Г. Д. Сезонные изменения на сырых вейниковых лугах / Г. Д. Дымина // Флора Дальнего Востока. – Благовещенск : Хабаровское книжное издательство, 1977. – С. 22–41.
9. Дымина, Г. Д. Строение и признаки отличия вегетативных органов у дерновинно- и кочкообразующих осок Приамурья / Г. Д. Дымина // Биологические науки. – 1979. – № 10. – С. 61–69.
10. Дымина, Г. Д. Основные кочкообразующие виды рода *Carex* (Cyperaceae) Приамурья и их различие по репродуктивным органам / Г. Д. Дымина // Ботанический журнал. – 1982. – Т. 67, № 2. – С. 195–201.
11. Дымина, Г. Д. Луга юга Дальнего Востока / Г. Д. Дымина. – Новосибирск : Наука, 1985. – 190 с.
12. Дымина, Г. Д., Гриценко, Н. В. Ранневесенние растения в лесах Хинганского заповедника / Г. Д. Дымина, Н. В. Гриценко // Ботанический сборник. – Благовещенск, 1972. – С. 46–54.
13. Комаров, В. Л. Флора Маньчжурии. Ч. 1–3 / В. Л. Комаров // Избранные сочинения. – Москва; Ленинград : Издательство АН СССР, 1949. – Т. 3. – 524 с.; Т. 4. – 766 с.; Т. 5. – 815 с.
14. Корецкая, Л. А. Кормовые ресурсы Зейско-Буреинской равнины / Л. А. Корецкая. – Москва : Издательство АН СССР, 1956. – 77 с.
15. Корецкая, Л. А. Природные условия и кормовые ресурсы бассейна Амура / Л. А. Корецкая. – Москва: Изд-во АН СССР, 1962. – 129 с.
16. Короткий, М. Ф. Очерк растительности Зейско-Буреинского района Амурской области / М. Ф. Короткий. – Санкт-Петербург: Тип. «Печатный труд», 1912. – 149 с.
17. Крюков, И. Ф. Отчет о работах по обследованию казенно свободных площадей Монмальтинско-Пайканского и Буреино-Архаринского районов Амурской области / И. Ф. Крюков – Благовещенск, 1905. – 60 с.
18. Кудрин, С. Г. Сосудистые растения / С. Г. Кудрин // Флора и растительность Хинганского заповедника (Амурская область). – Владивосток : Дальнаука, 1998. – С. 88–153.
19. Кудрин, С. Г. Новые для флоры Хинганского заповедника виды сосудистых растений / С. Г. Кудрин // Ботанический журнал. – 2004. – Т. 89, № 1. – С. 128–131.
20. Кудрин, С. Г. Новые для флоры Хинганского заповедника виды сосудистых растений / С. Г. Кудрин // Ботанический журнал. – 2011. – Т. 96, № 1. – С. 103–107.
21. Кудрин, С. Г. Новые для Амурской области виды сосудистых растений / С. Г. Кудрин // Ботанический журнал. – 2011. – Т. 96, № 5. – С. 659–663.
22. Кудрин, С. Г. Новые виды сосудистых растений флоры юго-востока Амурской области / С. Г. Кудрин // Ботанический журнал. – 2018. – Т. 103, № 6. – С. 759–763.
23. Кудрин, С. Г., Якубов, В. В. Сосудистые растения Хинганского заповедника / С. Г. Кудрин, В. В. Якубов. – Москва : ВИНТИ, 1991. – 66 с.
24. Кудрин, С. Г., Якубов, В. В. Дополнение к флоре сосудистых растений Хинганского государственного заповедника / С. Г. Кудрин, В. В. Якубов // Ботанический журнал. – 1995. – Т. 80, № 9. – С. 121–125.
25. Кудрин, С. Г., Якубов, В. В. Иллюстрированная флора Хинганского заповедника (Амурская область): сосудистые растения / С. Г. Кудрин, В. В. Якубов. – Архара : ФБГУ «Хинганский государственный природный заповедник», 2013. – 335 с.
26. Людеви́г, Л. Ю. Отчет о почвенном исследовании части Зейско-Буреинского района Амурской области в 1903–1905 гг. / Л. Ю. Людеви́г. – Благовещенск, 1906. – 34 с.
27. Миддендорф, А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири / А. Ф. Миддендорф. – Санкт-Петербург, 1860–1878. – 758 с.
28. Миллер, Г. Ф. История о странах при реке Амур лежащих, когда оные состояли под российским владением / Г. Ф. Миллер. – Санкт-Петербург, 1757. – 45 с.
29. Попов, В. М. Почвенно-ботанические исследования в Амурской губернии в прошлом / В. М. Попов // Производительные силы Дальнего Востока. – Хабаровск-Владивосток : Книжное дело, 1927. – С. 337–353.
30. Сосудистые растения советского Дальнего Востока. – Ленинград : Наука, 1985–1989. – Т. 1–4.; Санкт-Петербург : Наука, 1991–1996. – Т. 5–8.
31. Старченко, В. М. Флористические находки в Амурской области / В. М. Старченко, Г. Ф. Дарман, И. А. Крещенок // Ботанический журнал. – 2007. – Т. 92, № 2. – С. 312–322.
32. Старченко, В. М. Флористические находки в Амурской области / В. М. Старченко, Г. Ф. Дарман, Я. В. Болотова // Ботанический журнал. – 2008. – Т. 93, № 3. – С. 476–481.
33. Старченко, В. М. Флористические находки в Амурской области / В. М. Старченко, Г. Ф. Дарман, Я. В. Болотова // Ботанический журнал. – 2009. – Т. 94, № 5. – С. 759–763.
34. Федченко, О. А. Список растений Амурской области, собранных преимущественно И. Ф. Крюковым / О. А. Федченко, Б. А. Федченко // Ботанический журнал. – 1906. – № 7–8. – С. 211–278.
35. Федченко, Б. А. Материалы для флоры Дальнего Востока / Б. А. Федченко. – Санкт-Петербург, 1912. – 262 с.
36. Флора российского Дальнего Востока. Дополнения и изменения к изданию «Сосудистые растения советского Дальнего Востока» / Отв. ред. А. Е. Кожевников, Н. С. Пробатова. – Владивосток : Дальнаука, 2006. – 456 с.
37. Харкевич, С. С. Флористические районы советского Дальнего Востока / С. С. Харкевич // Сосудистые растения советского Дальнего Востока. Т. 1 – Ленинград : Наука, 1985. – С. 20–22.
38. Цыренова, Д. Ю. Два новых вида рода *Geranium* (Geraniaceae) из бассейна реки Амур / Д. Ю. Цыренова // Ботанический журнал. – 2008. – Т. 93, № 1. – С. 137–140.

39. Шмидт, Ф. Б. Амгунь-Буреинская флора. Труды Сибирской экспедиции РГО. Т. 2. / Ф. Б. Шмидт. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1874. – 84 с.
40. Якубов, В. В. Изучение сосудистых растений Хинганского государственного заповедника. Заключительный отчет / В. В. Якубов. – Владивосток, 1986. – 97 с.
41. Maximowicz, K. J. *Primitae florum Amurensis: Versuch einer Flora des Amurlandes* / K. J. Maximowicz. – St. Petersburg : Buchdruckerei der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1859. – 504 p.

В. А. ПУШКАРЁВ,

кандидат исторических наук,
руководитель отдела культуры
Благовещенской епархии

Ключевые слова: иеромонах Ермоген, Православие в Прибайкалье и Приамурье, Усть-Киренский Свято-Троицкий монастырь, Албазинский Спасский монастырь, Албазинская икона Божией Матери, народное почитание, канонизация.

В центре внимания настоящей статьи личность иеромонаха Ермогена, устроителя Усть-Киренского и Албазинского монастырей, духовника первых русских поселенцев Приамурья. В статье представлен краткий очерк его земной жизни, а также прослежена история народного почитания преподобного старца в восточных епархиях Русской Православной Церкви. Особый акцент сделан на перспективе церковной канонизации православного подвижника.

К ВОПРОСУ О КАНОНИЗАЦИИ ИЕРОМОНАХА ЕРМОГЕНА

О происхождении Ермогена [прим.1] и его жизни до монашеского пострига ничего не известно. В источниках он именуется «прихожим попом», из чего можно сделать вывод, что он прибыл в Восточную Сибирь вместе с казаками, уже будучи иеромонахом [11].

Первое документальное упоминание Ермогена содержится в челобитной илимских крестьян и промышленных людей, поданной 15 марта 1663 года воеводе Лаврентию Обухову. Челобитчики просили выделить землю близ Никольского погоста для устройства монашеской обители, строителем которой выдвигали чёрного попа Ермогена. Прошение было удовлетворено. На реке Лене при впадении в неё Киренги Ермоген получил требуемые земли и начал собирать братию. Первым делом были построены часовня и кельи, заведено крепкое хозяйство. В 1665 году было получено благословение архиепископа Тобольского Симеона на строительство в новой пустыни двух церквей – в честь Живоначальной Троицы (с двумя пределами) и Казанской иконы Пресвятой Богородицы [7, с. 3–5].

Однако продолжить начатое дело иеромонаху Ермогену не удалось. Причиной тому ста-

ло убийство илимского воеводы Лаврентия Обухова 28 июня 1665 года. Преступление совершила группа местных жителей, которых воевода разорял и бесчестил. Учинив таким образом самосуд, они решили бежать в Даурию. Возглавил отряд беглецов приказчик Никольского погоста Никифор Черниговский. Под его предводительством в Даурскую землю отправилось более 80 человек. В приказной избе на Чечуйском волоке они составили пространную челобитную, в которой объяснили свой поступок нежеланием более терпеть обуховский произвол. При этом они обещали верно служить русскому государю на Амуре. Среди многих беглых людей, приложивших руку к этой челобитной, значился и чёрный поп Ермоген [10, с. 88–89, 93].

Черниговцы увели старца против его воли, желая воссоздать на новых землях традиционный церковный уклад. По всей видимости, Ермоген расценил своё пленение как промысел Божий и с христианским смирением принял крест доброго пастыря для пленивших его разбойников. Известно, что по мере следования на Амур несколько человек, включая сыновей Никифора Черниговского, оставили отряд

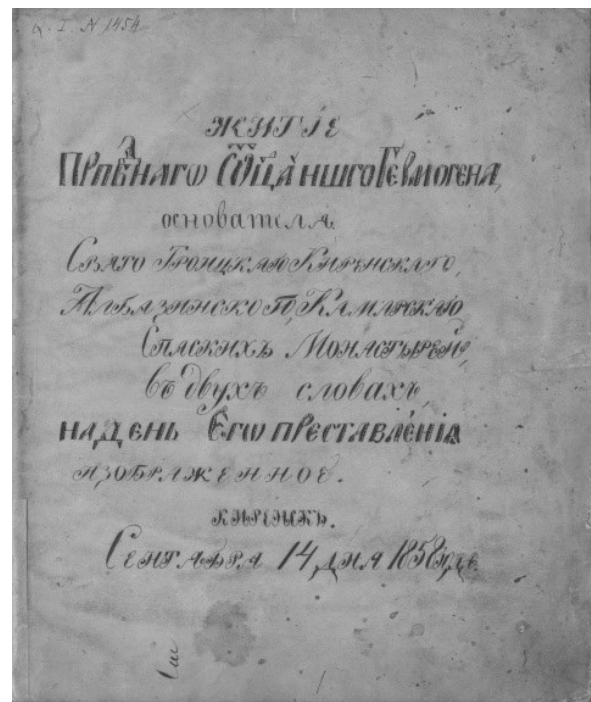

Портрет Ермогена, XVIII в.

и поворотили обратно [10, с. 120]. Вероятно, возможность побега была и у Ермогена. Однако, следуя пастырскому долгу, он продолжил путь с разбойничьей ватагой.

Отряд Никифора Черниговского прибыл на Амур осенью 1665 года и обосновался на месте бывшего даурского городка князя Албазы. Пятнадцатью годами раньше это поселение было захвачено Ерофеем Хабаровым, а после его ухода пришло в запустение. Уже к следующей осени люди Черниговского отстроили Албазинский острог, обложили ясаком местное население, завели пашню и сняли первый урожай. Тем самым через несколько лет они заслужили царское прощение, а также повеление и впредь нести службу на Амуре [8, с. 193–194].

Не забывали албазинцы и об устройении церковной жизни. В самом остроге была возведена церковь во имя Воскресения Христова. А в 1671 году в одной версте повыше Албазина в урочище Брусяный камень иеромонах Ермоген основал монастырь во имя Всемилоственного Спаса [7, с. 7]. Здесь подвизалось несколько монахов и более 20 вкладчиков – семейных крестьян, которые передали в монастырскую собственность имущественные пай с правом получения от них годовой прибыли в виде хлеба и скота. Уже через несколько лет после своего основания монастырь имел довольно обширное хозяйство: пашни, сенные покосы, скотские выпуски, табун лошадей, стадо рогатого скота, две мельницы, торговые лавки, две заимки на Амуре и даже двор

Первый лист Жития Гермогена

в Нерчинске. Духовным центром монастыря был храм во имя Спаса Всемилоственного. Усилиями монахов, албазинских казаков и монастырских вкладчиков для него были приобретены необходимые для службы иконы, книги и ризы [4, с. 39–40].

В июне 1685 года обитель была уничтожена маньчжурами. Монахи и жители окрестных селений укрылись за стенами Албазинского острога. Но силы противников были неравны. Тогда иеромонах Ермоген убедил албазинского воеводу Алексея Толбузина начать переговоры о мирной сдаче крепости. Маньчжуры позволили албазинцам беспрепятственно уйти в Нерчинск, отобрав всякое имущество [10, с. 246–248]. Тем не менее, иеромонах Ермоген вынес из подлежащего сожжению острога чудотворный образ Всемилоственного Спаса и несколько других храмовых икон, среди которых по преданию была икона Божией Матери «Слово Плоть Бысть» [8, с. 229].

Отпущенные маньчжурами албазинцы пошли вверх по Амуру. Всего в отряде было более 230 человек. Опасаясь, что такому числу людей не удастся найти достаточного пропитания, они решили разделиться. Отряд служилых людей под командованием воеводы Алексея Толбузина продолжил движение в западном направлении и скоро прибыл в Нерчинский острог. Другая группа албазинцев двинулась на север – по рекам, ведущим к Лене. В числе этих 120 человек – пашенных крестьян, промысленных и служилых людей был также иеромонах Ермоген [10, с. 249, 254].

По Лене он добрался до устья Киренги и вернулся в основанный им Свято-Троицкий монастырь, где принял схиму. 19 декабря 1690 года Ермоген почил и был погребен за правым клиросом Троицкой церкви [11].

Народное почитание Ермогена началось сразу же после его смерти. В память о нём в Усть-Киренском монастыре часто совершались панихиды. К месту его погребения приходили многочисленные паломники, которые свидетельствовали о чудесах, явленных по молитвам старцу. В 1788 году усердием игумена Вонифатия (Березина) над могилой Ермогена была устроена каменная гробница [7, с. 18, 23, 8]. Авторству этого же настоятеля принадлежит первый портрет Ермогена, который положил начало формированию его иконописного образа [11].

В начале XIX века другой настоятель обители – игумен Лаврентий (Мордовский), опираясь на хранившиеся в монастыре документы, составил «Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря». В этом небольшом документальном повествовании были собраны ценные сведения о земной жизни Ермогена. С небольшими дополнениями книга Лаврентия (Мордовского) была издана в Москве в 1841 году. Среди прочих дополнений в ней отмечалось, что «память сего строителя Ермогена чествуется многими, и усердствующими к нему над гробом его совершают часто панихиды» [7, с. 28].

В 1858 году в монастыре было написано «Житие Преподобного Гермогена». Правильнее сказать – оно было составлено из двух слов, произнесённых в дни памяти подвижника – 10 декабря (день тезоименитства) и 19 декабря (день кончины). Рукопись эта не содержит никаких указаний на её авторство. Вероятно, в роли агиографа выступил известный церковный учёный архимандрит Гавриил (Воскресенский), бывший настоятелем Усть-Киренского монастыря в 1852–1861 гг.

Первое слово представляет собой рассказ о земной жизни Ермогена. Во втором слове собраны свидетельства его посмертных явлений и связанных с его почитанием чудес. Всего зафиксировано 27 таких случаев. Почти все они имеют точную датировку (с 1794-го по 1857-й годы) и отсылку к реальным личностям свидетелей – насельников и служителей монастыря, а также жителей Киренска и прочих селений Киренского уезда. В этом ряду чаще других встречается фамилия Пежемских. Представители этого известного в Прибайкалье купеческого рода выступили свидетелями по 8-ми эпизодам. Многие случаи были записаны со слов паломников, приходивших отслу-

жить панихиду над гробом Ермогена с благодарением за явленные чудеса.

Условно все эти чудеса можно разделить на три категории. Большую их часть составляют свидетельства об исцелениях, произошедших по молитвам преподобному старцу. В ряде случаев люди утверждали, что Ермоген являлся к ним во снах и облегчал страдания добрым словом или прикосновением. Помимо избавления от разных недугов (больные конечности, проблемы с горлом, детские болезни) его благодарили даже за благополучное разрешение тяжёлых родов.

Другую категорию чудес составляют случаи, когда святой старец являлся к насельникам или служителям монастыря с целью их отеческого вразумления, а подчас и сурового обличения. Пожалуй, самым страшным было явление Ермогена, в котором он предрёк своему монастырю большой пожар и смерть многих монахов в наказание за их «нерадение и мирское мудрование». Предостережение старца не послужило исправлению братии. В августе 1814 года в монастыре случился страшный пожар, который уничтожил большинство деревянных построек. Но Алексеевская церковь, где находились мощи преподобного Ермогена, чудом уцелела.

С местом погребения старца связана третья группа чудес и видений. После упомянутого выше пожара монастырь, едва не пришедший в запустение, был отстроен заново. Однако в ноябре 1831 году обитель вновь была охвачена огнём. На это раз сгорела и Алексеевская церковь, но деревянная доска, покрывавшая гробницу преподобного, ко всеобщему удивлению осталась в целости. Несколько человек в разные годы видели, как в тёмное время суток Алексеевская церковь изнутри озарялась светом. Ещё несколько человек рассказывали, что видели во снах преподобного старца бодрствующим в склепе, либо выходящим из храма [15].

Во 2-й половине XIX века системной фиксацией чудес, связанных с именем Ермогена, по всей видимости, никто не занимался. Тем временем чудеса происходили, о чём становится известно из разных источников. Так, в октябре 1863 года в Свято-Троицком монастыре вспыхнул очередной пожар. По наблюдениям настоятеля, на месте, где покоились мощи основателя обители, огонь едва теплился, «как бы чем-то удерживаемый», в то время как в других частях храма пламя действовало беспощадно. По этому поводу архимандрит Дмитрий замечает: «Нельзя не видеть в этом обстоятельстве чудного знамения Всемогущего Господа, хранящего вся кости праведников». В этом же сообщении от-

мечается «всеобщее благоговение и близких, и дальних жителей к памяти Преподобного Гермогена как мужа праведного и молитвенника пред Господом, являвшего многократно чудную помощь притекающим к нему с молитвою веры» [5, с. 271–272].

Слова настоятеля подтверждает известный просветитель, распространитель Св. Писания И. К. Голубев. В конце XIX века он посетил Иркутскую епархию и по итогам своей поездки подготовил небольшой очерк о Свято-Троицком монастыре. В нём было отмечено: «Многие приходящие в монастырь помолиться, получают по молитвам преподобного Гермогена исцеление от болезней, так что память его чтится весьма благоговейно» [3, с. 8].

Летом 1913 года монастырь посетил викарий Иркутской епархии епископ Киренский Евгений (Зёрнов). 11 июля он совершил панихиду по основателю обители. В своём слове владыка отметил большие заслуги Ермогена в деле религиозно-нравственного просвещения края и призвал всех предстоящих вознести молитву «об упокоении со святыми его души, христиански любвеобильной и самоотверженной преданной служению духовному благо своих ближних» [13, с. 110–111]. Епископа Евгения сопровождал в поездке законоучитель Иркутского института священник Николай Пономарёв. В своём путевом дневнике он отмечает, что «память Гермогена чтится высоко. Почти в каждой синодике киренчанина можно встретить имя иеромонаха Гермогена, в монастыре очень часто по нём служат панихиды, к нему обращаются как святому, со своими немощами и нуждами... Народное мнение на стороне его святости» [13, с. 86].

Во второй половине XIX века память о Ермогене распространилась далеко за пределы Киренского уезда и достигла Дальнего Востока – канонической территории обширной Камчатской епархии [прим. 2]. Причин тому было несколько. Во-первых, Приамурье, где двумя веками раньше подвизался Ермоген, теперь снова стало достоянием России и именно сюда переместился центр епархиального управления. Во-вторых, в 1868 году в Благовещенск из Сретенска была привезена Албазинская икона Божьей Матери, которую по преданию впервые принёс на Амур Ермоген. В-третьих, многие приамурские архиереи прежде, чем занять Благовещенскую кафедру, проходили служение в Прибайкалье. А трое из них и вовсе начинали архиерейское служение викарными епископами Киренскими [прим. 3]. Несомненно, они способствовали росту почитания Ермогена среди своей новой паствы.

Так, в 1886 году Преосвященный Гурий (Буртасовский), епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский, предписал «всем причтам Камчатской епархии ежегодно 1 сентября совершать панихиды и заупокойные литургии о блаженном упокоении иеромонаха Ермогена, первого подвижника и проповедника веры и благочестия на Амуре» [6, с. 314]. Трудно сказать, чем был обусловлен выбор 1 сентября в качестве памятной даты, но уже через несколько лет ежегодные поминовения стали проводиться в декабре. Епархиальная пресса сообщает, что 11 декабря 1894 года в Благовещенском кафедральном соборе «по установленному обычаю была панихида по блаженном старце, иеромонахе Ермогене (почивающем в г. Киренске) – первом священнослужителе-миссионере на берегах Амура» [9, с. 532].

Таким образом, с полной уверенностью можно утверждать, что в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сложилось и широко распространилось народное почитание преподобного Ермогена. В память о нём регулярно совершались панихиды, писались иконы, на могилу старца в Усть-Киренском монастыре приходили паломники, местные агиографы фиксировали многочисленные свидетельства о явленных им чудесах.

При этом в церковных святцах имя Ермогена не упоминалось, что неудивительно, так как в синодальный период процесс канонизации был изрядно формализован. За весь период существования синодальной системы (1721–1917 гг.) общецерковного прославления удостоилось всего 10 святых, причём пятеро из них – только в начале XX века [прим. 4]. Ещё 15 подвижников были занесены в святцы как местночтимые святые [2, с. 82].

Однако кроме святцев обще- и местночтимых святых в Церкви составлялись также списки усопших православных христиан, которые по достоинству именовались святыми, но в памяти церковной им творились только панихиды. Вопреки формализации процесса канонизации церковное самосознание открывало всё больше и больше святых угодников Божиих, сведения о них бережно хранились, публиковались в церковной печати и систематизировались в помесечные своды «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия».

В 1916 году по инициативе Преосвященного Сильвестра, епископа Омского и Павлодарского началась подготовка «Сибирского патерика». В этот сборник, составленный по традиционному житийному канону, должны были войти «жизнеописания прославленных угодников Божьих и непрославленных подвижников веры и благочестия, кои родились или подвизались в пределах Азиатской России».

*Ермоген с Албазинской иконой Божией Матери
(автор – инокия Макария Нелинь)*

В числе непрославленных подвижников XVII века значился преподобный Ермоген Киренский [12, с. 7–12].

Всего же проект «Сибирского патерика» включал 50 имен. Из них только 5 на тот момент содержались в святцах, в скором времени ожидалось прославление ещё двух святых. Издание «Сибирского патерика» нашло поддержку других сибирских архиереев, был сформирован большой авторский коллектив, намечен план работы. Собранные в ходе этой работы материалы в перспективе могли стать прочной документальной основой для общецерковного прославления целого сонма сибирских подвижников веры и благочестия. Однако грянувшая вскоре революция и последовавшие за ней гонения на Церковь помешали реализации этого проекта [прим. 5].

Новый интерес к личности Ермогена возник в 1990-е годы. Его жизненному пути и духовному подвигу был посвящён ряд публикаций, подготовленных церковными и светскими исследователями. А с восстановлением исторической памяти о подвижнике возродилась и традиция его народного почитания.

В Православной церкви под «народным почитанием» понимается достаточно широкое почитание почившего подвижника верующими людьми ещё до его прославления в лике святых. Обычно оно выражается в совершении частных панихид, посещениях могилы подвижни-

*Икона Ермогена в Благовещенском
кафедральном соборе*

ка, массовых молитвенных обращений к нему за помощью в частном порядке [2, с. 79].

В православном Прибайкалье имя Ермогена особенно почитается в Братской епархии, на территории которой до революции действовал основанный им Усть-Киренский монастырь, где он и был погребён. В кафедральном соборе Братска и Спасском храме Киренска находятся иконописные образы старца, в память о нём, как и в XIX веке, регулярно совершаются панихиды.

В сознании православных жителей Приамурья личность Ермогена неразрывно связана с Албазинской иконой Божией Матери, широкое почитание которой также возродилось в 1990-е годы. В 2015 году архиепископом Благовещенским и Тындинским Лукианом (Куценко) был составлен акафист древней амурской святыне, отразивший ключевую роль Ермогена в истории её обретения:

«Видяще, Преблагая Владычице, усердие старца Ермогена, священноинока обители Усть-Киренския, благоизволила еси рукама сего образу Твоему святому на землю Амурскую принестися, у него же Великому Промыслителю Богу поем, Аллилуйя», «Разум благопросвещен имеюще, преподобный Ермоген мужественно противостояше бедам и лишениям в земли неизведанной, явленными благодеяниями от иконы Твоя в вере укрепляем, благодарне подвизает нас звати Тебе» [1, с. 7].

Каждую пятницу в Благовещенском кафедральном соборе перед Албазинской иконой

Современная икона прп. Ермогена

совершается благодарственный молебен с акафистным пением. По завершении молебна служитя заупокойная лития по Ермогену. Его имя внесено во все храмовые и монастырские синодики Благовещенской епархии. В числе

первых оно упоминается за каждой Божественной литургией на заупокойных ектениях и общих панихидах. Восстановлена дореволюционная традиция совершать особую панихиду в день памяти подвижника (19 декабря). В иконописной мастерской при женском Богородично-Албазинском монастыре написано несколько образов старца, копии которых имеются во многих храмах и домашних собраниях православных амурчан.

Как правило, закономерным следствием утвердившегося народного почитания является канонизация подвижника, то есть его прославление в лике святых для местного или общецерковного почитания [2, с. 81]. С этой целью в 2020 году по инициативе архиепископа Лукиана была образована специальная епархиальная комиссия. В настоящее время она занимается сбором и систематизацией сведений о жизни и трудах иеромонаха Ермогена, его посмертном и современном почитании. В обозримой перспективе все собранные материалы будут переданы на рассмотрение в Синодальную комиссию по канонизации святых. В случае её положительного заключения вопрос о прославлении первого амурского священника будет окончательно решён высшей церковной властью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В настоящей статье используется характерный для документов XVII-XVIII вв. и церковно-славянской традиции вариант написания этого имени. Исключение составляют библиографические данные и прямые цитаты из источников, где используется вариант «Гермоген».

2. В 1840–1873 гг. – Камчатская, Курильская и Алеутская; в 1873–1899 гг. – Камчатская, Курильская и Благовещенская; в 1899 г. разделена на Благовещенскую и Приамурскую, Владивостокскую и Камчатскую епархии.

3. Макарий (Дарский), в 1883–1892 гг. – епископ Киренский / в 1892–1897 гг. – епископ Благовещенский; Евсевий (Никольский) – в 1897 г. / в 1897–1899 гг., Евгений (Зёрнов) – в 1913–1914 гг. / в 1914–1923 гг.

4. В их числе, например, тезка албазинского подвижника – священномученик Ермоген, патриарх Московский и всея Руси, общецерковное прославление которого состоялось только в 1913 году.

5. В настоящее время 25 праведников из составленного в 1916 году поименного списка уже прославлены и включены в Собор сибирских святых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акафист Пресвятой Богородице, читаемый пред чудотворной иконой Божией Матери Албазинской, именуемой «Слово плоть бысть», с краткой историей обретения образа. – Благовещенск, 2015. – 40 с.

2. Воробьев Владимир, прот. Некоторые проблемы прославления святых к местному и общецерковному почитанию в конце XX – начале XXI вв. / протоиерей Владимир Воробьев // Вестник ПСТГУ. Серия II История. История Русской Православной Церкви. – 2010. – Вып. 2 (35). – С. 79-90.

3. Голубев, И. К. Свято-Троицкий Усть-Киренский мужской монастырь (Историко-археологический очерк) / И. К. Голубев. – Санкт-Петербург, 1894. – 16 с.

4. Забияко, А. П., Трухин, В. И. Албазинский Спасский монастырь: основные вехи истории и результаты исследований / А. П. Забияко, В. И. Трухин // Религиоведение. – 2021. – № 1. – С. 34-50.
5. Иркутские епархиальные ведомости. – 1863. – 16 ноября. – № 46.
6. Иркутские епархиальные ведомости. – 1886. – 15 ноября. – № 46.
7. Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря, почерпнутое из архивных монастыря сего бумаг, настоятелем сего же монастыря игуменом Лаврентием Мордовским. – Москва, 1841. – 48 с.
8. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – 424 с.
9. Камчатские епархиальные ведомости. – 1894. – 31 декабря. – № 24.
10. Красноштанов, Г. Б. Никифор Романов Черниговский: Документальное повествование / Г. Б. Красноштанов. – Иркутск, 2008. – 378 с.
11. Мангилёв Пётр, прот. ЕРМОГЕН / прот. Пётр Мангилёв // Православная энциклопедия. Т. 18. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/190187.html>
12. Омские епархиальные ведомости. – 1916. – 11 сентября. – № 37.
13. Пономарёв, Н. А. Поездка преосвященного епископа Евгения в Киренский уезд в июне – июле месяцах / публ. и авт. вступ. ст. Т. А. Крючкова, А. И. Шинковой. – Иркутск, 2007. – 232 с.
14. Пушкарёв, В. А. «Житие преподобного Гермогена, устроителя Киренского и албазинского монастырей» – уникальный памятник сибирской агиографии середины XIX века / В. А. Пушкарёв // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2022. – Вып. 106. – С. 99–131.

В. И. ЛУШНОВ,
генеральный директор
Дальневосточного издательства «Букер»
(г. Хабаровск)

Ключевые слова: Восточный институт, древняя история Китая, кочевники, Великая Китайская стена, Нижний Амур, сушэни, илоу, удзи, мохэ, область Нургань, чжурчжэни, русские язычники, русский полк под Ханбалыком (Пекин), монгольская династия, караул Нургань, маньчжурская династия, картограф С. У. Ремезов, ихтиофаги гольды, рыночные отношения, ярмарка, мена, торговля, культурный пласт.

Статья посвящена памяти выпускника 1912 года японского отделения Восточного института, учёного-востоковеда и журналиста Константина Андреевича Харнского (11.06.1884, Калвария, Царство Польское – 23.04.1938, Владивосток), внёсшего большой вклад в концепцию исторического развития стран Дальнего Востока (Китая, Японии и Кореи) в тесной связи с мировой историей.

ПРИКОСНОВЕНИЕ КИТАЯ К ПРИАМУРЬЮ

Бассейн среднего и нижнего течения реки Хуанхэ и прилегающая к нему с юга территория по праву считаются древнейшей родиной китайского народа. Древняя история Китая содержит в себе события с первого года царствования Государя Яо (2353 год до н.э. – 2234 год до н.э.) до падения династии Чжоу (221 год до н.э.). История сохранилась благодаря ежедневным Дворцовым запискам придворных историографов, которые считались утраченными, но в 213 году до н.э. 90-летний учёный по имени Фу-шэнь на память смог прочесть 58 глав. «При снесении дома, в котором жил Кхунцзы, нашли экземпляр Сокращённой Древней истории, скрытый в стене, который во всем сходствовал с пересказанным от Фу-шэна». Ежегодная датировка китайской истории начинается с 828 года до н.э. По теории вероятностей и мнению археологов, китайцы могли быть авторами многочисленных сикачи-алянских петроглифов на базальтовых валунах, обнаруженных под стенами утёсов и раскиданных по берегу течением Амура.

Капитан 1-го Сибирского отдельного полевого тяжёлого артиллерийского дивизиона (на 20.01.1917 г.), награждённый за отличия

в делах против неприятеля в Великой войне 1914–1918 годов орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени с мечами, историк стран Дальнего Востока Константин Андреевич Харнский [1] (31.05.1884–25.04.1938) в 1927 году написал пророческие слова: «...В подсознании коренящееся чувство европейского превосходства заставляло многих, писавших о Китае, невольно извращать относящиеся к прошлому Китая факты. В переживаемое нами время, когда господство Европы явно идет к концу и когда с огромной, сказочной быстротой вырастает роль народов Азии, становится возможным по-новому поставить вопросы, касающиеся истории Востока».

В XX столетии люди решили, что у природы существует специальный перерыв на отдых в «производстве» гениев: если отец гений, то на его сыне природа «отдыхает». В наше время под выражение философа Средневековья Эразма Роттердамского, ставшее прожектором человеческого взгляда на гениальность, не попадают китайцы. Все принципы и законы природы сегодня апробируются на них: «природа на

китайцах не отдыхает». Китайцы подчиняются природе, а природа подчиняется им. Феномен стремительной прибыли населения Китая, культурный и экономический прогресс государства объясняют врождённым кодом гениальности их предков. В начале мира было слово, и слово это принадлежало первобытному человеку Китая, многое с него началось. Так ли это или не так, но китайский мир демонстрирует гармоничность природы.

В Сикачи-Аляне нет писем на камнях, молитв или обрывков фраз, нет слов, но те рисунки, которые нам знакомы, – это наглядный отпечаток усердной работы мозга древнего человека: охотника или рыбака, шамана или мастера-одиночки. Абориген промысляет и своеобразным языком фиксировал, вырезал свои яркие и отчетливые впечатления на камнях. В этой местности так много петроглифов, что динамика их тиражирования может претендовать на звание феномена стойкого стремления племени к разговорной речи и переходу к печатному слову. Перед нами первый опыт ксилографии.

До появления бумаги для записи своих мыслей китайцы использовали камень, кость, черепахи щитки, бамбук, глину, дерево, металл, шёлк и другие материалы. Навыки работы с писчим материалом приходили к китайцам в хронологическом порядке, исходя из трудоёмкости процесса и поэтапного включения операционной умственной деятельности, но с завидным ускорением и выше, чем у соседей, скоростью. Китайцы начали земные дела раньше соседей. Так, к примеру, типография появилась сначала в Китае, затем в Корее, а потом в Японии [прим. 1].

В первом тысячелетии до н.э. китайцы расселились по всей Великой Китайской равнине между реками Хуанхэ и Янцзы. На этой обширной территории возникло несколько государств, правители которых часто враждовали друг с другом, хотя жители всех этих государств считали себя одним народом, потому что имели единую культуру и сходные обычаи.

Китай стал единым государством, как и Индия, в III веке до н.э. Его первым властителем был Цинь Шихуан. В 221 году до н.э. он объединил государство и, покончив с внутренними войнами, начал походы против соседних стран. Привлекали его южные земли на побережье Южно-Китайского моря. На севере противниками Китая были племена гуннов. Чтобы удержать отвоеванные у гуннов земли и обезопасить торговые пути от их набегов, велось строительство Великой Китайской стены.

Северные китайские территории, сегодня граничащие с Российской Федерацией, находились в то время во власти кочевников, от ига

которых китайцы стали постепенно отгораживаться сторожевыми башнями, соединявшимися переходами (на высоких стенах) и получали уникальные длинные крепости. На пути кочевников возводили укрепленные приграничные города и заселяли их. Покоя от кочевников не было, как известно историкам, с 1400 года до н.э., столкновения китайцев с варварами происходили ежегодно.

В империи Цинь задавались вопросом и рассуждали примерно так:

– Если мы живём не на островах, моря на севере страны нет, что тогда может защитить наше государство от варваров-степняков? Убереечь наши земли может непрерывная высокая, возведённая с Запада на Восток каменная стена с башнями для караулов. Правый край стены должен подходить к воде в заливе, чтобы закрыть империю от нападения по суше с севера, а также от племен с востока и от диких племён, обитающих на приморском побережье.

Более того, либерально настроенный к восточным цивилизациям А. Ф. Миддендорф, изучая знания китайцев о северных территориях, отмечал: «Даже преждевременно созревшие китайцы, с V века вступившие в ближайшие сношения с Северной Азией, получившие из этого соседнего края династию Вэйи, ещё в XVII веке ставят Ледовитое море вплоть за великой стеною».

Китайцы нашли ответы на свои вопросы по защите государства от внешнего врага. Приграничное строительство растянулось на тысячелетие, им приходилось строить и укреплять уже построенное, а порой и восстанавливать разрушенное. На строительство защитных укреплений отправлялись миллионы простых людей и преступников. В известный момент перед отправкой людей на работы войны уничтожили татарское войско численностью 100 000 человек. В конце III века до н.э. Великая Китайская стена была возведена. Сам факт завершения строительства стены-защитницы от татарского севера позволил китайцам определённо забыть в пределах своего царства и не мечтать о продвижении на другие территории, откуда угрожало иго, в том числе и от северо-восточных территорий Дальнего Востока, где течёт Нижний Амур. В Китае жили способные строители, чьи архитектурные замыслы воплощал многочисленный трудолюбивый, исполнительный народ.

О чём говорит факт возведения Великой Китайской стены? Во-первых, инстинкт самосохранения у китайского народа находится выше крайней планки шкалы выдержки собственных страхов, состояния переносимости существующих и вымышленных угроз извне, чем для многих цивилизованных азиатских

и европейских народов. Во-вторых, китайцы восприняли натиск чужеземных племён, как реальный массив, способный задушить их в собственной колыбели на территории родного государства, и с тех пор уже никогда не отключали тревогу биологического уровня. В-третьих, уникальным явлением китайцев стало объединение трёх природных составляющих в одну беспроектную человеческую позицию: непреходящую психологию страха; в критические моменты судьбы избавление от смерти; противопоставление материальному миру Земли природы китайского народа. С такими «картами» они выходили на игры с любыми стихиями, в состав которых они включили стихию другого человека. Философия и право у китайцев становятся вершиной их пирамиды, разящей всё верхнее, так как нижнее находится в иерархии ценностей заблаговременно раздавленным.

С тех пор у китайцев появилось особое географическое чутьё неоправданного риска, видение потерь прошлого, учёт вероятных потерь в будущем на конкретной территории земли [прим. 2]. Если при паводках на внутренних реках гибнут стада животных и сотни тысяч «черноголовых», то зачем увлекаться призрачной полезностью и заселять известные ужасными наводнениями северные реки с низкими берегами? Китайцы сохранили за северной территорией право иметь автохтонные сидячие племена. Кочевникам они позволили побывать у Великой Китайской стены, указали пути передвижения по степи, превратили Запад в главную цель.

Пройдёт время, и дикие орды, до времени перемещавшиеся параллельно культуре западной цивилизации, сделают Запад диким, обявят ассимиляцию людей на западных территориях благом. При таком раскладе китайцы останутся при своих внутренних интересах (не будут мешать американцам, проживающим за океаном, использовать древнюю китайскую стратегию).

Дух предпринимательства китайцы взяли у духов своей земли. Как и все народы мира, они обоготворяли воду, камень и огонь. Но, в отличие от других народов, они научились не только боготворить физические объекты культа, но и управлять ими в море, на суше и даже в небе. Научились держать духов при себе и, покидая родину в погоне за торговой прибылью, брать их с собой в неизведанные земли.

Сегодня известны материальные свидетельства народной культуры, которые привезло посольство сушэней ко двору Цинь Шихуана, это стрелы с наконечниками, пушнина, янтарь и другие предметы. Что давал, в свою очередь, Китай с третьего тысячелетия до н.э. пле-

менам Восточной Азии? Каким был материальный и духовный континуум Поднебесной? Как его развитие беспрепятственно покоряло всех соседей своим природным умением идти впереди планеты всей? Даже победители в долголетних войнах с Китаем, завоеватели ассимилировались в реальной самости китайского уникама.

С древних времён люди Нижнего Амура сушили рыбу на солнце или попросту обдавали её ветром. Изучая племена, учёные выяснили, что те из них, кто жил охотой, не добывают и не покупают соль. Животные сами находили соль в тайге, в сопках на камнях. Сушэни ели мясо убитых животных сырым – так они с мясом и кровью потребляли соль [прим. 3]. С появлением соли рыбу перед сушкой начали засаливать. Благодаря предварительной засолке срок сохранения сушёной рыбы увеличился в несколько раз. Также нижеамурцы стали солить и употреблять в пищу икру. Солёная рыба и икра стала перевозимым предметом купли-продажи, а из всех каменных богатств везде, и в первую очередь на Нижнем Амуре, кристаллы соли стали главной ценностью.

Соль аборигенам южного Амура стала поступать из Китая [прим. 4]. В Китае почитался бог соли Фей-ну, который, по преданию, научил китайцев добывать морскую соль, а в 2700 году до н.э. в Китае появился трактат по фармакологии «Пень-Цао-Кан-Му». В тексте давали сотни способов употребления сорока видов соли и только два метода её получения. Ежегодная церемония начала работ по солеварению производилась самим богдыханом, причём все принцы крови должны были лично принимать участие в приготовлении ценного продукта. Рабочие и члены императорского двора варили соляной раствор. Когда по консистенции он становился похожим на густое тесто, из него лепили «золотые пирожки». На каждом ставили клеймо императора. Затем сушили и использовали в качестве денег при покупке товара у местных народов и в дальних странах. Китайский император в IX веке собирал подати с соли. Китай менял шелка на крымскую соль. По Великому шёлковому пути верблюды, обожающие соль, безошибочно находили дорогу до Китая.

Ещё в древности китайцы научились выращивать чайные кусты и продавать чай на внешнем рынке. Сохранилась китайская легенда о том, что чайное дерево выросло из ресницы, которые вырезал у себя один из последователей Будды, набожный, кающийся, Дарма, сын Казуво, пришедший из Индии в Китай в конце V века по Р.Х. Под 793 годом по Р.Х. в летописях Китая записано: «В первом месяце этого года в первый раз была наложена пошлина на чай».

Эпоха Средневековья в Китае – время расцвета китайской империи при династиях Тан (618–907) и Сун (960–1279). В границы империи Тан к концу VII века приблизительно входили тайга и часть пустынных степей на севере, а на северо-востоке в сферу влияния номинально попадало и устье Амура. В доме Тан приговорённых к смерти освобождали от наказания, если они соглашались «сесть на землю» на северных окраинах, где земли не были истощены. В то время существовали бумажные деньги, и началось издание первой в истории человечества газеты «Правительственный Вестник».

О династии Сун и территории империи (960–1279) известно, что вначале она владела лишь бассейном Хуанхэ, никогда не достигла размеров империи Тан в VII веке. Внешних владений у неё не было никогда. К началу XII века кидани, тангуты, ищущие защиты (первоначально беженцы, принятые ещё в Танской империи) делили с сунами власть. В XIII веке у династии появился противник в лице нойчжэней – «они были для китайцев то «Илоу», то «Удзи», то «Мохэ», то, наконец, «Бохай».

В 1280 году к власти в Китае приходит монгольская династия Юань, которая учреждает в районе Дальнего Востока (Сунгари, Амур) область Нургань, куда из Южной Маньчжурии доставлялось продовольствие для гарнизонов и ссыльных, и для этого были устроены станции с ездовыми собаками. Область Нургань получала развитие при следующей династии – Мин. Размеры империи Юань были больше фактически, а не номинально.

Историки, рассматривая вопросы, связанные с областью Нургань, ссылаются на авторитет архимандрита Палладия (П. И. Кафарова), который сообщает, что Нижний Амур во времена правления чжурчжэней был сравнительно густонаселённым районом. Предположительно к территории Нургань относилась и южная область Нижнего Амура, которая была под контролем чжурчжэней.

Династия Мин (1368–1644) стала проводить активную внешнюю политику с целью подчинения соседних с Китаем территорий. По приказу Тайцзу (1368–1399), основателя минской династии, вдоль границ Китайской империи были учреждены многочисленные военные управления и опорные стратегические пункты, то есть караулы, откуда китайские войска могли бы осуществлять контроль над местными племенами, а также предпринимать против них военные экспедиции.

В XIII веке русские язычники с берегов Волги и Камы пришли в Восточную Азию служить в монгольских войсках на захваченных

потомками Чингисхана территориях Китая. «Военные поселения», или слободы с землёй для занятий и трудовой деятельностью, стояли под Пекином до 1368 года. Первые упоминания о русских в китайских хрониках относятся к времени правления династии Юань (1271–1368). На рубеже 1320–1330 годов в хронике упоминается о русском полке под Ханбалыком (так во времена Юань назывался Пекин) – «Сюаньчжун элосы вэй циньцзюнь» – «вечно верный русский полк». Видимо о таком факте писал доктор исторических наук Л. Н. Гумилёв, говоря о русских язычниках, ушедших с монголами на восток из-за неприятия на своей Родине другой веры.

Судя по фактам, если русские в монгольских войсках составляли отдельные дивизии, то численность их была немалой, и поэтому не удивительно, что возле Пекина возникали русские слободы. Дивизии с русскими воинами ходили в Индокитай, Бирму. При реконструкции движения с запада на восток вполне вероятно, что монгольские войска с русскими наёмниками могли воспользоваться речными путями. И не исключено, что в какое-то время русские речным путём спускались в составе монгольских частей к устью Амура. Окрестности города Нерчинска, откуда русские с XVI по XIX век включительно будут снаряжать сухоходные экспедиции и сплавы в сторону Дальнего Востока, по историческим данным, являются родиной Чингисхана. В масштабной организации военных действий полководцы из рода Чингизидов не могли не использовать точных географических знаний этих регионов. Сообщается, что русские поселения в Китае просуществовали до конца XIV века, вернее, до 1368 года, когда монголы и все их наёмники были уничтожены восставшими китайцами. Можно предположить, что некоторые русские находились в прямом подчинении юаньских чиновников и несли службу в Нурганьской области на Сунгари и Амуре.

В аспекте добровольной русской миграции, как побега от царской тирании, в наше время появилась информация о знакомстве китайцев, а не монголов, с русскими. Так, в 1330 году большая группа российских подданных перешла в западную часть Китая и поселилась среди тюркских племён. Правители правящей монгольской династии Юань приняли их, выдали волов, семена и орудия для возделывания пахотных земель. Конечно, в 1330 году русские могли прийти на службу в войска по причине, указанной выше. Где-то далеко, на Волге и Каме, они и не знали о государственном устройстве Монгольской империи, шли с монголами, а оказались в Китае.

Тем не менее, в период правления монгольской династии Юань, с 1271 по 1368 год, на Амуре были установлены монгольские караулы, на службе у которых могли оказаться русские переселенцы, наёмники, язычники.

Гольды Сикачи-Аляна рассказывали, что с этой территории некий народ Ха прогнали китайцы – с некоторой натяжкой можно сказать, что это были монголы, но в XV веке у Тырского утёса одна из стел была подготовлена и исписана монголами (Тырские стелы – это документы, тексты по обе стороны камня – на фасаде и с тыльной стороны). Именно поэтому установить причастность монголов к петроглифам на берегу Амура не удастся, да и гольды Сикачи-Аляна не смогли точно назвать «предшественников», проживающих на их территории, которые были на более диком уровне своего развития и наносили на камни примитивные рисунки, не написали на сикачи-альянских камнях послание потомкам, не оставили в наследство словарные материалы. Изучая промысловые традиции, сохранившиеся у аборигенов Амура, с которыми встретились русские исследователи, можно предположить, что рисунки на камнях неизвестные мастера нанесли гораздо раньше, до прихода на Нижний Амур монголов.

К 1375 году владения Мин простирались на север до современного города Кайюаня (провинция Ляонин). Была совершена первая безуспешная попытка минцев проникнуть в низовья Амура. Юаньский чиновник Нахачу первоначально не подчинился минам, и потребовалась специальная экспедиция, чтобы заставить его в 1387 году признать власть китайцев.

В результате был создан караул Саньвэй (в районе Кайюаня) и военно-административный приказ, управлявший племенами учжэ, ежэнь, нуючжи и цилеми. Минцы прямо контактировали с перечисленными племенами, но с племенами цилеми в XIV веке держали связь лишь через чжурчжэньские племена. Следовательно, помимо военно-политических причин, создание в 1404 году караула Нургань, расположенного ближе всех к районам Приамурья, преследовало и чисто экономические цели.

Создание караула Нургань связано с именем чжурчжэньского старшины Баладата из Хулавэнь. После его визита во втором месяце 1404 года было объявлено об учреждении сторожевого поста Нургань, ведавшего северо-восточными землями. Четверо чжурчжэньских старшин, в том числе Баладата и Аласунь, были назначены командирами-управляющими в ранге чжихуй-гунчжи. Старшину Гуляйя и ряд других старшин определили тысячниками и сотниками. Всем подчинившимся чжурчжэньским старшинам минские власти пожа-

ловали предписания, печати, шапки, пояса, одежды, бумажные деньги и соответствующие их положению среди местных племён ранги. В 1409 году Нургань был преобразован в пограничное военно-административное управление с главой Кан Ванном. Ему выдали охранную печать и выделили в его распоряжение 200 солдат. От управления Нургань должна была поступать в казну ежегодная взимаемая с местных племен дань, состоящая из соколов и собольих мехов. Дань привозилась на собаках, и для обеспечения регулярного движения были учреждены станции. Фактически Нургань не контролировалась минами. Территория Маньчжурии делилась на западную и восточную, южную и северную части. Южная фактически входила в состав минских владений и находилась под влиянием китайской администрации, северная часть подчинялась 384 караулам в западной части Маньчжурии. В восточной части находился 381 караул.

Интересно, что китайские историки, пользуясь традиционным мышлением «закидывания удочки» через кирпичную стену к татарам на север, факт пребывания у власти в Китае маньчжурской династии, которую некоторые ученые называют Цин (1616–1912), завоевавшей собственно Китай в ходе военной агрессии, взяли за основу претензии на все территории, где когда-либо проживали маньчжуры. В то же время российские историки уверены в обратном, а этносы – ороочоны, гольды, негидальцы и другие народы – слышат сердце своей земли, где их предки проживали на всей территории Хабаровского края, Амурской и Магаданской областей и Приморья пять тысяч лет назад и держали в страхе китайцев.

Описание маньчжурских караулов, составленных в восточной части Маньчжурии, сделаны во время сплавов с целью разведки по Амуру первых русских служивых людей, первопроходцев, промышленников и учёных, а детально описал встречи с начальниками маньчжурских караулов естествоиспытатель Р. К. Маак в 1855 году.

После Нерчинского договора 1689 года и официального ухода русских с Амура китайцы пытались вовлечь в сферу своего влияния и низовья Амура. Выполняя условия договора, русские покинули Средний и Нижний Амур. Маньчжурская династия Цин, правившая Китаем, занялась северной границей. Понадобились точные карты региона. С мая по декабрь 1709 года, действуя по заданию императора Канси, французские иезуиты Жан-Батист Регис и Пьер Жарту, а также Ксавье Фиделли из австрийского города Линца произвели первую в истории топографическую съёмку территории от севера Кореи до устья Амура. Летом 1710 года они нанесли на карту земли, погра-

ничные с Россией. Результаты их работы были включены в «Карту Китая и окружающих земель», или «Карту Канси», вышедшую в Пекине в 1719 году.

В 1699 и в 1701 годах в Санкт-Петербурге тиражировалась карта русского картографа и географа С. У. Ремезова с рекой Амур до его устья и точным указанием границы Кореи и Китая с рисунком Китайской стены. Семён Ремезов утверждал, что его карта была готова к печати 8 июня 1673 года. Заметим, что Спафарий приехал к Каменной Стене 10 мая 1676 года: «...величиною своею все в свете здания превосходящей, построенной от набегов татар за 223 года до Рождества Христова», то есть его сведения на карту Ремезова попасть теоретически не могли или попали значительно позже. Вскоре в Санкт-Петербурге появятся карты дальневосточных территорий, составленные европейскими иезуитами по заданию императора Канси. В 1726 году российские дипломаты, побывавшие в Пекине, использовали иезуитские карты для ведения переговоров по пограничным вопросам. Надо полагать, что к С. У. Ремезову ещё во второй половине XVII поступали чертежи русских людей, побывавших на Амуре, спустившихся к его устью, то есть задолго до проявления интереса Китая к Приамурью.

Например, русские в отписках называли дючеров «китайскими полевыми людьми». Они назначали из населения старшин, наделяли их знаками отличия и поручали им собирать ясак и чинить суд. Но если эти родовые и деревенские старшины и имели влияние среди гольдов, то среди других народов низовий Амура оно было ничтожным, и миссия «китайских полевых людей» осталась невыполненной.

О связи с китайской цивилизацией и преемственности чжурчжэней её письменной культуры говорит наука нумизматика.

Сикачи-алянцы и сегодня находят на берегу Амура древние китайские и чжурчжэньские монеты, но большая масса данных монет была перебита чжурчжэнями и выдана за их государственные деньги. С момента создания самостоятельного государства Цзинь чжурчжэни почти сорок лет не имели своей монеты, а в обращении ходили только китайские. Возникает вопрос и сегодня: откуда такое изобилие находок монет на Нижнем Амуре? Ответ нашли историки. В победоносной войне с северным Китаем чжурчжэни захватили огромную императорскую казну, целые возы нанизанных на нитку монет. Только казна царства Ци (Шаньдун) составила сто сорок миллионов связок, а в каждой связке было от пятисот до тысячи монет. Отбив такой трофей в войне, умные чжурчжэни не видели смысла отливать

свои монеты. И после того как в империи Цзинь были учреждены монетные дворы и стали отливаться свои бронзовые монеты, в империи их не хватало, поэтому наравне с чжурчжэньскими долгое время имели хождение китайские. Отсюда такое изобилие китайских монет на берегах Амура и у жителей села Сикачи-Алян в частности. Чжурчжэньские монеты относительно редки. Их выпускалось мало, поскольку в «Истории Цзинь» мы находим упоминание о нехватке медной монеты.

Клады чжурчжэньской монеты очень редкие. Археологи нашли единственный такой клад в XX веке в селе Афанасьевка, в Приморье. Из ста тридцати монет клада только одна монета оказалась чжурчжэньской.

Для того чтобы ответить на вопрос: могли ли быть китайцы авторами петроглифов у села Сикачи-Алян, мы используем нумизматический метод.

Известно, что рыба у китайцев является типичным символом довольства и удачи, часто изображалась на монетах, но среди петроглифов Сикачи-Аляна нет изображения рыбы. По всей видимости, сикачи-алянские рисунки на камнях старше китайской цивилизации, а китайцы сделали рыбу своим символом удачи раньше, чем узнали о больших рыбных запасах Нижнего Амура (поздней подделки изображения рыбы на сикачи-алянских валунах нет). Пищевой инстинкт вел китайцев на Нижний Амур так же, как привёл когда-то к могучей реке тунгусские племена. Но ставшие уже намного цивилизованнее, заглушившие свои интересы и желания разумной и миролюбивой политикой, китайцы не стремились заселять северные территории.

Нижний Амур – естественная фабрика лосося, где могли жить и работать только ихтиофаги – гольды.

Гольды были первым народом в рыбьих кожах, который китайцы встретили на своём пути при движении с Сунгари на север и восток по Амуру и с озера Ханка по Уссури. В китайские летописи гольды попали под названием юй-пи-тадзы, то есть варвары в рыбьих шкурах, и о которых под этим именем упоминали иезуитские миссионеры в XVIII веке. В начале XIX века «китайцы приезжали к наткам и принимали меха, приносимые им добровольно, щедро одаривали туземцев табаком, крупой, мукой, тканями, котлами и т.п., и уезжали, не вмешиваясь во внутренние дела обывателей», – писал А. Ф. Миддендорф. К концу столетия и в начале XX века, когда к Амуру и к Уссури подойдут многочисленные китайские народы, отношения к местным племенам у них переменится, к сожалению, не в лучшую сторону.

Китайские купцы, прибывая вниз по Амуру в XVIII–XIX веках, встречали дружелюбие со стороны местных племён. Были случаи, когда китайцы не всегда правильно рассчитывались за соболя и вязигу и часто увозили с собой большую часть пойманной кеты, но гольды встречали китайцев всегда с улыбками, поскольку только китайцы привозили на Нижний Амур предметы своей тысячелетиями возделанной культуры. В Китай, как в Индию за сахаром, морскими путями караваны морских судов плыли за чаем. На Нижний Амур, вплоть до северных его территорий, чай и сахар привозили также китайские купцы, а местные купцы, в свою очередь, в поисках коммерческой выгоды ездили за продуктами в Китай [прим. 5]. Аборигены Амура меняли пушнину на китайскую соль, и даже крымская соль могла попадать в рацион питания различных групп аборигенов побережья Тихого океана и племён Нижнего Амура.

Можно сделать следующие выводы: факт строительства Великой Китайской стены (с III век до н.э.) служит намерением китайцев полностью отказаться от контактов с племенами северо-востока; только при династии Тан (618–907) китайцы номинально владели устьем Амура; при монгольской династии Юань (1271–1368) на Амуре были установлены монгольские караулы; в XVII–XVIII веках в Приамурье существовали сезонные временные посты, куда местные племена добровольно несли свой товар в обмен на привозной; китайцы никогда не вели строительства собственных поселений в Приамурье. Точно так и докладывали офицеры контр-адмирала Геннадия Ивановича Невельского (23.11.1813–17.04.1876): китайских поселений на Амуре нет. Разумеется, и проводить военные действия против слабых племён царскому правительству было незачем. На территории, отошедшей по Айгунскому договору к России, не было сил, способных противостоять русской колонизации в XIX веке. Пожалуй, подобное положение приграничных интересов России и Китая на тот момент, можно назвать единственной в истории «субъективно мудрой ситуацией», которой не преминули воспользоваться племена Приамурья, они не мигрировали, их кровь не пролилась.

Когда в 1910 году Лев Штернберг уезжал пароходом из Сикачи-Аляна в село Троицкое, на берегу Амура простые гольды пожаловались ему, что всю рыбу забирают и увозят в Китай маньчжуры.

Исследователь отмечал, что «под влиянием маньчжур и китайцев гольды усвоили себе некоторых домашних животных, разводят свиней и кур; иные имеют и лошадей, а также занимаются огородничеством и даже, хотя в ма-

лой степени, хлебопашеством (сеют кукурузу, пшеницу). Но обыкновенно мука (просяная и пшеничная) приобретается у китайцев в обмен на меха, панты (молодые олени рога), корень женьшень, мускус, рыбу – так же, как одежда и другие необходимые предметы».

Со второй половины XIX – начала и первой четверти XX века в связи с массовым переселением к границе с Россией и на Хабаровский Амур китайцев внешний вид гольдов приводил путешественников в заблуждение. Многие встречали гольдов «по китайской одежке». По этой причине даже фотографировать и публиковать фотографии гольдов не решались, скрывали свои исследования, а дневники многих исследователей гольдов бесследно исчезали.

Приведём короткий текст о гольдах, их одежде и новых привычках, а позже проанализируем соответствие внешней картины с действительными причинами перемен.

Вот какой портрет, характеризующий это заблуждение, дошёл до нас. Одежда гольдов, как мужчин, так и женщин – бумажная рубаша и штаны из китайской дабы китайского же покроя. Сверху – более длинная рубаша из синей или красной дабы, украшенной разноцветными узорами, а у женщин также погремушками и ракушками. В холодное время гольды надевают ватные китайские курмы, ватные наколенники, теплые меховые куртки и шубы. На охоте и рыбной ловле носят ещё кожаные куртки из рыбьей или сыромятной кожи и кожаные наколенники. На голову надевают китайскую войлочную шапочку, или шляпу из бересты, или особый капюшон для защиты от комаров и мошки, а зимой – меховую шапку. Обувь или китайского изделия, или так называемая «ута» из кабаньей или лосиной кожи, без подошв (олочи – как они назывались у казаков по Уссури). На охоту гольды ходили прежде с луками или китайскими фитильными ружьями; теперь все имеют сибирские винтовки. Почти все пьют китайскую водку (хамшин) и курят маньчжурский табак (даже дети).

Вдумаемся в описание одежды, появление предметов необходимости, заимствование привычек от китайцев и поймём, что китайское влияние не стоит преувеличивать. Всё, что было поставлено от китайцев на Нижний Амур, является частью, результатом появления русского товара. Мы становимся свидетелями работы дальневосточного рынка. Гольды русским – рыбу, русские гольдам – деньги, а гольды на эти деньги покупали у фабрикантов, купцов Китая всю верхнюю одежду. В селении Хабаровское, а позже городе Хабаровске не было ткацких и швейных фабрик, а если какие-то изделия и производились из текстиля, то

в малых объёмах. Приезжали русские исследователи в Приамурье, и перед ними возникала обманчивая картина жизни и быта местного населения. С первого взгляда им казалось, что аборигены Амура и раньше зависели, и на данный момент во всём зависят от Китая. Но это было не так – товарный обмен не делал близкими разные племена, не вовлекал в полную зависимость друг от друга народы с разными природными задатками (рыночные отношения между Китаем и народами Приамурья до прихода русских не сделали их единомышленниками во всём.

Подобную картину наблюдал капитан Н. В. Буссе [прим. 6] на Сахалине в 1853–1854 годах в отношениях айнов с японцами.

В тексте 1910 года мы встречаем опять же обманчивое первое впечатление, пересказ разговора с первым встреченным гольдом (или китайцем), эмоционально окрашенный, записанный под впечатлением экзотики. Сообщалось, что гольды – анимисты и шаманисты, а под влиянием китайцев усвоили себе и некоторое понятие о буддизме. Русским они обыкновенно отвечали, что веруют в китайского бога, но почитают медведя, тигра, барса и носят их изображения или имеют их идолов в своих фанзах. До определённого времени влияние китайцев на гольдов было незначительным. Позже обойтись без китайских купцов и промышленников, отказаться от качественного товара, производство которого было налажено соседом наилучшим образом, аборигены Амура не могли. На берегах Амура состоялись ежегодные ярмарки, упоминалось местечко в стране Сантов с названием Дерен, где участникам приходилось вступать в товарно-денежные, меновые обязательства, возникали долги. Дерен – высокое место над Амуром, указанное в Атласе рисунков естествоиспытателя Р. К. Маака.

В первых словах – «анимисты и шаманисты, а затем усвоившие от китайцев» проследживается былая независимость амурских гольдов до встречи с китайцами. Мы знаем, что буддизм гольдам принесли шаманы из племени эвенков, которые передали некоторые традиции гольдским шаманам. Допускается, что для «передачи опыта веры» существовал храм на берегу Амура у села Сикачи-Аляна, о котором современные сикачи-альянцы постоянно рассказывают гостям.

Регулярные контакты, мена, бартер, торговля, необходимая и сезонная материальная зависимость от китайца, чаще выступающего в таких отношениях в роли хозяина положения, привела гольдов к заблуждению, что от народа Ха, жившего на их земле, в Сикачи-Аляне, помогли избавиться аккани – китайцы.

Как не прогнать, если Ха – народ дикий, рисовал ужасные маски на камнях, страшные и искаженные лица своих шаманов, которых боятся дети и взрослые гольды? Но если бы китайцы знали о рисунках на камнях в Сикачи-Аляне, оставленные неким народом Ха, то немец по происхождению, находящийся на службе у Национального музея Нью-Йорка Бертольд Лауфер, способный исследователь старины и известный востоковед-синолог, должен был бы сообщить такие данные всему миру. Но Лауфер остался честен. Не надо говорить о нём плохо жителям Сикачи-Аляна. Да, он срезал петроглиф, но не смог доставить каменный рисунок в музей. Однако он не предал духов амурских священных камней и души древних художников сикачи-альянских рисунков. По всей видимости, в XIX веке настоящую историю отношений гольдов с китайцами не узнал никто из приходящих сюда русских и исследователей из других стран, и американец не внёс ясность в существующую проблему. Монография Б. Лауфера о гольдах Амура, если бы была опубликована, а в её содержании указывалось бы на родственные связи гольдов с китайцами, на тысячелетние отношения с аборигенами нашего Амура, могла бы нам многое сообщить о контактах, а в Китае давно бы заявили о своём родстве с нижеамурцами.

Корейцы писали, что их государство ещё при легендарном основателе Тангуне, более 5000 лет назад, простиралось на западе до стен Великой Китайской стены. В древности Китай материально и духовно влиял на своего сильного соседа – Корею, а Корея, в свою очередь передавала свои ценности южным племенам на территории Приморского края, оттуда на Уссури и Нижний Амур. Особенностью интеллектуального развития региона стало раннее, ещё в первых веках нашей эры, появление эстетики, литературы и изобразительного искусства. Центральное место в этом процессе по праву занимала ханьская культура Китая. В свою очередь, государства Корейского полуострова играли важную роль в процессе передачи китайской традиции другим периферийным народам Маньчжурии и Южного Приморья, являлись своеобразным культурным мостиком между ними и Японией.

Китайский культурный пласт получил особое распространение в правящей феодальной среде Кореи. Именно она впитала многие элементы материальной и духовной культуры великого соседа, отталкивалась от его правовых и политических норм, способствовала распространению конфуцианства.

В петроглифах на скалах Северного Китая неоднократно зафиксированы композиции, в которых воспроизводятся построение

и структура изобразительного ряда оленных камней (петроглифы гор Хелань и Инь-Шань). Новые материалы, недавно в более полном объеме опубликованные в Китае, демонстрируют устойчивость и распространенность данной традиции в петроглифах Северного Китая. Серия петроглифов в стиле оленных камней открыта в отрогах Алтайских гор на территории Синьцзяна, где известны изваяния монголо-забайкальского типа.

У жителей Нижнего Амура вызывают интерес представители китайской фауны, приспособившиеся к нашим условиям: верхогляд, краснопёрка, востробрюшка, белый и чёрный лебедь, белый амур, толстолоб, желтощёк, китайский окунь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Книгопечатание возникло в древнем Китае при династии Тан (618–907) сначала в виде ксилографии (получение оттисков с текста, вырезанного на доске); печатание с помощью подвижного шрифта было изобретено в XIII веке. До этого книги распространялись в рукописных списках. Бумага появилась в Китае во II веке до н.э. Однако форма и структура древнекитайской книги сложилась много раньше, во всяком случае, не позднее первой половины I тысячелетия до н.э. Вместе с тем, о времени возникновения книгопечатания в Китае точных данных нет. Так, Масперо говорил о существовании его при Суйской династии (581–617), Ли Юнбин указывал 953 год, дату после падения Танов.

2. При стычках полка Е. П. Хабарова с даурами в 1649–1651 годах на Среднем Амуре, китайские купцы спокойно наблюдали за схваткой и ничего не предпринимали, не вступались за даур, не воевали против русских. Психология, выработанная тысячелетиями, как здоровый нерв, железная логика следить за дракой. Например, в Олимпиаду в Китае в 2008 году в августе, они смотрели на русско-грузинскую войну в Осетии и Абхазии. Смотрели свысока как олимпийские боги, властелины всей Земли и хозяева всех татарских народов. Китайцы не разбрасывают кости своих людей сгорая, они собирают кости предков, чтобы извлечь из них будущее своего народа и государства.

3. Академик Л. И. Шренк заметит, что приамурцы севера Хабаровского края не потребляли соль.

4. Кандидат естественных наук Р. К. Маак в 1855 году, находясь на Нижнем Амуре, писал, что соль (даусонг) здешние жители получают от китайских и маньчжурских купцов. Шренк называет соль по-маньчжурски дабсунь, по-монгольски *дабасу*.

5. Китайский сахар был коричневого цвета и не очень сладкий, дорогой, доставлялся китайскими купцами, в небольших количествах.

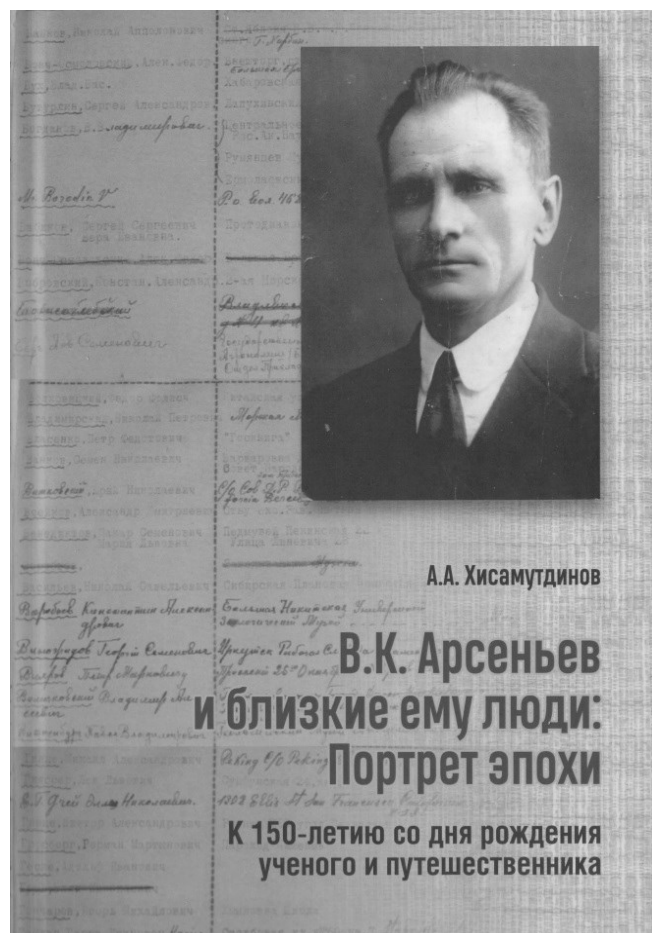
6. Буссе Николай Вильгельмович (1828–28.08.1866). Офицер с 10 августа 1845 года. На 15.07.1855 г. по армии, подполковник (ст. 06.12.1853), состоящий для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири и командующем войсками в одной из расположенных; 1857 г. по армейской пехоте, полковник (ст. 26.08.1856), состоящий для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири и командующем войсками в одной области; на 1859 г. по армейской пехоте, генерал-майор (с 06.12.1858; старшинство счит. по Манифесту 18 февраля 1762 г.) военный губернатор Амурской области и командующий войсками в одной из расположенных (с 20.12.1858); в 1859 г. выступил с инициативой начать в Благовещенске издание газеты «Друг маньчжур» на маньчжурском языке и в 1860 г. добился разрешения; на 15 февраля 1865 года по армейской пехоте, генерал-майор, военный губернатор Амурской области и командующий в одной из войсками; на 3 января 1866 г. в том же чине и должности. Брат – Буссе Владимир, будучи майором, 8 ноября 1858 г. назначен командиром Сибирского линейного № 15 батальона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии, составленный на 1 января 1909 года и 1 января 1910 года: Харнский Константин Андреевич, поручик; Иркутский военный округ 1-й Восточно-Сибирский осадный артиллерийский полк, село Антипиха (близ г. Читы).

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Хисамутдинов, А. А. В. К. Арсеньев и близкие ему люди: Портрет эпохи (к 150-летию со дня рождения учёного и путешественника) / А. А. Хисамутдинов. – Владивосток: ООО «ПСП95», 2021. – 436 с.

В монографии приведены биографические очерки родственников, друзей и коллег Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930), включенных в его Адресную книгу (архив ОИАК, фонд ВКА. Оп.2.Д.12). Всего в книге насчитывается 236 адресатов из Владивостока (20), Хабаровска (20), российского Дальнего Востока (8), Сибири (8), Москвы (30), Ленинграда (17), других городов европейской части СССР (8), а также их Китая (27), Японии (10), США (9), Европы (12) и Австралии (2). Без адреса оказалось 7 персоналий. При подготовке биографий были исследованы личная библиотека В. К. Арсеньева и коллекция писем, хранящихся в Обществе изучения Амурского края во Владивостоке, многочисленные материалы из отечественных и зарубежных архивов.

Автор не описывает биографии подробно. Он ограничивается краткими биографическими сведениями и письмами, в которых отражены отношения корреспондентов с Арсеньевым. Это позволяет увидеть биографию известного путешественника и учёного со стороны, осознав масштаб личности и роль в науке. В результате получился срез непростой и трагической эпохи, в которой жил и работал Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Т. Н. ТЕЛЮК,
кандидат философских наук,
заместитель генерального директора
ЗАО «Амурская ярмарка»

Ключевые слова: Адресная книга В. К. Арсеньева, историко-краеведческое исследование А. А. Хисамутдинова, адресаты Владимира Клавдиевича Арсеньева, Дальний Восток, Амурская область, Благовещенск, события 1900 г. на Амуре, Маргарита Николаевна и Наташа Арсеньевы.

По материалам книги А. А. Хисамутдинова «В. К. Арсеньев и близкие ему люди: Портрет эпохи. К 150-летию со дня рождения учёного и путешественника» в статье анализируется группа адресатов, связанных, в той или иной степени, с Амурской областью и Благовещенском. Основные дополнительные сведения и факты об «адресатах-амурцах» приводятся по краеведческим изданиям Амурской ярмарки. Завершает статью материал о роли Благовещенска в судьбах В. К. Арсеньева и его дочери Наташи.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ: ПО СТРАНИЦАМ АДРЕСНОЙ КНИГИ В. К. АРСЕНЬЕВА

В 2021 году известный дальневосточный учёный-историк А. А. Хисамутдинов издал во Владивостоке книгу «В. К. Арсеньев и близкие ему люди: Портрет эпохи. К 150-летию со дня рождения учёного и путешественника». Издание знакомит читателя с Адресной книгой Владимира Клавдиевича, с очерками и сведениями о тех, кто в неё входит – это его родственники, друзья, коллеги [1].

Адресная книга В. К. Арсеньева – это своеобразная хроника его знакомств с начала XX века, хроника контактов с необходимыми людьми, хроника связей с единомышленниками в профессиональной и общественной деятельности, хроника служения главному делу его жизни. Что особенного в этой Адресной книге? Она помогает восстановить историю общения Арсеньева, историю его коммуникационных предпочтений. Книга содержит круг людей, входящих в жизненное пространство Владимира Клавдиевича, соединившихся в этом пространстве, образовавших фон его жизни. Объём приведенной информации обо всех этих людях разный – от пространныго

биографического материала, в одних случаях, до лаконичной, краткой записи, содержащей фамилию, имя, отчество, место пребывания, отдельные сведения, в другом. Автор пишет, что всю эту информацию он собирал около 40 лет, большую помощь ему оказали российские и зарубежные исследователи.

Как сообщается в аннотации и предисловии к изданию, в Адресной книге Арсеньева всего 236 адресатов: из Владивостока (20), Хабаровска (20), российского Дальнего Востока (8), Сибири (8), Москвы (30), Ленинграда (17), других городов европейской части СССР (8), а также из Китая (27), Японии (10), США (9), Европы (12), Австралии (2) и «безадресные» (7).

Сразу заинтересовало, почему в этом обширном географическом перечне не упоминается Благовещенск, Амурская область? Правом ли это? И были ли среди адресатов В. К. Арсеньева амурцы? Возможно, они вошли в группу, указанную как «российский Дальний Восток»? Внимательное, целенаправленное прочтение книги А. А. Хисамутдинова позволило дать ответы на эти вопросы, воспол-

нить «географический пробел». Оказалось, что среди адресатов Владимира Клавдиевича немало тех, кто так или иначе был связан и с нашей областью, и с её столицей: одни здесь родились, учились, другие жили, служили какое-то время, третьи проявляли интерес и планировали посетить или уже посещали наш край, исследовали его, состояли в переписке с ним. Кто-то из этой группы адресатов входил в «ближний круг» Арсеньева, сопровождая его многие годы, кто-то входил в его жизнь на короткое время, будучи связанным с конкретными событиями в прошлом или настоящем. Были и те, кто мог быть полезен ему в будущем, и соответствующая запись производилась «про запас». Наконец, встречались и опосредованные адресаты, чьей информацией, не зная их лично, Арсеньев мог воспользоваться через своих близких знакомых, которых он просил, или давал задание, собрать информацию о различных дальневосточных территориях например, о полезных ископаемых, малочисленных народах, археологических памятниках и др.). В этом случае его друзья, как правило, прибегали к помощи своих знакомых, адресную информацию о которых, на всякий случай, передавали Арсеньеву.

Биографические и иные данные об адресатах, связанных, в той или иной степени, с Благовещенском и Амурской областью, некоторые факты из их жизни приведены в статье из указанной книги А.А. Хисамутдинова. Дополнительные сведения, уточнения по отдельным персоналиям даются (в соответствующих ссылках) по материалам краеведческих изданий Амурской ярмарки, другим историческим источникам.

В список «амурских адресатов» вошли:

1. Бобровский Константин Александрович. Родился 15 мая 1903 г. в Благовещенске, студент восточного факультета Государственного дальневосточного университета, участник археологических раскопок Арсеньева на полуострове Песчаном (1921).

2. Круговский Иннокентий Федорович. Родился 25 июля 1904 г. в Благовещенске, один из студентов Арсеньева, участник его экспедиций.

3. Соколовский Александр Иванович. Окончил Благовещенскую духовную семинарию и китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке. Помогал Арсеньеву в полевых работах и переводами, посещал его лекции. Получив в 1910 г. диплом по первому разряду, был крестьянским начальником в Амурской области.

4. Андреев Федор Иванович. Работал в Губернском статистическом бюро в г. Свободном Амурской губернии.

5. Матушевский Иван Густавович. Работал в Губстатбюро в г. Свободном Амурской губернии. Немец, крестьянин, житель Серышевского района, село Б. Сазанка. Вероятнее всего, Андреев и Матушевский собирали информацию для аналитических работ Арсеньева о российском Дальнем Востоке.

6. Пчёлкин Николай Алексеевич. В 1910 г. окончил медицинский факультет Томского университета и до 1919 г. работал хирургом – сначала в Благовещенском лазарете, а затем во Владивостокской городской больнице. Возможно, тогда же он и познакомился с Арсеньевым. Достоверность его службы в Благовещенске подтверждает информация из Памятной книжки Амурской области на 1916 год. В разделе «Врачебная помощь населению гор. Благовещенска» читаем: «Пчёлкин Н. А., болезни: носа, уха, горла, хирургич. Большая ул., 149, тел. 490» [2].

7. Кирилова Юлия Николаевна. Дочь врача и известного дальневосточного исследователя **Николая Васильевича Кирилова**. С этой семьей Арсеньев встретился ещё в 1900 г., когда прибыл во Владивосток. Именно Н. В. Кирилов привёл его в Общество изучения Амурского края, чтобы молодой офицер лучше узнал край, в котором ему предстояло служить. Их дружба длилась многие годы, и Владимир Клавдиевич считал Кирилова – «человека умного, знающего, честного, благородного» – своим учителем. Он был автором более 100 научных работ, посвящённых развитию медицины, краеведения, этнографии, естественных наук на Дальнем Востоке. Собирал для музеев научные коллекции, консультировал Арсеньева.

Н. В. Кирилов

С 1917 г. Н. В. Кирилов жил в Благовещенске, руководил медицинской службой Управления водных путей Амурского бассейна, участвовал в создании профессионального союза медицинских работников, выступал с докладами, лекциями, публиковал многочисленные статьи, издавал брошюры по проблемам здравоохранения, преподавал в учебных заведениях. Жизнь Николая Васильевича оборвалась трагически: в феврале 1921 г., когда он возвращался с лекции, его сбил автомобиль. Арсеньев откликнулся на его смерть такими словами: «Он обладал громадной эрудицией, большой памятью и имел поразительные энциклопедические познания. Это был учёный и врач, вечно деятельный, вечно занятый, не унывающий, отзывчивый и верящий в светлое будущее человечества» [3].

Юлия Николаевна Кирилова в начале 1920-х гг. работала учительницей на Командорских островах и Камчатке, где 8 июля 1923 г. встретила с Арсеньевым, направлявшимся в инспекционную поездку по краю, а потом совершила с ним восхождение на Авачинский вулкан. По возвращении во Владивосток она передала Владимиру Клавдиевичу личную коллекцию отца, документы из которой он направил в различные учреждения, к которым имел отношение Н. В. Кирилов.

8. Фарафонов Александр Павлович. В конце 1890-х гг. вместе с родителями проживал в Благовещенске. Окончил Восточный институт во Владивостоке. В 1913–1916 гг. работал на КВЖД, учитель и заведующий железнодорожным училищем на одной из станций. Вероятнее всего, встречался с Арсеньевым, присутствовал на его лекциях в 1916 г. в Харбине. Владимир Клавдиевич мог знать его (или иметь информацию о нём) через своего хорошего знакомого – директора Читинского краеведческого музея Кузнецова А. К. В мае-августе 1917 г. А. П. Фарафонов занимал должность Инородческого начальника на Амуре. Позже эмигрировал в Китай, затем в США. Талантливый краевед, орнитолог, литератор. Первый председатель Русского исторического общества в Северной Америке [4].

9. Кузнецов Алексей Кириллович. Революционер, краевед, музеевед, фотограф. В 1890-х совершил поездку по Амуру, останавливался в различных поселениях. По итогам путешествия составил видовой и этнографический фотоальбом, в котором нашли отражение типы и быт амурских молокан и зазейских маньчжуров [5].

Алексей Кириллович был директором Читинского музея, учредителем Забайкальского отдела Русского географического общества (ЗОРГО). В этот период он и познакомился

А. К. Кузнецов

с В. К. Арсеньевым. Их объединяла идея, что коллекции музея должны служить не только исследователям, но и рядовым посетителям без ограничения доступа. В переписке они обсуждали различные вопросы: о работе Московского съезда по краеведению, мероприятиях к юбилею Читинского музея, об организации экспедиции к орочам, издании I тома «Записок» ЗОРГО, перечне статей для публикации в нём, о размещении переданных в музей картин Арсеньева. Для обоих была очень важна и тема сохранения памяти о Н. В. Кирилове. Кузнецов сообщает Владимиру Клавдиевичу, что некролог об их общем друге будет обязательно помещён в «Записках», и добавляет: «Кстати, я собрал много библиографического материала о работах Н. В. Кириллова... Чудесный портрет Н. В. [Кирилова] висит в зале музея, и я добьюсь, чтобы устроить его «уголок». Как поживает его милая дочь; пристроилась ли где-нибудь?».

10. Азадовский Марк Константинович. Уроженец Иркутска, в 1913 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и приехал в Хабаровск. Посещал неформальный научный кружок Арсеньева, где на занятиях обсуждали новейшую литературу по этнографии и истории края. Ещё в студенчестве участвовал в экспедициях Общества изучения Сибири и её быта. Владимир Клавдиевич одобрил его намерение заняться сбором материала по устному народному творчеству в Приамурье. Экспедиция по казачьим станицам со-

стоялась в январе-марте 1914 г., Азадовский записал несколько тысяч народных песен, частушек, заговоров, похоронных причитаний.

Знакомство Арсеньева и Азадовского вскоре перешло в крепкую дружбу. Более 15 лет их связывала переписка, в которой они общались друг другу о своих текущих делах и делились творческими планами. В одном из последних писем Азадовский сообщил Владимиру Клавдиевичу: «У меня, между прочим, крупное несчастье. В сейфе в Питере погибли все мои рукописи, в том числе и материалы по этнографии амурских казаков». В последние годы жизни Азадовский выпустил книгу об Арсеньеве.

11. Анерт Эдуард Эдуардович. Талантливый геолог, участник экспедиций в Маньчжурии и Корею, на Дальнем Востоке. С Арсеньевым его связывала многолетняя дружба, участие в совместных исследованиях, научных проектах. Анерт был членом Общества изучения Амурского края с 1898 г. В начале 1900-х гг. он совершил крупные экспедиции в Приамурье (на реке Зее и по линии Хабаровск-Бурея) и золотоносные районы Якутии, где существовал проект строительства ветки Транссиба, прообраз будущего БАМа. 11.05.1920 г. во Владивостоке был создан Геологический комитет Дальнего Востока, и Э. Э. Анерт стал его первым директором. В июле 1924 г. он сложил с себя обязанности руководителя Дальгеолкома и уехал в Харбин, где многие годы проводил полевые изыскания, преподавал, занимался научной работой. В этот период имя Э. Э. Анерта было широко известно среди учёных Китая, Японии, США, Германии, Франции. Дружба с В. К. Арсеньевым после его эмиграции не прервалась, они обменивались пространными письмами, делились планами. Анерт присылал Владимиру Клавдиевичу свои труды, старался заинтересовать в участии в зарубежных публикациях. В декабре 1945 г. он написал заявление в Генконсульство с просьбой о возвращении в СССР. Но вернуться не успел. Ровно через год, 25 декабря 1946 г. он умер в Харбине.

12. Виноградов Георгий Семенович. Иркутский учёный, этнограф. Сотрудничал с местными отделами Русского географического общества и другими научными обществами. Вместе с Арсеньевым входил в коллектив Сибирской советской энциклопедии. Сохранилось несколько его писем к Арсеньеву, которые свидетельствуют о тесных эпистолярных контактах между ними. Они обсуждали издательские дела, интересные для обоих научные темы: о вышедших книгах Арсеньева, их издании за рубежом, о биографической статье Владимира Клавдиевича для сибирского и дальне-

восточного справочника, о книгах Георгия Семеновича, отправленных во Владивосток, о преподавании в институте и народной педагогике. В одном из писем он пишет: «Очень хотел бы я попутешествовать с Вами..., хотя просто познакомиться с Вами.... А надо бы поездить по Вашим местам – Благовещенск – Хабаровск – Владивосток, посмотреть на людей». В нескольких последующих письмах он развивает эту тему: «Я теперь охочусь за Вашими работами – старыми и новыми, потому что считаю себя сносно ознакомленным с этнографической литературой, касающейся Западной и особенно Восточной Сибири, а вот Дальний Восток представляю себе хуже. Теперь начинаю себя. В меру обстоятельств и возможностей сведениями о нём и, в первую очередь, читаю наиболее свежие и содержательные труды», «...мне интересно побывать в новых краях, повидать невиданное и тем самым отдохнуть. Мне не менее интересно захватить в круг непосредственных наблюдений новые явления, поработать, так сказать, в новом жанре», «Решите или не решите Вы взять меня в экспедицию, всё равно: я рад одному Вашему приглашению. Большое спасибо!».

13. Шустов Иннокентий Евлович. Сренгенский купец, торговал китайским чаем, сахаром, крупчаткой и другими товарами. Владелец ТД «И. Е. Шустов и Ко» с отделением в Благовещенске. Судовладелец, его пароходы «Святитель Иннокентий» и «Михаил Архистратиг» зимой в 1900–1901 гг. находились в Благовещенске на стоянке на Амуре. Благовещенский купец 1-й гильдии, имел в Благовещенске 3 дома. С 1911 г. возглавлял «Казаковское золотопромышленное акционерное общество, имел собственный прииск [6].

Арсеньев был связан с Шустовым через их общего знакомого – **Георгия Ивановича Розенфельда**, дальневосточного путешественника, исследователя. Розенфельд предоставлял Арсеньеву информацию по рыбным промыслам Дальнего Востока (в период работы Владимира Клавдиевича в 1921 г. заведующим Гижигинским промысловым районом Охотско-Камчатского края). Шустов же ещё в 1880 г. вместе с купцами М. А. Коковиным и И. А. Басовым создал Приамурское товарищество для торговли в Охотско-Камчатском крае. В 1908 г. компаньоны вели торговлю разными товарами, скупали пушнину на Камчатке для продажи в центральной России и Англии. Шустов поручил Г. И. Розенфельду найти наиболее доступные пути для провозки грузов, а также разведать полезные ископаемые края, в частности, запасы золота. Информацию о горных богатствах Охотско-Колымского края Розенфельд направил и во Владивосток.

Планировались геологические исследования и последующая экспедиция в этот край. Вероятнее всего, к этим проектам имел прямое отношение и Арсеньев.

14. Спешнев Николай Алексеевич. Офицер-востоковед, педагог, близкий друг Арсеньева, благодаря усилиям которого была напечатана первая книга Владимира Клавдиевича «По Уссурийскому краю». Окончил Восточный институт (специальность – японский, маньчжурский, китайский и тибетский языки). Жил и служил в Благовещенске. Пограничный комиссар Амурской области (12.11.1912–1917). В Памятных книжках Амурской области 1914–1916 гг. в разделе «Управление пограничного комиссара» указано: Спешнев Ник. Алекс., подполковник, и.д. пограничного комиссара, преподаватель. Ул. Иркутская, 72 [7]. В 1917 г. исполнял обязанности начальника Благовещенской городской милиции. Вскоре был отозван во Владивосток, где стал сотрудником американской военной разведки в Китае и Владивостоке (весна 1918–1919). В период вооружённого противостояния в Благовещенске в марте 1918 г. передавал из Пекина подробные рапорты о социально-политическом положении в Амурской области, о сложившейся ситуации в Благовещенске, вооружённых силах региона [8].

15. Берроус (Барроуз) (David Barrows). Профессор политологии Калифорнийского университета в Беркли, США. Участвовал в Первой мировой войне, в годы Гражданской войны служил в составе Американских экспедиционных войск, в звании майора кавалерии попал во Владивосток, возглавлял американскую военную разведку. Весной 1918 г., будучи в Харбине, он пишет Докладную записку «Русские беженцы из Благовещенска», в которой, на основе свидетельств членов Комитета беженцев, анализирует ситуацию в городе, его разграбление красногвардейцами, причины, приведшие к трагедии, участие в событиях японцев [9].

Берроус интересовался антропологией и на этой почве познакомился с Н. А. Спешневым и В. К. Арсеньевым. Владимир Клавдиевич состоял в переписке с ним. Так, 6 апреля 1922 г. он сообщает, что направил ему три экземпляра своей книги «По Уссурийскому краю», обещает ещё прислать книгу «Дерсу Узала». В письме он обрисовывает ситуацию во Владивостоке, пишет, что «возможности работать нет никакой, я имею в виду продолжение работы по исследованию Уссурийского края и Амурской области...». Владимир Клавдиевич далее добавляет: «всегда с большим удовольствием вспоминаю то время, когда работал с вами в американской штаб-квартире,

Давид Берроуз

и хотел бы, чтобы это время снова вернулось. Мне было бы очень приятно снова встретиться с вами и хорошо с вами поговорить».

15. Тории Рюзо (Torii Rinso). Известный японский антрополог, этнограф и археолог. Приезжал на советский Дальний Восток дважды – в 1919 и 1928 гг. И каждый раз неоценимую помощь ему оказывал В. К. Арсеньев: в установлении контактов с востоковедами Владивостока, сотрудниками музеев, Общества изучения Амурского края, в знакомстве с археологическими и этнографическими коллекциями. Тории Рюзо был очарован Арсеньевым и поражён его глубоким знанием археологии и этнографии российского Дальнего Востока. Специально для Тории, Владимир Клавдиевич нарисовал карту расселения коренных народностей в бассейнах Амура и Усури, основанные на его полевых исследованиях.

В сентябре 1927 г. Тории Рюзо выступал в Харбине с докладом на тему «Каменный век в Японии». Говоря о культуре айнов, он сообщил, что в 1919 году побывал в музеях Иркутска, Читы, Благовещенска, Никольск-Уссурийска и Владивостока, повсюду интересовался остатками каменного века, особенно остатками глиняной посуды.

Таким образом, Адресная книга В. К. Арсеньева содержит немало имён адресатов, которые так или иначе были связаны с Благовещенском и Амурской областью. «Амурская страница» из жизни Владимира Клавдиевича обрела некую целостность, пополнилась фак-

Владимир Арсеньев. Около 1900 г.

тами, деталями, уточнениями, тесно связующими дальневосточные территории и людей, проживавших на них, имеющих отношение к происходившим здесь событиям в рассматриваемый период. Адресная книга известного человека – это всегда весьма интересный историко-краеведческий документ, позволяющий узнать много неизвестного, подчас неожиданного, о нём и его жизни.

В завершении этого небольшого исследования необходимо ответить ещё на один вопрос: сыграл ли какую-либо роль Благовещенск в судьбе самого В. К. Арсеньева? Какие события были с этим связаны?

В мае 1900 года в возрасте 28 лет Арсеньев получил звание поручика и был переведён, по его личному ходатайству, на Дальний Восток, в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк. Добирался он до нового места службы долго и сложно: поездом до Сретенска, пароходом до Хабаровска (по Шилке и Амуру), и вновь поездом до Владивостока.

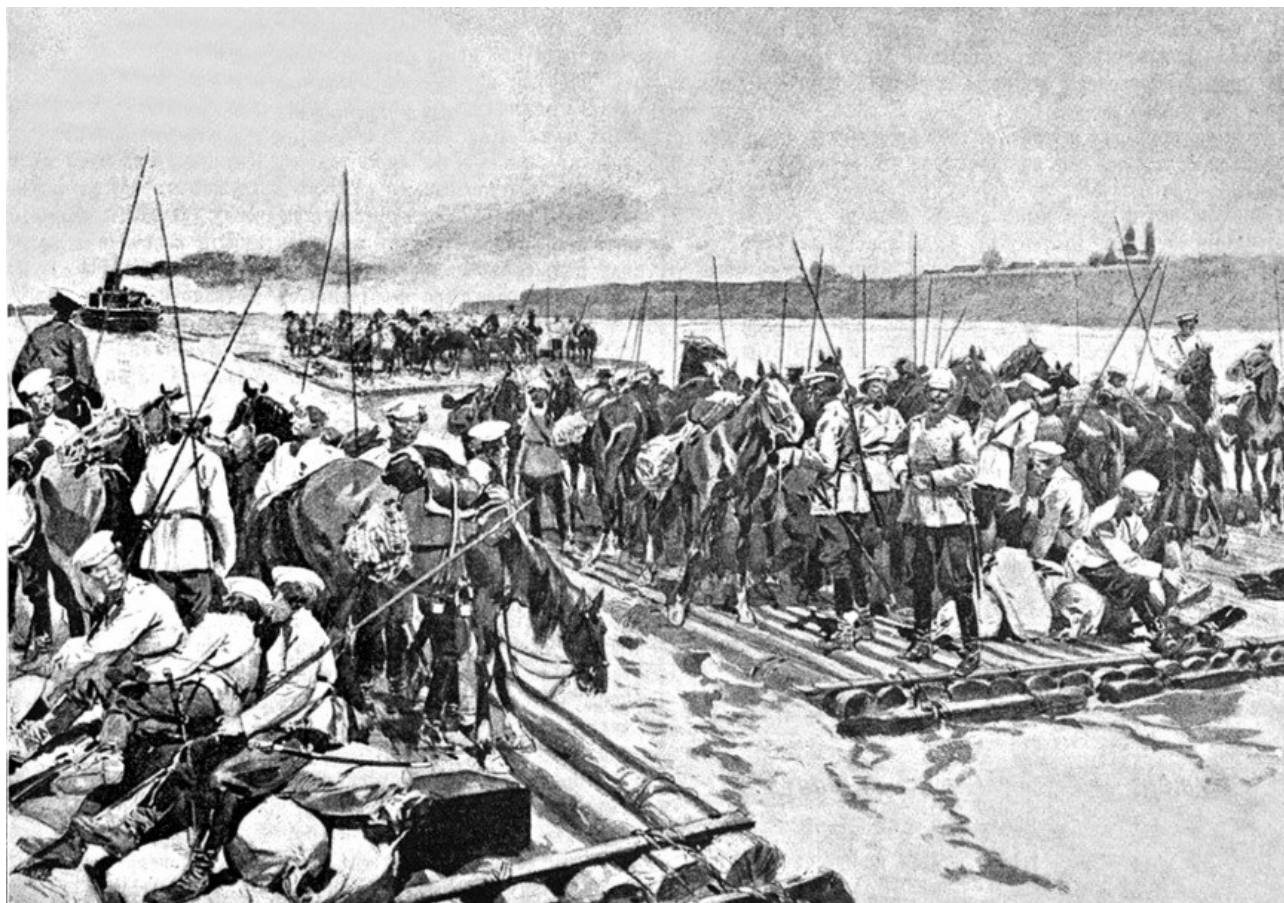
Однако судьбой ему была уготована ещё одна остановка – вынужденная, в Благовещенске. Начались события внутри Китая, связанные с восстанием ихэтуаней («Боксерское восстание»), приведшие к военным действиям со стороны Маньчжурии против России. Благовещенск оказался в гуще этих событий, его осада и попытки маньчжуров прекратить пароходное движение по Амуру требовали активного участия российской армии. Всех военных, оказавшихся в это время в Благовещенске, мобилизо-

вали для участия в боевых действиях. В послужном списке Арсеньева, который был составлен в августе 1917 г., об этом периоде есть официальная запись: «Находился в составе Благовещенского отряда генерал-лейтенанта Грибского с 8 по 25 июля 1900 года гарнизона, бомбардируемого города Благовещенска, и 20 июля 1900 года участвовал в делах при выбитии китайцев с позиции у г. Сахалина». В «опросном листке», заполненном Арсеньевым в 1919 г. (т.е. до прихода красных в Приморье) им упомянуто: «В 1900 г. сражался с китайцами, когда русские брали г. Айгунь против Благовещенска» [10].

Достаточно подробная картина почти месячной осады Благовещенска, взятия Сахалина и Айгуна, активных действий двух армий, потерь с обеих сторон, примеров героизма военных и гражданского населения города представлена в книге А. В. Кирхнера «Осада Благовещенска и взятие Айгуна», вышедшая в октябре 1900 г. Как писал автор, трагические события описаны им «...по возможности полно и беспристрастно», поскольку он был «непосредственным наблюдателем и до некоторой степени невольным участником столь экстраординарных событий» [11].

В. К. Арсеньев находился в гуще этих военных событий и как участник, и как свидетель происходящего. Благовещенский гарнизон, в котором он служил, был назван в числе особо отличившихся частей войск по обеспечению свободного движения по Амуру. Поручик Арсеньев за проявленное немалое мужество был отмечен первыми наградами – серебряной медалью «За поход в Китай в 1900–1901 гг.» и знаком «За меткую стрельбу». Серебряная медаль жаловалась «всем чинам, участвовавшим непосредственно в боевых действиях во время походов в пределы Китая, в Зазейском районе и в защите г. Благовещенска». По мнению ряда исследователей биографии Арсеньева, он не очень любил вспоминать о благовещенском периоде в своей жизни и никогда не гордился полученной медалью, а в советское время даже скрывал её получение, как и само участие в военных действиях в Китае [12].

Благовещенск появляется ещё раз на жизненном пути семьи Арсеньевых. И связано это с трагической судьбой их дочери – Наташи. В Адресной книге Арсеньева она тоже «присутствует»: вот маленькая Наташа, с родителями, приходит на целый вечер к **Борисовым Трофиму Михайловичу и Анастасии Федоровне**, и они все вместе отдыхают. Владимира Клавдиевича с Трофимом Михайловичем связывало многое: научные и краеведческие интересы, литературное творчество, проблемы развития рыбной промышленности на Дальнем Востоке.

Слав русских войск по р. Амуру. 20.07.1900 г.

Серебряная медаль «За поход в Китай»

В информации ещё об одном адресате Арсеньева – *Зоммере Фридрихе Францевиче* – читаем, что Приморский филиал Географического общества СССР (ныне Общество изучения Амурского края) купил у Наташи Арсеньевой архив отца. Если бы не это, многие документы известного путешественника были бы навсегда потеряны.

В биографическом материале об *Арсеньеве Анатолии Клавдиевиче* – родном брате Владимира Клавдиевича, с которым он не виделся 30 лет, – описана их трогательная встреча. А. К. Арсеньев служил капитаном на пароходе «Трансбалт», пришедшим из Одессы во Владивосток. Владимир Клавдиевич решил побывать на корабле вместе с маленькой дочерью Наташей и московскими кинодокументалистами. Здесь и встретились два брата...

После смерти В. К. Арсеньева (4 сентября 1930) и объявления советской властью его трудов чуждой идеологией, Маргарита Николаевна Арсеньева (вторая жена) в марте 1934 г. была арестована, обвинена в работе в шпионской контрреволюционной организации (которую, якобы, организовал и возглавлял Владимир Клавдиевич!), содержалась в тюрьме. В записке к Анатолию Клавдиевичу (от 26 апреля 1934 г.) Маргарита Николаевна пишет: «Савич сознался и оклеветал меня и В[олодю]. Хотят, чтобы я признала вину за себя и за В[олодю]..., объявили, что если я не сознаюсь, то Наташу возьмут от Вас и поместят в детколонию (приют с беспризорниками) на воспитание. Спасите Наташу, спрячьте её у кого-нибудь...». Выдвинутых обвинений Маргарита Николаевна не признала, и 21 августа 1938 г. была расстреляна.

Наташа после ареста матери отправлена в Москву в семью сестры Маргариты Николаевны, об этом позаботился её родной дядя – Анатолий Клавдиевич Арсеньев (4 июня 1938 г. он также был расстрелян). Наташа училась легко и хорошо, знала два языка, была склонна к сочинительству, фантазированию. Её ждало блестящее будущее, но жизнь распорядилась иначе: раннее замужество, смерть ребёнка, уход мужа, донос соседей, второе неудачное замужество, осуждение на 3 года, обвинение в «контрреволюционной агитации», 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовом лагере, скитание по всей стране, долгожданная реабилитация в 1960 году. А дальше тщетные попытки вернуться к нормальной жизни во Владивостоке, Хабаровске, постоянные поиски работы, неустроенность личной жизни, осуждение окружающих, болезни, попытки уйти от одиночества.... В письме-исповеди родственнице в Москву (от 7 июля 1966 г.), Наташа с болью и горечью пишет: «Иду, помню, на пересылку – оглянусь назад и гвоздит в моз-

Маргарита Николаевна с Наташей. 1923 г.

Маргарита Николаевна и Владимир Клавдиевич Арсеньевы.

гах: за что? За что там за проволокой моя молодость осталась? А после срока? Ведь загоня-

Слева – В. К. Арсеньев с Наташей, в центре – его брат, капитан А. К. Арсеньев

ли, загоняли обратно в тюрьму. Пустоту создавали – ни прописки, ни работы... Я себя затравленной волчицей чувствовала..., и жить, наконец, пришлось по-волчьи».

Наташа Арсеньева. 1964 г.

В начале 1969 г. Наташа, обменяв квартиру, переехала в Благовещенск, где у неё не было знакомых. Она, наконец, смогла вздохнуть спокойно. В письмах двоюродным сёстрам писала: «Как хорошо, что здесь никто не знает, что я дочь того самого Арсеньева». В Благовещенске она посещала библиотеки, много читала, как пишет в одном из писем: «лишь для того, чтобы убежать от собственных мыслей». Работала санитаркой хирургического отделения 3-й городской больницы, посудницей ресторана «Амур». Проживала по адресу: ул. Краснофлотская (до 1923 года Набережная Амура), дом №153, кв. 2.

Наталия Владимировна Арсеньева умерла 21 ноября 1970 года в возрасте 50 лет, была похоронена на городском кладбище (на 8-м километре). Долгое время считалось, что её могила утрачена. Поисками места упокоения дочери Арсеньева занимались дальневосточный краевед, журналист И. Н. Егорчев, представители Общества изучения Амурского края. С помощью корреспондентов газеты «Амурская правда» и сотрудников МП «Ритуальные услуги» её могила была обнаружена. Оказалось, что на могиле установлен красный столбик со звездой, на нём хорошо сохранившаяся фотография Наташи и табличка с датами жизни и смерти, и номер «716» [13].

«Ненаглядная Наташка», как называл свою любимую доченьку Арсеньев, более полутора лет ходила в Благовещенске по набережной Амура, жила на ней, работала рядом, спускалась к реке, по которой почти 70 лет назад её знаменитый отец отправился на другой берег для участия во взятии китайских городов Сахалина и Айгуна.

Отец о своём вынужденном, временном пребывании в Благовещенске не хотел вспоми-

нать, а дочь, убегая от самой себя и окружающей её удушающей действительности, нашла в Благовещенске долгожданное пристанище, но как оказалось – тоже временное.

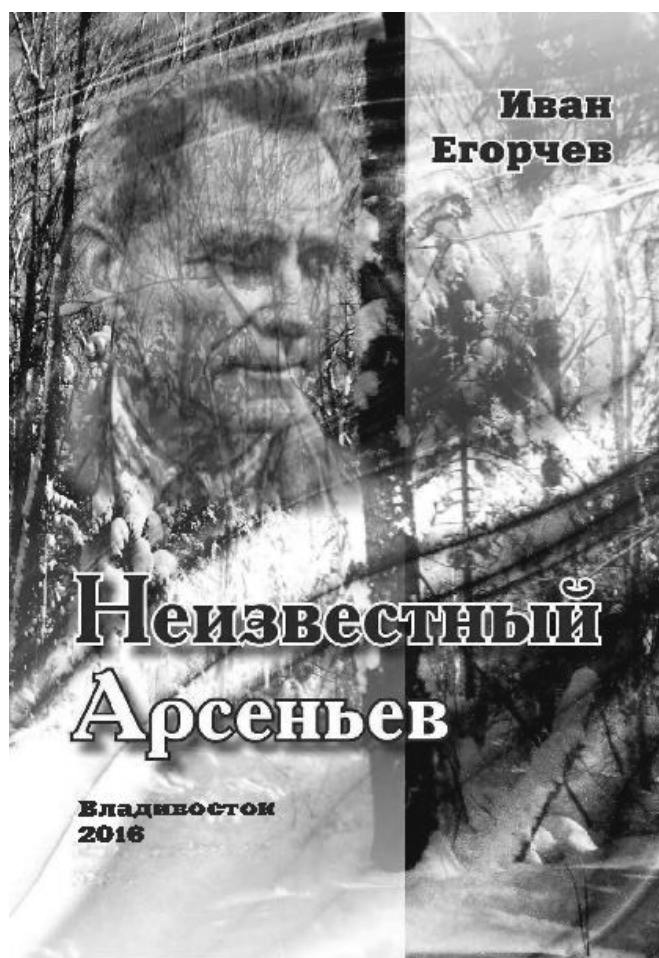
Земной круг семейной истории Владимира Клавдиевича, Маргариты Николаевны и Наташи Арсеньевых замкнулся...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хисамутдинов, А. А. В. К. Арсеньев и близкие ему люди: Портрет эпохи.: к 150-летию со дня рождения ученого и путешественника / А. А. Хисамутдинов. – Владивосток : ООО «ПСП95», 2021.
2. Памятная книжка. Адрес-календарь Амурской области. 1916 год. – Благовещенск, 1916. – С. 95.
3. Кобзарь, В. П. 165 историй Благовещенска (конец XIX – начало XX вв.) / В. П. Кобзарь. – Благовещенск : АО «Амурская ярмарка», 2021. – С. 373–375.
4. Емельянов, С. В. Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века / С. В. Емельянов. – Благовещенск : АО «Амурская ярмарка», 2019. – С. 486.
5. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.) : [в 2 т.]. Т. 2. – Благовещенск: АО «Амурская ярмарка». 2013. – С. 98–99; Абеленцев, В. Н. Привет с Амура. Каталог почтовых карточек Амурской области начала XX века / В. Н. Абеленцев. – Благовещенск : АО «Амурская ярмарка», 2014. – С. 14–17.
6. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.). [в 2 т.]. Т. 2. – Благовещенск : АО «Амурская ярмарка». 2013. – С. 205–206, 242, 277.
7. Памятная книжка Амурской области. 1914 год. – Благовещенск, 1914. – С. 51; Памятная книжка. Адрес-календарь Амурской области. 1915 год. – Благовещенск, 1915. – С. 35; Памятная книжка. Адрес-календарь Амурской области. 1916 год. – Благовещенск, 1916. – С. 65.
8. Благовещенск. Март 1918 года. – Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2018. – С. 242–243, 384–385; Емельянов, С. В. Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века / С. В. Емельянов. – Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2019. – С. 443; Абеленцев, В. Н., Гаршин, А. А.. Господа офицеры... Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922 / В. Н. Абеленцев, А. А. Гаршин. – Благовещенск: АО «Амурская ярмарка. 2016. – С. 342.
9. Благовещенск. Март 1918 года. – Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2018. – С. 238–241, 366.
10. Архив общества изучения Амурского края (АОИЯК). Фонд В. К. Арсеньева.
11. Военные события в Приамурье. 1900–1902. – Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2008.
12. Невидимый фронт капитана Арсеньева. – URL: https://newbur.ru/newsdetail/nevidimyy_front_kapitana_arseneva/; Егорчев, И. Н. Начало путешествия длиною в жизнь: как Владимир Арсеньев оказался на Дальнем Востоке / И. Н. Егорчев. – URL: <https://PrimaMedia.ru/new/529499>; Сумашедов, Б. В. Распятый в дебрях. Владимир Арсеньев. Судьба странника / Б. В. Сумашедов. – М., 2008. – С. 90–93; Абеленцев В. Н., Гаршин А. А.. Господа офицеры... Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922 / В. Н. Абеленцев, А. А. Гаршин. – Благовещенск: АО «Амурская ярмарка. 2016. – С. 48.
13. Сумашедов, Б. В. Распятый в дебрях. Владимир Арсеньев. Судьба странника / Б. В. Сумашедов. – М., 2008. – С. 345–348; Трагедия семьи писателя. Могила дочери автора «Дерсу Узала» находится в Благовещенске. – URL: <https://ampravda.ru/2011/06/29/030756.html>; Сиянова, В. В. Благовещенске разыскали могилу дочери писателя Арсеньева / В. Сиянова. – URL: <http://www.ampravda.ru/2015/04/30/056995.html>.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Егорчев, И. Н. Неизвестный Арсеньев / И. Н. Егорчев; Приморское краевое отделение Русского географического общества – Общество изучения Амурского края; [иллюстрации Е. Н. Егорчева, из архива Общества изучения Амурского края, предоставлены Приморским государственным объединённым музеем им. В. К. Арсеньева]. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2016. – 164 с. : ил.

Книга содержит малоизвестные широкому читателю, а также выявленные в последние годы новые факты и сведения, касающиеся личности В. К. Арсеньева – известного исследователя российского Дальнего Востока, географа, этнографа, военного востоковеда и писателя. На основе документальных материалов, собранных лично автором, а также многочисленных публикаций других арсеньеведов, воссозданы или прояснены многие страницы его жизни, научного и литературного творчества, участия в борьбе с хунхузами, отношений с Советской властью и некоторые другие стороны многогранной деятельности выдающегося учёного.

Работа предназначена для всех интересующихся творчеством В. К. Арсеньева, судьбой его произведений, трагическими событиями в жизни его ближайших родственников.

А. А. ГАРШИН,

главный архивист отдела использования
архивных документов Государственного
архива Амурской области

Ключевые слова: сотник Волков, родители, семья, родословная, военный топограф, сиротский институт, пенсия, Винников, эмеритура, полковник, Амурское казачье войско.

В статье отражена информация по поиску отца амурского литератора сотника АКВ Л. П. Волкова. Эта страница его биографии до сих пор является белым пятном истории Приамурья. В статье использованы различные исторические источники XIX в., а также некоторые документы нашего времени.

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА РОДОСЛОВНОЙ СОТНИКА Л. П. ВОЛКОВА

В практически первой биографической информации о сотнике Амурского казачьего войска Леониде Петровиче Волкове – одном из первых амурских поэтов и литераторов – некрологе, написанном благовещенским журналистом и издателем А. В. Кирхнером и опубликованном в №31 «Амурской газеты» за 30 июля 1900 г. (буквально, через неделю после гибели Волкова), о его родителях сказано немного: «сын военного топографа-полковника – остался после смерти своего отца 8-летним мальчиком. Мать его умерла, когда ему было всего 3 года».

В 1-м томе 2-го издания «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)» профессора С. А. Венгерова, вышедшем в Петрограде в 1915 г. в краткой справке о его родителях и семье не упоминается вообще, вот вся справка целиком: «Волков, Леонид Петров, сибирский поэт, р. 3 мая 1870 в Санкт-Петербурге, в дворянской семье, казачий офицер, убит в деле с китайцами под Айгуном 21 июля 1900 г.».

Из биографии, опубликованной в посмертном издании его стихов в 1902 г., известно, что его мать была из «богатой купеческой семьи», отец – «из дворян Санкт-Петербургской губер-

нии», дослуживший до чина полковника. В последние годы жизни, отец из-за ревматизма был прикован к инвалидному креслу, поэтому мальчик «был предоставлен старушке-няне».

В вышедшем в 2016 г. в соавторстве с В. Н. Абеленцевым биографическом справочнике «Господа офицеры... Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922» и последовавшим за ним в 2018 г. биографическом справочнике о казачьих офицерах Приамурских войск «Верой и правдой служа Отечеству...» информация о родителях Волкова за неимением дополнительных сведений о его семье также оставалась неполной.

Некоторое время тому назад, в рамках подготовки 2-го издания (исправленного и дополненного) «Господ офицеров...», мне довелось поработать с ранее неизвестным источником «Высочайшими приказами по Военному ведомству за период 1840-х–1870-х годы». В процессе «отработки» этих приказов была установлена информация о производстве и перемещении по службе нескольких офицеров-топографов имевших фамилию Волков.

И вот тут, как говорится, всё совпало: заинтересовавшись дальнейшими поисками

и изучив некоторые дополнительные источники, удалось найти информацию о возможном отце Л. П. Волкова – офицере-топографе Петре Волкове.

Но вначале краткая справка о Корпусе военных топографов Русской императорской армии.

Корпус был учрежден 28 января 1822 г. при Главном штабе Его Величества. Одной из основных задач Корпуса было производство топографической съёмки (триангуляции) различных местностей Российской империи, с последующим составлением карт для нужд Военного ведомства. Согласно Положению о Корпусе, топографы должны комплектоваться (по экзамену), из «способнейших кантонистов военно-сиротских отделений военно-топографического депо, находившихся при армиях и корпусах» и притом, не из дворян, «чтобы можно было, удерживая их долее на службе, образовать из них надежных съёмщиков». Для поступления на службу требовались: «арифметика, алгебра до уравнений 2-й степени, планиметрия, чистописание и рисование планов».

Топографы делились на два класса и переводились из 2-го в 1-й класс после строгого испытания, затем они получали унтер-офицерское звание и по выслуге лет, составлявшей не менее 8 лет, могли быть произведены в офицеры. Для усвоения всех необходимых им знаний, топографы должны были отучиться в специальном, учрежденном при Корпусе топографов 2-классном училище. Корпус состоял в ведении управляющего квартирмейстерской частью Главного штаба РИА. Ставший офицером Корпуса топографов получал права свиты по квартирмейстерской части.

В процессе установления сведений об отце Л. П. Волкова были изучены имеющиеся в открытом доступе источники об офицерах этого Корпуса. Это, прежде всего, – Высочайшие приказы по Военному ведомству и различные Списки офицерским чинам РИА за период 1830-х–1870-х гг. Также, краткие биографии офицеров-топографов обнаружались в вышедшем в С.-Петербурге к 50-летию Корпуса «Историческом очерке деятельности Корпуса военных топографов 1822–1872 гг.».

Однако после анализа изученных материалов в вопросе идентификации возникла определенная сложность. Дело в том, что итогом поисков стало однозначное установление личностей 2-х офицеров-топографов, носивших имя Пётр и имевших чины полковника и подполковника к концу 1860-х – середины 1870-х гг. (периода рождения и первых лет жизни Леонида Петровича).

Ими оказались:

1-й: **Волков Пётр Васильевич** (р. 1806). Из солдатских детей, православный. Принят 21.01.1827 г. на службу топографом (нижним

чином). В 1827–1836 гг. находился на съёмке С.-Петербургской и Псковской губерний. Произведён, по экзамену, из топографов в прапорщики, «с состоянием по армии» (ВП 01.04.1838). В том же году назначен состоять при Военно-топографическом депо, с прикомандированием к Корпусу топографов. В 1839–1846 гг. находился на триангуляции от Могилёва до Москвы. Переведён 01.04.1840 г. В Корпус топографов. Состоял по Корпусу топографов; подпоручик, на вакансию (ВП 26.03.1844). В 1846–1849 гг. находился на триангуляции от С.-Петербурга до Москвы. Поручик, на вакансию (ВП 03.04.1849). В 1849 г. назначен состоять при геодезическом отделении Военно-топографического депо в С.-Петербурге, в котором прослужил до 1863 г. Штабс-капитан, на вакансию (ВП 19.04.1853). Капитан, за отличие по службе (ВП 02.04.1859, указан как Волков 1-й). Подполковник, за отличие по службе (ВП 17.04.1863, ст. 17.04.1863, указан как Волков 1-й). Зав. механическим отделением бывшего военно-топографического депо; назначен зав. механическим заведением военно-топографической части Главного управления Генерального штаба (ВП 01.12.1863). Зав. механическим отделением Главного управления Генерального штаба (на 03.06.1864–20.01.1867). Подполковник; уволен от службы полковником (04.03.1867). Награды: ордена – Св. Станислава 2-й ст.; Св. Анны 3-й ст. (1851); знак отличия за XX лет беспорочной службы в офицерских чинах.

2-й: **Волков Пётр Александрович** (р. 1830). Из личных почётных граждан. Православный. В службу вступил топографом 16.09.1848 г. В 1849–1852 и 1856 гг. находился на инструментальной съёмке окрестностей С.-Петербурга. В 1854 г. находился в походе и сражении против турок. В 1857–1866 гг. состоял при Военно-топографическом депо в С.-Петербурге. Топограф роты топографов Военно-топографического депо; произведён, по экзамену, в прапорщики Корпуса топографов (ВП 13(25).09.1857). Подпоручик, за отличие по службе (ВП 17.04.1861, указан как Волков 2-й). Поручик (19.04.1864). Штабс-капитан (30.08.1867). Депо переименовано в военно-топографический отдел. С 1867 сост. при военно-топографическом отделе Главного Штаба на вакансии младшего обер-офицера. Производство в капитаны не установлено. Капитан Корпуса военных топографов; произведён в подполковники (ВП 02.04.1875). В том же чине уволен от службы «за болезнью, с пенсионом полного оклада» (ВП 16.06.1875). Награды: орден Св. Станислава 3-й ст.

Из вышеуказанной информации следует, что оба Петра Волковых могли быть отцами Леонида Петровича, родившегося 3-го мая

1870 г. в С.-Петербурге. При этом, Петру Васильевичу Волкову на момент рождения Леонида было уже около 62 лет, Петру Александровичу же – около 40. Оба они, будучи из разночинцев, с получением первого офицерского чина приобрели права личного дворянства. Также оба проживали в С.-Петербурге и служили (одно время даже вместе!) в военнотопографическом отделе Главного Штаба: и вышедший в отставку в 1867 г. полковником Пётр Васильевич Волков, и Пётр Александрович Волков, вышедший в отставку по болезни подполковником в 1875 г.

Личное дворянство в то время получали: по гражданской службе чиновники, начиная с 9-го класса (титулярный советник), на военной службе – с первого офицерского чина. По Манифесту 11 июня 1845 г. потомственное дворянство приобреталось с производством в штаб-офицерский чин (8-го класса) – майор. Дети, рождённые до получения отцом потомственного дворянства, составляли особую категорию обер-офицерских детей (так и писалось в документах того времени – «из обер-офицерских детей»), причём одному из них по ходатайству отца могло быть дано потомственное дворянство. Александр II указом от 9 декабря 1856 г. право получения потомственного дворянства ограничил получением чина полковника (6-й класс). Чины с 14-го по 10-й класс именовались просто «почётными гражданами».

Получается, что согласно приобретённого чина полковника, возможные дети Петра Васильевича Волкова должны были получить права потомственных дворян и вписаны в Геральдические книги российского дворянства, но, вот, в какие и когда – это большой вопрос (возможно, по Петербургской губернии, по месту проживания отца).

В том же некрологе из «Амурской газеты» за 1900 г., упоминается, что «У Леонида Петровича был младший брат, умерший в этом году *(по-видимому, в 1900 г. – авт.)*, и сестра *(по-видимому, старшая – авт.)*, умершая ещё в детстве».

Наличие троих детей, из которых как минимум двое могли появиться у Петра Васильевича Волкова (родившегося в 1806 г.), после достижения им 61-го года, представляется достаточно сомнительным. Однако, при этом, Пётр Александрович Волков ушёл в отставку подполковником, и поэтому он и его возможные дети прав потомственного дворянства получить не могли.

По нашему мнению, с определённой долей уверенности, можно, всё-таки, считать, что отцом Леонида Петровича Волкова является полковник Корпуса военных топографов Пётр Васильевич Волков.

Теперь об опекунстве.

После смерти отца Леонид был отдан на воспитание в Гатчинский сиротский институт, находившийся под непосредственным покровительством царской фамилии. Этот институт был образован указом императора Николая I от 23 ноября 1837 г. на месте Гатчинского Воспитательного дома, основанного в 1803 г. В 1855 г. институт в память основателя получил имя Николая I. В институт принимали только сирот из дворянских семей – сыновей офицеров и чиновников гражданской службы, получавших в этом заведении воспитание и общее образование. В состав института входили: отделение для малолетних, состоявшее из трёх классов; основной институт в составе шести классов и седьмого дополнительного по программе реальных училищ. Задача института была довести до полного окончания курса возможно большее число сирот-воспитанников. С этой целью в институте с 1878 г. в 4-х младших классах был введён курс прогимназий МНП, а в 3-х старших учебный курс был совмещён с программой трёх старших классов военных гимназий. На содержание и обучение пансионеров платилось по 300 рублей в год за каждого. Гатчинский Сиротский Николаевский институт был почти единственным в своем роде гражданским мужским закрытым учебным заведением. В его стенах преподавали такие выдающиеся педагоги того времени, как Е. О. Гугель и К. Д. Ушинский, С. Н. Смарагдов.

Далее в некрологе А. В. Кирхнер указывал, что «в Гатчинском Сиротском институте Волков воспитывался **на казённый счет**, «а затем, лет семнадцати, приписался к Амурским казакам и приехал на Амур». Известно, что, не закончив курс, несовершеннолетний Волков в 1887 г. покинул Гатчинский институт и приехал в Благовещенск, где был зачислен вольноопределяющимся в Амурский конный казачий полк (АККП).

Можно предположить, что **именно тогда** командир полка полковник Г. В. Винников оформил опекунство над Леонидом Волковым, с целью направления пенсии его отца и эмиратуры на обучение Леонида в Иркутском пехотном юнкерском училище. Напомню, что эмиратура – это дополнительное пособие к пенсии, получаемое из так называемой эмиратальной (страховой) кассы, в которую за время службы поступают вычеты из содержания офицера или чиновника до его выхода на пенсию.

Версия о том, что сам Винников служил вместе с отцом Волкова, на наш взгляд, кажется несостоятельной. Потомственный дворянин Полтавской губернии, Г. В. Винников родился 5 февраля 1843 г. Служил в пехоте, затем – в кавалерии, первый офицерский чин получил

Винников Г. В.

17-го января 1864 г., с 1865 по 1871 гг. служил по линии МВД: мировой посредник, пристав, исправник в Малороссии и Литве. В этот период времени оба Петра Волковых служили в С.-Петербурге. В Восточной Сибири Винников появился только в 1871 г., когда он, будучи состоящим по армейской кавалерии, был переведён в ЗКВ (Забайкальское казачье войско), с переименованием из корнетов в хорунжие (ВП 26.10.1871). Далее Г. В. Винников успешно двинулся по служебной лестнице. Чин полковника он получил через 14 лет – 17-го июля 1885 г., с назначением командиром АККП.

Явных совпадений со службой обоих Петров Волковых не прослеживается. Остаётся открытым вопрос о том, как сам Леонид Петрович Волков попал именно в Благовещенск в 1887 г.

Героическая смерть объединила и опекуна, и опекаемого. Вышедший в 1897 г. в отставку Григорий Васильевич Винников служил торговым агентом АОПиТ на пристани в китайском Сансине и героически погиб (2-мя неделями раньше Л. П. Волкова) 5 июля 1900 г., спасая русскую колонию во время восстания «ихэтуаней». Сам Леонид Петрович Волков был убит 21 июля 1900 г. при взрыве зарядного ящика во время захвата китайской батареи на Колушанских высотах под г. Айгуном.

Окончательный ответ на историю с опекуном, а также ответ на вопрос, кто же всё-таки из 2-х Петров Волковых является отцом Леонида Петровича могли бы дать Послужные

Волков Л. П.

списки, в обязательном порядке составлявшиеся на каждого офицера Русской императорской армии. Да и заглянуть в служебный формуляр Георгия Васильевича Винникова тоже кажется уместным. Дело в том, что помимо общих сведений об офицере (происхождение, образование, производство в очередной чин, перемещения по службе) в этом списке указывается и семейное положение офицера, с перечислением состава его семьи.

Хочу сообщить, что совместно с Амурской областной общественной писательской организацией в апреле 2022 года был подготовлен и отправлен официальный запрос в Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) с просьбой предоставить эту информацию (если таковая у них найдётся). Работа с архивами – дело неспешное. Согласно последней информации, полученной от РГВИА (от 12.08.2022, за №2853) «...по научно-справочному аппарату архива выявлены следующие дела:

- дело о производстве подполковника Петра Васильевича Волкова с увольнением от службы и полным пенсионом за 1867 г.;
- послужной список Петра Александровича Волкова, составленный на 1875 г.
- послужной список Леонида Петровича Волкова, составленный на 1902 г.;
- послужной список Григория Васильевича Винникова, составленный на 1880 г.»

Сейчас ведётся уточняющая переписка по максимально быстрому копированию и от-

правке в Благовещенск этих бесценных документов.

Будем надеяться, что по прошествии некоторого времени мы всё-таки получим ответы на волнующие всех вопросы установления ро-

дителей Л. П. Волкова, и вполне возможно, что очередная белая страница истории Приамурья будет закрыта навсегда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Высочайшие приказы по Военному ведомству за 1839, 1844, 1849, 1853, 1857, 1861, 1863, 1875 гг.
2. Списки подполковникам по старшинству, 1864. – С. 420; 20.01.1867 г. – С. 216 (указан как Волков 1-й).
3. Исторический очерк деятельности Корпуса топографов (1822–1872). – СПб, 1872. – Приложения: Список №1. – С. 26, С. 63; Список №2. – С. 98.
4. Кирхнер, А. В. Осада Благовещенска и взятие Айгуна / А. В. Кирхнер. – Благовещенск. 1900.
5. Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 4. ч. 1. кн. 2, Главный штаб, исторический очерк. – Санкт-Петербург, 1902. – С. 400–402.
6. Венгеров, С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Изд. 2-е. Т.1 – Петроград, 1915. – С. 144.
7. Сергеев, С. В., Долгов, Е. И. Военные топографы Русской армии / С. В. Сергеев, Е. И. Долгов. – Москва, 2001. – С. 69.
8. Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX – XXI веков. – Благовещенск, 2013. – С. 92–93.
9. Абеленцев В. Н., Гаршин А. А.. Господа офицеры... Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922 / В. Н. Абеленцев, А. А. Гаршин. – Благовещенск : АО «Амурская ярмарка», 2016. – С. 82–83.
10. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – С. 345.
11. Верой и правдой служа Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851–1920-е. – Благовещенск : АО «Амурская ярмарка», 2018. – С. 135–136.
12. Гатчинский Сиротский институт. – URL: <http://history-gatchina.ru/town/gsi/gsi3.htm/>.

В. Ю. ИЖЕНДЕЕВ,
директор ООО «Игнашино»,
с. Игнашино, Сковородинский район

Ключевые слова: станция Игнашино, Игнашинский минеральный источник, казаки, А. Г. Оффенберг, Г. Я. Тонких, Общество врачей Восточной Сибири, И.А. Котельников, Игнашинский минеральный курорт, торговый дом «Наследники И.А. Котельникова».

Статья знакомит с этапами развития Игнашинского курорта на базе минерального источника «Кислый ключ». На пути его создания в разное время пересеклись интересы жителей станции Игнашино, рядовых и офицеров Амурской конной казачьей бригады, благовещенских купцов Котельниковых, властных структур Приамурья (до 1917 г. и советского периода). Основой для статьи послужили архивные документы, другие исторические источники и современные краеведческие издания.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ИГНАШИНСКОГО БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКОГО КУРОРТА

Игнашинский источник минеральной воды находится в Сковородинском районе, в 8-ми километрах северо-восточнее с. Игнашино, в долине речки Игнашина (Игнашиха) – левого притока Амура. Современное село Игнашино расположено на левом берегу Амура, в пограничной зоне. До областного центра г. Благовещенска – 890 км, до районного центра г. Сковородино – 225 км, до ближайшей железнодорожной станции Ерофей Павлович – 74 км.

О поселении Игнашино упоминается в историческом очерке А. П. Васильева «Забайкальские казаки», изданном в Чите в 1916–1918 гг. Повествуя о расселении в 1682 г. крестьянского населения и казаков возле Албазина, автор перечисляет названия существующих в округе деревень, заимок, слобод. В завершении списка добавляет: «В некоторых отписках упоминались также слободы: Солдатовая, Игнашина и Монастырщина». Предположительно, слобода Игнашина была названа так по фамилии крестьянина Игнашина [1].

Во время третьего амурского сплава забайкальских казаков в 1857 г., под личным руководством Н. Н. Муравьева, было заложено

много станиц. Одним из таких заселенческих пунктов стала и станция Игнашино или Игнашинская. К концу этого года в ней стояло 5 домов, через два года, в 1859, – «насчитывалось уже дворов 21 и жителей 84 мужского и 78 женского полов». Переселенцы «жили бедно, много пало скота и лошадей, которые дорогою промочили ноги. Питались рыбою. На улице торчали пни». Неустроенность быта «ослабляла энергию самых сильных, слабые же падали духом», многих преследовали болезни, часто обострявшиеся в условиях отсутствия врача и лечебного заведения [2].

Казаки заметили, что местные жители и таёжные люди (охотники, рыбаки, собиратели) болеют редко, лечатся от различных болячек и хворей водой из минерального источника, который находился недалеко от Игнашино и назывался «Кислый ключ». Весть об этом разошлась быстро, и многие игнашинцы стали ходить на источник, испытав на себе лечебные свойства этой воды. Для подъезда к источнику казаки Игнашино прорубили в тайге дорогу длиной 8 километров и уложили гать длиной 400 метров, построили мост через речку Игна-

шина. Теперь источник со станицей связывала достаточно благоустроенная дорога, по которой можно было проехать на телегах, тарантасах и других экипажах.

В конце 1870-х–начале 1880-х гг. станица продолжала обустраиваться, жители занимались земледелием, извозом и доставкой грузов на золотые прииски, заготовкой дров для пароходов. Казаки, помимо нелегких хозяйственных работ, отбывания возложенных на них повинностей, несли ещё военную службу по охране границы, собирались на ежегодные военные сборы, а также продолжали заниматься обустройством минерального источника.

В 1876 году военным губернатором Амурской области фон Оффенбергом Альбертом Генриховичем было принято решение о строительстве на Игнашинском источнике здравницы с помещениями и ваннами для принятия процедур с использованием лечебных свойств минеральной воды. Закладка строительства и последующая эксплуатация здравницы поручались Амурской конной казачьей бригаде. Основной её целью должно было стать лечение рядового и офицерского состава казачьего войска. Но в лечении и оздоровлении нуждались практически всё население области. Нередко переселенцы прибывали на новое место жительства уже больными, так как многие не выдерживали сложный путь на восток.

Был организован сбор пожертвований на строительство здравницы, проходивший под непосредственным руководством военного губернатора А. Г. Оффенберга. Так, в 1877 году поступило:

1. По заимствованию из сумм Амурской конной казачьей бригады с разрешения командующего войсками полковника барона Оффенберга А. Г. – 400 рублей.

2. Пожертвование от пайщиков Верхне-Амурской золотопромышленной компании – 1000 рублей.

3. Пожертвование поступило от маскарада, данного в Благовещенске в пользу минерального ключа – 719 рублей.

4. Пожертвование на устройство Игнашинского минерального ключа от населения станицы Рейново (ныне – Джалинда) внесли 68 человек – 601 рубль, подписной лист от 24 апреля 1877 года.

Подписные листы для сбора пожертвований распространялись среди казаков, золотопромышленников, предпринимателей. При этом суммы вносимых денежных средств были различные. Подписные листы нередко имели преамбулу, в которой обосновывалась необходимость пожертвований. Общее благое дело объединяло людей:

Подписной лист [3].

Милостивые Государи! Господа сослуживцы, товарищи и приятели!

Во имя человеколюбия, покорнейше прошу вас принять участие в подписке на устройство Игнашинского минерального ключа. Быть может нам не понадобится пользоваться целебными силами этого источника, но для страдающего общества, живущего в этом крае, неоспоримо принесёт громадную пользу.

Вполне уверенный в сочувствии к этому делу, ваш покорный и преданный слуга, Иосиф Пиотровский.

Бригадным командиром г. Петровым уже пожертвовано сто рублей – подготовка постройки началось.

Иосиф Пиотровский	– 10 руб.	Отдал
Е.А. Карзаков	– 5 руб.	Отдал
Фридерик Прибе	– 1 руб.	Отдал
Иван Кунтузов	– 3 руб.	Отдал
Пешков Дмитрий	– 3 руб.	V
Ф. Шмит	– 5 руб.	Отдал
От Верхне-Амурской золотопромышленной Ко	– 100 руб.	V
Иван Баснин	– 25 руб.	
П. Карзаков	– 15 руб.	V

По поручению командира Амурской конной казачьей бригады, учёт поступающих средств был возложен на хорунжего Георгия Яковлевича Тонких. Ему вверялась «Книга на записку прихода и расхода денег, по содержанию Игнашинского ключа минеральных вод с 1-го октября 1878 года». В списке жертвователей 1878–1879 гг. значились: Неизвестный – 3 руб., Чистихин – 1 руб., Попов – 2 руб., отставной казак Степан Лазарев – 3 руб., Прокопий Пахолков – 25 руб., служащий Т-ва Амурского пароходства Александр Гилевский – 3 руб. серебром, управляющий приисками Верхне-Амурской золотопромышленной компании Г. Нерпин – 100 руб., командир Амурской конной казачьей бригады подполковник Петров – 700 руб. В июле 1880 г. с разрешения командующего войсками Амурской области полковника Оффенберга из сумм Амурской конной казачьей бригады было заимствовано 400 руб., от Верхне-Амурской золотопромышленной компании поступило 1000 руб., З. И. Кулебякин внес 25 руб. [4].

Архивные источники позволяют также узнать, как в разные годы велось устройство или обустройство Игнашинской здравницы, какие работы и в каком объёме производились. Так, согласно одному из документов, «Табель с рабочими на минеральном Ключе близ ст. Игнашиной 1878 г. месяц апрель» – здесь трудилось 18 казаков, в числе которых: мастер Воронцов, три поденщика лошадей – Александр и Григорий Портнягины, Федор

Щербаков (в разные месяцы на источнике также работали Степан, Перфил, Анистифор Щербаковы), и 14 поденщиков, которые расчищали территорию вокруг ключа, рубили и вывозили лес. Всего ими было выработано 188¾ дней. Мастер при этом контролировал «постройку дома, рубку леса, скобление леса, отделку плах, очистку места у дома, дёрку мха, распиловку леса, вынутие земли из подвала» [5].

В отчете хорунжего Г. Я. Тонких от 1 октября 1878 г. имеется опись имущества, находящегося на источнике. Согласно ей здесь были построены лечебные палаты на 20 номеров, ванный корпус, казарма для рядового состава на два отделения (мужское и женское) и вспомогательные помещения.

Кроме казаков станицы Игнашино обустройством «Кислого ключа» занимались и казаки других округов. Так, 14 февраля 1879 г. казак Аносовского станичного округа Александр Иванов заключил с командиром Амурской конной казачьей бригады подполковником Петровым Иннокентием Федоровичем подрядный документ «Условие», где было записано:

«1). Я, Иванов, обязуюсь исполнять обязанность мастера при постройке дома на 10 и 4 саженьях и других работ, которые будут указаны на Игнашинских минеральных водах, за что вырядил от Его Высокоблагородия по девяносто рублей в месяц с одним работником, которому жалованье должен платить от себя, в задаток получил при заключении сего Условия 180 рублей.

2). Потребное число рабочих кроме меня и моего работника должно быть нанимаемо от Его Высокоблагородия не менее 8 человек, а также все инструменты и материалы должны быть доставляемы своевременно.

3). Работу я, Иванов, должен начать не позже 1 марта сего года и постройку дома на 10 и 4 саженьях окончить не позже 1 мая сего года.

4). Жалованье должно считать со дня поступления на работу.

5). Условие это обязуюсь исполнять в точности свято и ненарушимо» [6].

Лечебными свойствами Игнашинской минеральной воды заинтересовалось «Общество врачей Восточной Сибири», находившееся в г. Иркутске. Это научно-медицинское общество (1863–1913) сделало немало по изучению сибирской и дальневосточной бальнеологии. На заседаниях Общества заслушивались сообщения учёных, врачей, фармацевтов о минеральных источниках, составе их воды, возможностях практического применения. Несколько раз членам Общества докладывались и результаты анализов и клинических исследований воды из Игнашинского источника, её терапев-

тическое влияние на результативность лечения больных.

Исследованием Игнашинской минеральной воды занимались провизор Санкт-Петербургского госпиталя Э. И. Реннард (1878 г.), А. А. Шамарин – кандидат естественных наук Дерптского университета, помощник управляющего Иркутской золото-сплавочной лаборатории. В 1878 и 1879 гг. Шамарин осуществлял количественный и качественный химический анализ минеральных вод Игнашинского источника, в том числе образцов вод, присланных военным губернатором Амурской области А. Г. Оффенбергом. Он же сделал подробный сравнительный анализ химического состава сибирской минеральной Емаровской воды с Игнашинской. На заседании членов Общества 29.04.1878 г. Шамарин выступил с сообщением «Анализ воды Игнашинского источника» (протокол №6). По двухгодичным результатам исследований этой минеральной воды им был подготовлен научный труд «Анализ воды Игнашинского минерального источника на Амуре».

Исследовал воду и областной врач Н. П. Львов из Благовещенска (в 1880-х гг. был председателем санитарной комиссии Благовещенска). Он был иногородним членом Общества, участвовал в его работе. Будучи заинтересованным в обследовании минеральной воды Игнашинского источника, он направил её А. А. Шамарину. 29 апреля 1879 г. на заседании членов Общества обсуждался вопрос «По поводу анализов минеральных вод Игнашинского источника г. Реннарда и А. А. Шамарина», который был инициирован письмом областного врача Амурской области (г. Благовещенск) Н. П. Львова о расхождении данных химических анализов Игнашинских минеральных вод, проведенных Шамариным и Реннардом (протокол №7). Доклад самого Львова «Об анализе Игнашинского источника, произведенном химиком Реннардом» был опубликован в печатном органе Общества – «Протоколы и труды Общества врачей Восточной Сибири» [7]. Во второй половине XIX в. водой из Игнашинского источника стали пользоваться не только игнашинцы, но и жители других станиц, расположенных вдоль берега Амура, казаки Амурского и Забайкальского казачьих войск, а также старатели Желтугинской республики. Его официальное название стало – «Игнашинский источник минеральной воды».

В связи с большой популярностью и спросом, лечение на источнике стало платным, плата назначалась довольно высокая, все доходы поступали в войсковую казну. При этом непосредственно на месте источника водой можно было пользоваться бесплатно.

По отчетным документам хорунжего Г. Я. Тонких, периодически поступавшим в Войсковое правление, видно, что уже в 1877 г. минеральный источник начал приносить доход. По состоянию на 4 июля 1880 г. приход денежных средств составил 3647 руб. 40 коп. В его Рапорте от 10 марта 1883 г. написано: «Вследствие предписания Войскового Правления от 9 ноября 1882 года за №1780, имею честь представить при сем отчет о приходе, расходе и остатке денег, вырученных от посетителей при нахождении на излечении на Игнашинских минеральных водах в аппарацию 1880, 1881 и 1882 годов. При этом доношу Войсковому Правлению, что в бытность мою в январе месяце с.г. в г. Благовещенске, председатель Войскового Правления г-н полковник Петров предложил мне озаботиться устройством гати по дороге на минеральные воды, взамен сгоревшей осенью 1882 года от напольных пожаров, на расстоянии 40 сажень и устройстве моста чрез р. Игнашину...». Далее хорунжий сообщает, что игнашинским казакам он заказал вывозку леса, необходимого для указанных работ, с оплатой 160 руб. 20 коп. Просит эти деньги оставить при нём «во избежание излишней пересылки и производить из них плату казакам» [8].

Начиная с середины 1880-х годов, в Обзорах Амурской области (Приложение к ежегодным Всеподданнейшим отчетам Военных губернаторов Амурской области) появляется подраздел «Минеральные воды». В обзорах даётся описание имеющихся на её территории минеральных источников (один из них – серные минеральные воды в Михайло-Семеновской станице, о целебных свойствах этой воды положительных сведений не имеется; второй – щелочно-железные воды близ Игнашинской станицы).

Подробное описание минеральной воды второго источника было дано в Обзоре за 1885 год:

«По химическому же исследованию Игнашинской минеральной воды, произведенному в лаборатории Санкт-Петербургского фармацевтического общества, оказалось, что вода эта прозрачная, с незначительным желтым клочковатым осадком водной окиси железа, без цвета и запаха, освежающего вкуса, с кислой реакцией и с удельным весом при 15° цельсия 1,0027. В одном литре этой воды находится, считая и выделившийся осадок:

Двууглекислого кали	– 0,0075 грамм
Двууглекислого натра	– 0,5680 грамм
Двууглекислого лития	– 0,0108 грамм
Двууглекислого цезия	– следы
Сернокислой извести	– 0,0875 грамм
Двууглекислой извести	– 1,1430 грамм

Двууглекислой магнезии	– 1,5617 грамм
Хлористого магния	– следы
Двууглекислой закиси железа	– 0,0983 грамм
Кремнезема	– 0,0340 грамм
Фосфорной кислоты	– следы
Свободной углекислоты	– 0,1360 грамм

На месте нахождения Игнашинских минеральных вод хотя и существуют незначительные для жилья постройки, могущие вместить в себя до 30 человек больных, но вследствие неправильной организации этого дела, отсутствия компетенции в деле лечения и вообще удобств, воды эти посещаются весьма немногими, и за отчетный год на них было до 100 человек жителей ближайших местностей» [9].

Эта информация повторяется практически без изменений в Обзорах за 1886–1887 гг., далее она постепенно сокращается, в ней остаётся описание местоположения источника, краткий общий вывод о лечебных свойствах воды, наличии/отсутствии условий для размещения больных и показатели посещаемости здравницы.

В Обзоре за 1890 год в выводах по деятельности Игнашинского источника появляются новые моменты: «Хотя на воды эти ежегодно летом отправляется несколько десятков больных из частных лиц, но правильного лечения этими водами не существует, так как за отсутствием предпринимателей, – не организована необходимая обстановка для такого пользования водами» [10].

В 1892 году в Обзоре сделан предельно краткий вывод о водах минерального источника: «В Амурской области известны минеральные воды щелочно-железистые, в 8 верстах от казачьей станицы Игнашино, на левом берегу Амура, в 800 верстах от г. Благовещенска. Ими почти не пользуются» [11].

В вышедшем в 1894 г. «Географическо-статистическом словаре...» А. В. Кириллова есть отдельная статья «Игнашинские минеральные воды», в которой повторяется информация о химическом исследовании воды, произведённом в лаборатории Санкт-Петербургского фармацевтического общества. Оценивая состояние источника (на момент посещения его в начале 1890-х годов), Кириллов также делает аналогичный вывод: «При источнике устроены плохие помещения для больных, но, вследствие отсутствия всяких удобств и невозможности иметь удовлетворительные жизненные продукты, воды эти мало посещаются больными» [12].

Газета «Приамурские ведомости» в 1894 г. (№33) опубликовала довольно большой материал об Игнашинских минеральных ключах, которые, как пишет автор, хотя и «принадлежали Игнашинскому станичному отделению, однако

ещё в начале 1890-х находились без присмотра. Для приезжавших на них имелся деревянный барак, в котором 16 кроватей и, кроме того, два отдельных домика каждый в две комнаты – всё это для привилегированных посетителей. Остальные располагались, кто, где мог, в том числе – в станице, благо она была рядом. Тогда же на водах имелась лишь одна ванна, построенная на частные средства больных, воду пьют, и кто может, пользуется помянутой ванной. Больных посетителей за лето пребывало на водах не более 30–40 человек, и это – несмотря на близость населённого пункта и сравнительно хороших путей сообщения (на пароходе до Благовещенска)».

Таким образом, в начале 1890-х годов общая ситуация на Игнашинской здравнице была довольно сложной. Для улучшения её положения требовался поиск оптимальных форм хозяйствования, благоустройство территории, создание соответствующей инфраструктуры и, главное, стабильное финансирование. Поэтому новый период в дальнейшем развитии Игнашинского источника минеральной воды мог быть напрямую связан с частнопредпринимательской деятельностью, т.е. передачей здравницы в эксплуатацию на определённый промежуток времени либо предпринимателю, либо купцу, либо промышленнику, имеющим достаточный капитал.

В конце 1890 года благовещенский купец 2-й гильдии, судовладелец и золотопромышленник Котельников Иннокентий Александрович принял решение взять в аренду Игнашинскую лечебницу. Как человек дела, он понимал, что становление лечебного курорта и оздоровление населения было жизненно необходимым в достаточно суровых условиях Приамурья и могло принести хороший доход. После обсуждения определенных условий аренды, обе стороны подписали соответствующие документы. Игнашинское правление, в обмен на предоставление арендатору бесплатно территории курорта оговорило себе право на бесплатное лечение определенного количества казаков, на установление твёрдых цен на продукты питания, на предоставление мест размещения и медицинские услуги. И. А. Котельников взялся за постепенное приведение в порядок бывшей казачьей лечебницы, не закрывая её. И 15 мая 1891 года было объявлено об открытии бальнеологического курорта. Предполагалось, что работать он будет ежегодно, в течение нескольких тёплых месяцев. Показаниями для лечения были определены кишечно-желудочные и почечные заболевания, ревматизм, радикулит, цинга и др.

Как сообщает для своих читателей «Амурская газета» в 1898 г. (№1), уже к оче-

редному летнему сезону на Игнашинском источнике был произведён полный ремонт всех зданий и построены новые. Кроме двух гостиничных корпусов, имевших номера для посетителей, была построена общая столовая, казарма для малоимущих пациентов на два отделения (мужское и женское), а также корпус для тёплых ванн, дом для посетителей, кухни и другие хозяйственные постройки. Для посетителей имелась небольшая библиотека (до 700 томов); выписывались 8 изданий газет и журналов. Для времяпровождения посетителям курорта предлагались также игры: крокет, воланы, кегли, серсо, домино. Дорога к источнику была приведена в порядок, и восьмивёрстное сообщение со станицей производилось уже не на телеге, а на тарансах и других удобных экипажах. На ключах посетители могли получать по желанию или готовый стол, или провизию. Для остановки посетителей по прибытии в станицу выделили особый дом на берегу Амура, где прежде помещалось почтово-телеграфное отделение [13].

После смерти Иннокентия Александровича (в 1900 г.), производством и реализацией минеральной воды и текущими делами бальнеологического курорта стали заниматься его сыновья, участники торгового дома «Наследники И. А. Котельникова». Понимая ценность минеральной воды Игнашинского источника, наследники решают закупить в Англии специальную установку по розливу и укупорке воды в стеклянные бутылки. Небольшой заводик по розливу был смонтирован и начал свою деятельность. Минеральную воду в бутилированном виде под названием «Игнашинка» стали отправлять в различные города России, вплоть до Москвы и Санкт-Петербурга. Доставку воды в Благовещенск и её реализацию осуществлял торговый дом Котельникова, имеющий для этого свои пароходы и сеть магазинов.

В местных газетах («Эхо», «Амурский край») периодически печатались рекламные материалы об Игнашинской минеральной воде и курорте. Так, в 1910 г., в газете «Эхо» (9 октября, №613) размещается следующее объявление: «Получена и поступила в продажу натуральная минеральная вода ИГНАШИНКА. Склады воды: угол Набережной и Мастерской, дом Котельниковых и в магазине Котельниковых, рядом с магазином гг. Людерс и Юргенс, тел. №№10–66».

В последующие годы наследники И. А. Котельникова вплотную занялись реорганизацией Игнашинского курорта, подбором кадров, облагораживанием прилегающей территории. Весной 1909 г. в газете «Амурский край» (27 апреля, №89) была опубликована большая статья «Игнашинские минеральные воды». В ней впервые для читателей приводил-

Свидетели истории. Укупорочная установка Котельниковых. 2014 г.

ся полный отчёт Санкт-Петербургского фармацевтического общества об исследовании воды Игнашинского источника, её химическом составе, подробно рассказывалось об условиях размещения больных на курорте, стоимости пребывания, рекомендуемых для лечения заболеваний, комплексе предоставляемых услуг (содержание статьи заслуживает того, чтобы привести значительную часть из него):

«С весны сего года на Игнашинских минеральных ключах открывается лечебный курорт. По определению врачей Игнашинские минеральные воды по своим свойствам полезны для больных: желудочными болезнями (особенно хроническим катаром желудка) малокровием, мышечным ревматизмом, цингой и при страдании почек.

Пользоваться Игнашинскими минеральными водами возможно в течение всего года, но собственно *лечебный* сезон продолжается с 1 мая по 1 октября и делится на три периода: с 1 мая по 15 июня, с 16 июня по 1 августа и с 1 августа по 1 октября.

Пользование ваннами производится под непосредственным наблюдением курортного врача. Вновь построен большой корпус для *тёплых* ванн. Кроме ванн из минеральной воды можно пользоваться *грязевыми* и *хвойными*.

В текущем же году предполагается устройство *солнечных* ванн. Тёплые и горячие ванны из минеральной воды в здании ванн стоят по 50 коп. за каждый раз с лица. Солнечные, хвойные и грязевые ванны за особую плату.

Для помещения больных прибывающих на Игнашинские воды имеются большие здания, с отдельными номерами. В одном корпусе имеется общая столовая. На обед можно требовать и к себе в номер. Кроме общего корпуса с номерами имеются отдельные флигеля-особняки. Жилые помещения на курорте построены на возвышенном сухом месте и окружены хвойным лесом. Плата за номера определена от 40 коп. до 1 руб. 20 коп. за сутки. Отдельные флигеля в 3 комнаты с дровами сдаются по 3 руб. в сутки. При условии сезонной аренды допускается скидка. Для *казаков* и их семейств отводится определенное обусловленное число мест в специальном помещении.

Стол посетители могут получать по желанию или готовый, или покупать провизию в лавке курорта по недорогой таксе. Полное суточное довольствие за общим столом (обед из трех блюд, ужин из 1 блюда и 2 раза чай или кофе) стоит 1 руб. 75 коп. в сутки; за подачу обеда во флигеля и номера взимается дополнительно по 25 коп. с персоны в сутки. С *детей* моложе десяти лет плата за довольствие взимается в половинном размере. За отдельные порции, требуемые из буфета, взимается плата по таксе, но не выше 75 коп. Все предметы первой необходимости (хлеб, мясо, чай, сахар, молоко, яйца, консервы и пр.) посетители могут получать из курортной лавки за недорогую плату. За подачу самовара в номер или особый флигель взимается 20 коп. Плата за помещение и содержание вносится посетителями вперёд за неделю.

Местность на водах представляет огромный (около 600 десятин) хвойный парк, расположенный на высоком месте, отличается здоровым лесным воздухом. К концу июня созревает земляника; в июле чёрная, красная и белая смородина, моховка, голубица, черёмуха, княженика и жимолость. В лесу вблизи парка хорошая охота на козуль и сохатых; в речке водится рыба (между прочим, хариусы); берега удобны для ужения рыбы.

Для прибывающих посетителей в станице Игнашино имеется *особая квартира*, где имеются лошади курорта, на которых можно доехать до курорта за 1 руб. 50 коп. с персоны с багажом до двух пудов. Но не возбраняется желающим нанимать и вольных лошадей. Для поездки из курорта в Игнашино имеются и лошади, и экипажи на самом курорте. В квартире курорта в ст. Игнашино можно получить самовар за особую плату.

Дорога между курортом и ст. Игнашино пролегает по хвойному лесу и содержится в полной исправности: любители могут ездить на своих велосипедах и автомобилях. Для бесплатного пользования посетителей на курорте будут выписываться газеты и журналы.

Игнашинские воды по своим *лечебным* свойствам не только не хуже Европейских и заграничных аналогичных вод (щелочно-содисто-железистых), а, наоборот, в некотором отношении составом превосходят их. Между тем поездки на далёкие воды сопряжены и с крупными расходами и потерей времени. Во всех этих отношениях Игнашинские воды доступны для *небогатых* больных».

Как сообщает статья, о желании пройти курс лечения, занять номера или отдельные домики, получить разные справки можно было обратившись к распорядителю дел и заведывающему курортом Н. П. Токареву, или непосредственно в станицу Игнашино (минеральные воды), или в Благовещенск к комиссионеру А. П. Синцову (осуществлявшему посреднические операции по привлечению клиентов на курорт). Александр Петрович Синцов принимал посетителей в конторе Российского Общества страхования и транспортирования кладей, расположенной на Набережной р. Амура (между ул. Благовещенской и Мастерской), рядом с усадьбой Котельниковых.

Весной 1910 г. в той же газете «Амурский край» (23.03, №58; 06.04, №69) информация об открытии бальнеологического курорта была дана уже в сокращенном виде:

«Опека и наследники И. А. Котельникова взяв в аренду Игнашинские минеральные воды открывают сезон с начала мая сего 1910 года.

На курорте имеются оборудованные помещения приблизительно на сто человек. В настоящее время уже поступают заявления об отводе квартир, поэтому желающие посетить Игнашинский курорт благоволят заявить заблаговременно, дабы не остаться без квартир.

На курорте можно пользоваться ваннами: минеральными, грязевыми и хвойными. На курорте будет хорошо оборудованная кухня.

За справками и с заявлениями обращаться в контору опеки И. А. Котельникова, угол Набережной и Мастерской, телефон №10».

Объявление, размещённое двумя месяцами позже в газете «Эхо» (1910, 30.05., №483) от имени Торгового Дома «Наследники И.А. Котельникова», уточняет отдельные моменты о работе курорта, в частности: он открывается с 20 мая, хорошо оборудованная кухня всегда имеет запасы продуктов, мяса, молока, яиц и пр., на курорте работает доктор.

В начале 1910-х гг. Игнашинский бальнеологический курорт уже был хорошо известен

жителям Благовещенска и Амурской области, как место оздоровления и лечения определенных заболеваний, и в широкой разъяснительной рекламе не нуждался. 27 апреля 1912 г. на страницах газеты «Эхо» размещается лаконичное объявление об открытии нового курортного сезона:

«С 15 мая с.г. открывается Игнашинский минеральный курорт. На курорте имеются: квартиры от 16 руб. и отдельные дома (плата по соглашению), буфет, ванны обыкновенные и хвойные; на курорте находится доктор. За справками просят обращаться в контору Т.Д. «Н-ки И. А. Котельникова», угол Набережной и Мастерской, телеф. №10»

Забываясь о своей деловой репутации, видя растущую популярность курорта, наследники И. А. Котельникова в 1914 г. разместили информацию о нём не только в газетах, но и в большом рекламном издании – «Амурский торгово-промышленный адрес-календарь»: «С 15 мая открывается Игнашинский минеральный курорт содисто-железистый источник».

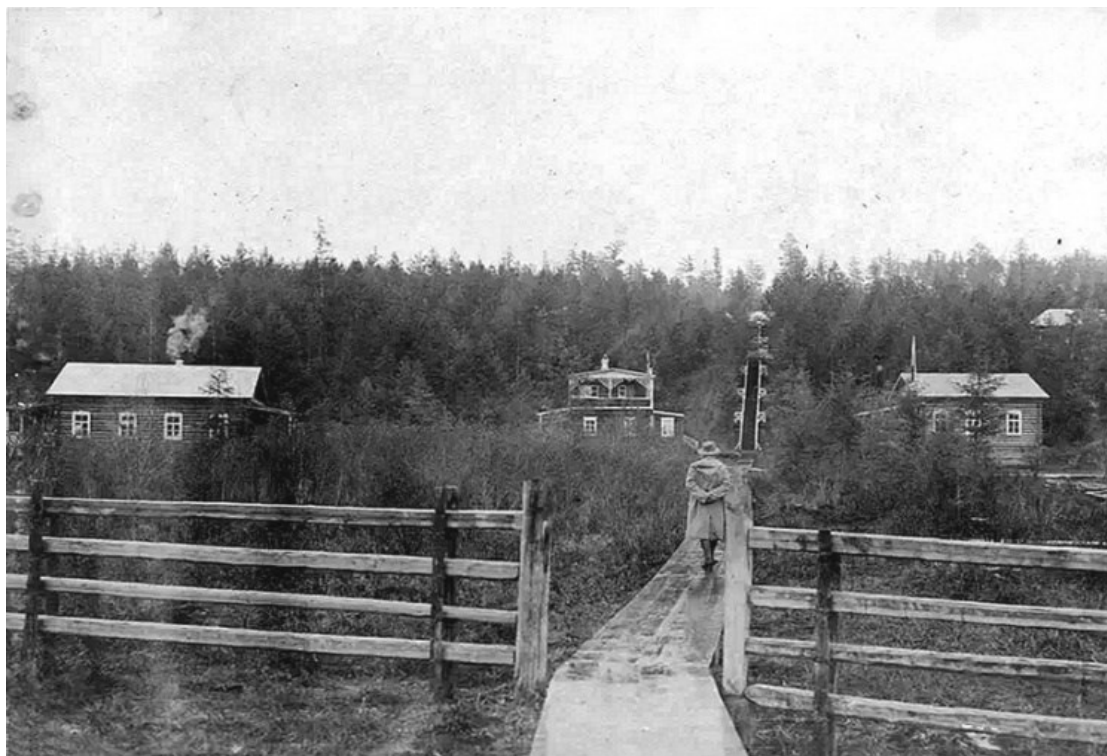
Курорт находится в 8 верстах от ст. Игнашино на Амуре и от ст. Ерофей Павлович Амурской ж.д. 68 вёрст трактом.

Болезни: болезнь почек, катар желудка, малокровие, ревматизм, цинга и т.п. *Ванны:* минеральные и минерально-хвойные. *Помещения:* от 15 руб. в месяц. *Полное содержание:* для взрослых 50 руб. и для детей 14 лет 25 руб. в месяц. На курорт приглашён врач.

За более подробными сведениями и для записи на помещения просят обращаться в контору ТД «Наследники И. А. Котельникова». Набережная ул., собственный дом. Телефон №10».

Ничто не предвещало социальной катастрофы, жизнь шла своим чередом, впереди было привычное лето для отдыха.... А через несколько месяцев началась Первая мировая война, затем Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, резко изменившие судьбу и имущественное положение наследников Иннокентия Александровича Котельникова. Сыновья Александр, Алексей, Владимир были призваны на военную службу, воевали на разных фронтах. Александр и Василий стали участниками вооружённого конфликта в Благовещенске весной 1918 г. Алексей и Александр в 1920-х эмигрировали в Китай, Василий и Владимир остались в советской России, были арестованы, приговорены к высшей мере наказания [14].

Отлаженное курортное хозяйство Котельниковых в годы лихолетья осталось бесхозным, инфраструктура лечебницы частично претерпела разрушение. Следует, тем не ме-

Игнашинские минеральные воды. 2014 г.

нее, отметить, что советская власть Приамурья практически сразу обратила внимание на поиски оптимальных способов управления и финансирования имеющихся здравниц, включая и Игнашинский минеральный курорт. Так, в 1919 году на областном съезде медицинских работников были установлены показания для лечения пациентов водами Игнашинского источника: «...малокровие, заболевания желудочно-кишечного тракта, мочевого песка, мочевых камней, желчных камней, нервных болезней, почечных болезней, компрессированных пороков сердца, катаров мочевого пузыря и некоторых других». По мнению участников съезда, здесь также можно было нормализовать обмен веществ и улучшить систему кровообращения. [15].

В 1920 г. известный приамурский врач-инфекционист, промышленный гигиенист Андрей Иннокентьевич Блюм обстоятельно обследовал Игнашинский минеральный источник, и вскоре там вновь заработал сезонный санаторий на 300 мест.

Газета «Амурская правда» 11 июня 1920 г. на первой полосе опубликовала следующее объявление:

«От Заведывающего Отделом Здравоохранения Амурской области.

Объявляется во всеобщее сведение, что Игнашинский минеральный источник открывается 18-го сего июня.

Желающие пользоваться лечением на курорте обращаются за разрешением в Отдел

Здравоохранения (угол Большой и Чигиринской) с 8 до 2 часов ежедневно, кроме праздников. Лица, не имеющие разрешения, на курорт не допускаются. Условия на курорте: ванны отпускаются по 100 руб. каждая. Номера квартирные от 800 до 2500 руб. в месяц с добавлением за пользование дровами и водой по 200 руб. с человека в месяц. Плата за ванны, квартиры, воду и дрова может быть повышена в зависимости от рыночных цен.

Имеется частный безконтрактный ресторан. Прислуга будет наниматься на месте в ст. Игнашиной при наличии там желающих, возможно в этом встретится затруднение, о чём и ставится в известность настоящим объявлением. Медицинский персонал имеется. Лечебный сезон считать до 1 сентября ст.ст. Источник содисто-железистый.

Заведывающий Отделом Здравоохранения В. Гейер.

Секретарь А. Калипуца» [16].

После вхождения Дальневосточной республики в состав РСФСР (конец 1922 г.) все курорты и лечебные местности были национализированы. Игнашинский минеральный курорт, как и другие здравницы, стал хозяйствующим субъектом, осуществлял не только лечебную, но и оздоровительную деятельность на прилегающей к нему местности.

Газета «Амурская правда» 1 сентября 1925 года опубликовала критическую статью «Каким беднякам пользуются на Игнашинском курорте лечением за счет Губисполкома». Ав-

тор статьи, под псевдонимом «Куранты», рассказывает, как направлялись на курорт сельские жители:

«В нынешнем году было предоставлено несколько мест для бедных крестьян на курорте Игнашино за счет ГИКа. Таких крестьян можно встретить порядочно здесь, но только не бедных, а зажиточных, могущих лечиться за свой счёт. Например, гражд. Волкова и Кремешная из дер. В.-Полтавки Тамбовской волости, были командированы на Игнашинку за счет ГИКа, как бедные крестьяне, а в результате они имеют хорошие дома и другие надворные под железом постройки, лошадей, по два плуга ходит (Кремешный). И сам Кремешный заведывает винлавкою, получая приблизительно руб. 50 в мес.

Не хуже живет и Волкова, а сельсовет, командируя их, должно быть, не знал, где и как они живут. А они люди не маленькие, можно было-бы увидеть и без очков, т.к. Кремешный платил налоги в 24–25 г. около 1000 руб., а Волкова 700 руб.

Вот какие бедняки крестьяне отправляются на курорты, а бедных беспомощных калек, не имеющих средств, остались десятки и даже сотни. Не мешало бы ГИКу обратить внимание на В.-Полтавский сельсовет, а с Кремешной и Волковой потребовать за сезонное лечение определенную плату, т.к. взять есть из чего».

Минеральная вода «Игнашинка» в середине 1920-х годов по-прежнему продолжала поступать в Благовещенск. 21 сентября 1925 года «Амурская правда» публикует объявление о том, что в магазины торгово-промышленного Т-ва «Преемники И. Я. Чурин и Ко – А. В. Касьянов и Ко» получили обои и минеральную воду «Игнашинка».

По сведениям игнашинского краеведа Андрея Леонидовича Щербакова, во второй половине 1930-х годов на курорте лечились советские летчики, воевавшие с фашистами в Испании. Просуществовал курорт до 1941 г., но после большого пожара прекратил работу. В трудное военное время его не стали восстанавливать, а после – забыли на два десятилетия. Возле источника действовал лесопункт, шла заготовка леса. Продолжал работать и цех по розливу минеральной воды. В целях сохранности при транспортировке использовались бутылки из толстого стекла и большого размера, чем в прежние годы (машины доставляли ящики с водой к пристани, а далее на пароходе в Благовещенск и Сретенск). Укупорочная машина, приобретённая Котельниковыми, исправно трудилась до 1958 года. В 1965 г. железнодорожники построили у источника детский оздоровительный пионерский лагерь, который просуществовал до перестроечных времен. В 1995 г. остатки лагеря разобрали.

Игнашинские минеральные воды. 2017 г.

И сегодня лишь по сохранившимся кое-где бетонным сваям, остаткам фундаментов да ямам можно угадать, где были постройки здравницы, укупорочного заводика и пионерского лагеря. Местные жители из источника сейчас воду почти не берут – она смешалась с ключевыми водами и сильно разбавлена. Для возобновления Игнашинского источника минеральной воды требуется провести большие работы, обеспечить серьёзное финансирование. В настоящее время источник действует стихийно, люди приезжают индивидуально или небольшими группами [17].

Краткое описание памятника природы «Игнашинский минеральный источник»

Справочно: Игнашинский минеральный источник является памятником природы регионального значения.

Основной выход минеральных вод кооптирован деревянным колодцем под навесом. Размер колодца 3,5 х 2,0 м, глубина 0,5–0,6 м. Дебит источника изменяется по сезонам года и равен в сутки по самоизливу, температура воды +0,6 по Цельсию. На дне колодца наблюдается много норкообразных отверстий, из которых поднимаются пузырьки углекислого газа. Воды источника в настоящее время ши-

роко используются местным населением, как для питьевых целей, так и для приема ванн.

Воды источников гидрокарбонатные кальциево-магниевые с минерализацией 2,2 г/л. Содержание кремнекислоты составляет 32,5 мг/л. Результаты химического анализа минеральных вод источников, проведенные Томским институтом курортологии, лабораторией гидрогеологии ДВИНСа и Амурской экспедиции, подтверждают гидрокарбонатный кальциевый состав вод и минерализацию 1,2–1,5 г/л. Концентрация углекислоты в летние месяцы достигает 1485 мг/л и снижается до 264 мг/л в осенний период. Общая жесткость также колеблется от 2,5 до 24 мг-эка/л, в водах присутствует железо.

В соответствии с ГОСТом 13273-88 по общей минерализации, содержанию биологически активного элемента (CO₂) и химическому составу вода может быть отнесена к минеральным лечебно-столовым Шмаковского типа.

Вода Игнашинского источника может быть использована как для внутреннего, так и для наружного применения: при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, мочевыводящих путей, системы кровообращения, нервной системы, нарушения обмена веществ [18].

ПРИМЕЧАНИЕ

В статье использованы материалы следующих печатных изданий: «Приамурские ведомости» (1894), «Амурская газета» (1898), «Амурский край» (1909–1910), «Эхо» (1910, 1912), «Амурский торгово-промышленный адрес-календарь» (1914), «Амурская правда» (1920, 1925).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев, А. П. Забайкальские казаки : [в 3 т.]. Т.1 / А. П. Васильев. – Благовещенск : АО «Амурская ярмарка», 2007 – С. 196–198; Словарь географических названий Амурской области. Населенные пункты / [Е. Л. Калинина и др.]. – Благовещенск : Издательство БГПУ, 2016. – С. 59.
2. Васильев, А. П. Забайкальские казаки : [в 3 т.]. Т.3 / А. П. Васильев. – Благовещенск : АО «Амурская ярмарка», 2007. – С. 111–112, 147; Кириллов, А. В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / А. В. Кириллов. – Благовещенск, 1894. – С. 162; Амурские казаки : материалы, документы, свидетельства, воспоминания : [в 2 т.]. Т.1 - Благовещенск-на-Амуре : АО «Амурская ярмарка», 2008. – С. 110.
3. ГААО. Ф. И-10.Оп. 1. Д. 2. Л. 67.
4. ГААО. Ф. И-10.Оп. 1. Д. 2. Л. 55, 88–89об., 97.
5. ГААО. Ф. И-10.Оп. 1. Д. 2. Л. 73, 76.
6. ГААО. Ф. И-10.Оп. 1. Д. 2. Л. 63, 64–64об.
7. Сизых, Т. П. Роль Общества врачей в становлении сибирской бальнеологии / Т. П. Сизых. – Текст : электронный // Сибирский медицинский журнал. Т. 54. Вып. 5. – 2005. – С. 88–93. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-obschestva-vrachey-vstanovlenii-sibirskoy-balneologii>
8. ГААО. Ф. И-10.Оп. 1. Д. 2. Л. 17–17об.
9. Обзор Амурской области за 1885 год. – Благовещенск, 1885. – С. 33.
10. Обзор Амурской области за 1890 год. – Благовещенск, 1891. – С. 16.

11. Обзор Амурской области за 1892 год. – Благовещенск, 1893. – С. 44.
12. Кириллов, А. В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / А. В. Кириллов. – Благовещенск, 1894. – С. 162–163.
13. Чернов, В. А. История становления гостиничного дела на Востоке Российской империи / В. А. Чернов. – Хабаровск, 2012. – С. 95–96.
14. Емельянов, С. В. Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века / С. В. Емельянов. – Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2019. – С. 232–233.
15. Протоколы VIII съезда трудящихся Амурской области. – Благовещенск, 1920. – С. 282.
16. Материал из газеты «Амурская правда» предоставлен амурским коллекционером Е. Литусом.
17. Село Игнашино // Амурская правда». – 2007. – 17 августа (№150). – URL:https://ampravda.ru/2020/02/19/094052/html;geoamur.pф/sources/d_28_16/district16x=05.php; URL: <https://www.nbcrs.org/regions/amurskaya-oblast/prirodno-lechebnye-resursy>
18. Положение о памятнике природы регионального значения «Игнашинский минеральный источник» : Постановление Правительства Амурской области от 18 октября 2016 г. №454. – Приложение №14.

О. Л. ОЛЕЙНИКОВА,
отличник народного просвещения РСФСР,
краевед

Ключевые слова: народная школа, летняя детская колония-дача, внешкольное образование, смена, экскурсия, рекреационные учреждения, благотворительная деятельность, скаутские молодёжные организации, туризм, новый быт, коммуна, коллективное воспитание.

В статье излагается краткая история создания летних детских колоний и оздоровительных экскурсий для детей из малообеспеченных семей, дается их характеристика. Хронологические рамки исследования – конец XIX, 20-е гг. XX в. В этот процесс были включены дети всех сословий. Особую актуальность приобретает изучение исторического наследия, теории и практики зарождения и становления оздоровительной работы с учащимися, роль народных школ в становлении системы детского отдыха в России, и в Амурской области, в частности. Этот исторический период характеризуется активным утверждением социальной концепции единения народа под идеей российской государственности. Описан опыт первой летней детской колонии-дачи в Амурской области, рассматривается структура и социальный состав, а также опыт организации коммуны в городе Благовещенске.

ИСТОКИ ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ И ЭКСКУРСИОННОЙ РАБОТЫ С УЧАЩИМИСЯ. ПЕРВАЯ ДЕТСКАЯ КОЛОНИЯ-ДАЧА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Путешествие – школа жизни

Чтобы определить точку отсчета, с которой начался детский оздоровительный отдых и туризм, необходимо совершить хотя бы небольшой экскурс в его историческое прошлое. Ещё в конце XVII–начале XVIII вв. в Европе при изучении предметов, в первую очередь, естественнонаучного цикла, учителя стали использовать поездки и прогулки по окрестностям. Так возникло понятие экскурсии, то есть простейшей формы путешествия. Учащимся школ нового типа – коллегий, раз в неделю предоставлялся один рекреационный (свободный) день, который, в основном, использовался для прогулок и походов с познавательными и оздоровительными целями [1]. Разрабатывая программу общедоступных средних школ для Чешского королевства, Я. А. Коменский предлагал «в конце обучения два или три года оставлять для путешествий» [2].

Влияние идей просвещения в Европе вдохновили императрицу Екатерину II организовать «Комиссию об училищах

и призрения требующих», в результате работы которых появились проекты создания нижних городских и нижних деревенских училищ, средних училищ и училищ для иноверцев [3]. Народные школы в России XVIII века никогда не считались входящими в государственную систему образования. В энциклопедическом словаре А. М. Прохорова дается следующее определение народных школ: «Народные школы с 1864 г. – общее название всех школ для низших слоёв населения: народных сельских школ, народных училищ и главных народных училищ» [4].

Идея народного просветительства строилась на основе серьёзных педагогических теорий, учитывающих самобытность и традиции русского народа [5]. В. Н. Сорока-Росинский считал, что «...главная проблема народного образования – это социальный разрыв между простым народом и социальной верхушкой, и как следствие, сложности в организации целостной системы образования» [6]. Применимость практических знаний – это был своего

рода социальный заказ в условиях формирующегося индустриально-буржуазного общества. Подобные идеи пробивали в России себе дорогу непросто, что, безусловно, связано с условиями её исторического развития в XIX веке.

К. Д. Ушинский так записал в своём юношеском дневнике: «Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое воспитательное влияние на развитие молодой души, с которыми трудно соперничать влиянию педагога, что день, проведённый ребёнком среди рощ и полей, стоит многих недель, проведённых на учебной скамье» [7].

Вопрос о народной школе в постановке Ушинского предполагал построение народной школы в России (работа «О народности в общественном воспитании»). Каждый народ, утверждал Ушинский, имеет свой особый идеал человека, который он осуществляет в своей национальной системе воспитания. Русские педагоги должны идти не по пути подражания чужим системам воспитания, они должны стремиться, постичь характер и дух своего народа. Воспитание – есть действие, посредством которого одно поколение готовит следующее за ним к деятельности в истории народа [8]. Итак, в Российской империи второй половины XIX–начала XX в. возникает потребность в организации новой системы народного образования и введения общего обучения. С этой целью создаются начальные низшие и высшие народные школы и училища.

Основы внешкольной работы или дополнительного образования в России были заложены в конце XIX–начале XX в. В 1905 г. в Щелково на левом берегу Клязьмы был открыт первый в России летний детский лагерь-коммуна для детей рабочих под руководством выдающегося российского педагога С. Т. Шацкого (1878–1934) и архитектора А. У. Зеленко (1871–1953). Впервые в жизнь проводились идеи трудового воспитания, детского самоуправления и удовлетворения интересов детей.

До 1917 г. в России существовали различные клубы, кружки, детские колонии, в опыте которых закладывались гуманистические идеи, ставшие базовыми для существования системы дополнительного образования. Туризм и краеведение были важными компонентами этой работы. Началом педагогических колоний принято считать 1876 г., когда швейцарский пастор Герман Вальтер Бион (1830–1909) открыл первый аналог современного детского лагеря, основной целью которого было физическое и духовное воспитание детей, а библия послужила отличной базой для их морального и интеллектуального развития. Дети улучшали

своё здоровье под надзором педагогов. В 1882 г. появляется городской вариант летней колонии, так называемые, «молочные станции». В городских колониях, которые располагались на детских площадках, педагоги проводили игры с детьми и раздавали хлеб с молоком. Вальтер Бион настаивал на том, чтобы привлечь как можно больше детей и их родителей к общему делу. Жизнь такой колонии носила семейный характер, и в основу быта был положен принцип труда» [9, 10, 11].

Одна из составных частей организации жизни детской колонии – это экскурсии и путешествия, истоки которых восходят к деятельности русского Туринг-клуба – союза велосипедистов-туристов в России (апрель 1895 г.). Представители Общества велосипедистов-туристов были назначены в 24 городах России. К 1900 г. было утверждено 14 комитетов Общества в России, открыты представительства в 135 русских городах, в том числе и в Благовещенске (1901 г.).

Общество проводило различные экскурсии, прогулки и путешествия с образовательными и оздоровительными целями для учащихся городских школ и училищ, на пароходах по Амуру: в Солдатскую падь и в Кумарскую станицу; по реке Зeya – в Зeya-Пристань, в Хабаровск и во Владивосток. Очень популярными были прогулки вверх по реке Зeya, на зимку Петра Александровича Биршера, потомственного дворянина, владельца золотых приисков, благотворителя.

При Ломоносовском училище, находившемся на окраине Благовещенска, была открыта детская площадка. В программу таких площадок входили подвижные игры, танцы, гимнастические упражнения, изучение азбуки, вышивание, рисование.

Особенно интересен тот факт, что представительство общества туристов в Благовещенске организовало на свои средства для учащихся городских начальных школ поездку с образовательно-оздоровительными целями во Владивосток через Хабаровск. Отправление из Благовещенска состоялось 31 мая 1902 г. на почтовом пароходе «Джон Коккериль».

Заслугой Общества туристов являлась большая воспитательная работа с учениками городских школ. Для учащихся городских, народных и частных школ Министерства народного просвещения на правый маньчжурский берег Амура 11 мая 1906 г. была проведена экскурсия в рощу недалеко от деревни Сахалян. Участники прогулки собрались к 8 часам утра на бульваре у Ольгинской школы. Каждый учащийся захватил с собой кружку для чая, провизию на 10 человек и один чайник. Перед отходом парохода каждая школа построилась

около своего флага рядами по 12 человек. Высадка была произведена в Сахалине. В ходе поездки детям предложен был чай, конфеты, разнообразные игры. Затем состоялся отъезд вниз по Амуру до Зейского переката и обратно к пристани. Все это было проведено под наблюдением опытных преподавателей.

Уже в 1903 г. председателем Благовещенского комитета Российского общества туристов был назначен И. Г. Койо, выходец из Финляндии (проживал в городе Благовещенске по адресу: ул. Муравьевская, квартира 89). С 1903 г. он был организатором первых ученических экскурсий. Комитет поставил перед собой благородную цель: изучить свою родину. Он занимался организацией загородных велосипедных прогулок и поездок, в том числе, и с учащимися, составлением маршрутных карт, путеводителей, устраивал туристические прогулки для учащихся на пароходах по рекам Зея и Амур [12].

Газета «Благовещенское утро» (1914 г.) сообщала, что «Амурское общество спорта, туризма и военной подготовки» совместно с родительским комитетом Благовещенского реального училища устроит в Саду туристов большое гуляние, а все вырученные деньги (сбор с него) пойдут в пользу деткой колонии Благовещенского реального училища и коло-

*Учащиеся Алексеевской женской гимназии
на туристической прогулке.
Окрестности Благовещенска, 1913 г.*

нии Общества. В программу дня входили различные спортивные игры и упражнения.

В 1909–1911 гг. в Благовещенске была известна площадка А. Н. Шарыгиной. Дети много времени проводили на свежем воздухе, играли в подвижные игры. Спортивные развлечения на площадке, начиная с 1911 г., стали проходить в усадьбе Амурского стрелково-охотничьего общества, где были оборудованы гимнастические снаряды.

В 1911 г. состоялась вторая ученическая экскурсия, устроенная благовещенским отделением Общества туристов. 48 мальчиков и девочек посетили город Владивосток, где имели возможность ознакомиться с железной дорогой, морем, портовым городом. В городе Благовещенске была создана Комиссия образовательных экскурсий. В одном из первых пунктов правил в организации путешествий указывалось, что «в число экскурсантов принимаются лица, не обладающие достаточными материальными средствами». Преимущество здесь отдавалось учащимся народных школ, учителям и служащим, работающим в общественных городских управах и других учреждениях. По возвращении руководитель в течение одного дня сдавал остаток неизрасходованных средств и денежный отчет со всеми относящимися к нему документами.

Учителя начальных, сельских и городских училищ в российских губерниях пользовались правом проезда по льготной цене. Существовала особая скидка для народных учителей, направляемых в поездку городскими самоуправлениями. Необходимость создания летних детских колоний как одного из видов внешкольного образования ясно осознавали передовые педагоги дореволюционной России. Термин «детская колония» постоянно использовался в отечественной педагогике в дореволюционный период. Помещения для таких колоний предоставлялись городскими управами, школами или частными лицами бесплатно, что зафиксировано в Отчёте о деятельности исполнительной комиссии по устройству городских летних детских колоний за 1913 и 1914 гг. Условия для приёма неимущих были льготными, бедные семьи никакой платы не вносили. Дети привозили с собой только подушку и какое-либо тёплое пальто.

Педагоги школьных колоний приглашали в свои имения или на дачи учеников из бедных семей. Вывозили детей на оздоровление в деревню и городские управы. Часть оздоровительных дач содержалась на средства государства. Умиротворение молодежи или просто удаление её с улиц городов составляли после революции 1905 г. одну из важнейших задач власти. Обычно жизнь детей в таких колониях

начиналась в 7 или 8 часов утра. После общей молитвы пили чай с молоком и хлебом и занимались работами по хозяйству и рукоделию. Перед обедом, который подавался в полдень, происходило купание. После обеда – прогулка в лес за грибами и ягодами, затем опять купание и в 4 часа – чай с молоком и хлебом. Перед ужином, который был в 8 часов, дальние прогулки и в 9 или 10 часов вечера – сон. В ненастную погоду время, посвящённое прогулкам, заменялось лепкой и рисованием. Очень большое значение придавалось оздоровительным процедурам, организации питания и созданию благоприятных условий для детей.

В летних колониях такими процедурами являлись: купание в бане, речке, проведение спортивных занятий. Отличительными чертами таких колоний являлось проведение практических и образовательных занятий, бесед, организация совместной коллективной деятельности. Познавательные экскурсии можно отнести к образовательным программам, цель которых – получение новых знаний и расширение кругозора детей (из Отчёта городского общественного управления за 1913 (1914 г.) комиссии по народному образованию). Устройство летних детских колоний требовало огромных средств, а в бюджете их не было. Масса беспризорных детей оставалась на улице. Для физического и морального оздоровления подрастающего поколения нужно было создать систему частной и государственной благотворительности и совершенно новый институт педагогов-воспитателей, занимавшимся досугом школьников.

Одним из таких направлений являлось создание скаутского движения, уже существовавшего во многих странах Европы и получившего распространение в России. Создание скаутских отрядов, анализ первого опыта их деятельности дали толчок тому, что педагоги и общественность пытались оценить не только их социальную значимость, но и педагогические возможности. Уже в 1917 г. организаторы скаутского движения подошли к мысли о создании общероссийской скаутской организации.

У скаутизма как нового явления в русской жизни своя история, своя судьба. Октябрьский переворот и гражданская война, разделившие страну на непримиримые стороны, сказались и на скаутских организациях. Одни скауты покинули пределы России, другие оставались нейтральными, третьи – «находились под покровительством генералов и активно выступали против большевиков».

Читинская организация скаутов, старейшая во всей Сибири, в 1918 г. насчитывала в своих рядах около 600 человек. Здесь были отряды бой-и гёрл-скаутов, стаи волчат и птенчиков. Старшим другом скаутов Дальневосточ-

ной республики (ДВР) был И. Н. Жуков. Он вёл большую организаторскую работу по созданию новых отрядов, оказывал практическую помощь начинающим, участвовал в выпуске журнала «Забайкальский скаут». В дальнейшем он обратился с предложением о проведении всеобщего Сибирского съезда скаут-мастеров и созданию сибирского руководящего центра, который бы координировал работу скаутских организаций Иркутска, Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Красноярска, Нерчинска, Томска, Омска и других городов.

Большое внимание в воспитании скаутов уделялось походам, экскурсиям, гимнастике и нравственному воспитанию. В скаутские отряды входили учащиеся реальных училищ и гимназий. По данным краеведа С.А. Кашубы, в Хабаровске, например, руководил отрядами скаут-мастер Н. Григорьев. А в Благовещенске, в 1916 г. координатором скаутского движения был учащийся 7-го класса реального училища А. Бобылев, к которому поступала вся переписка скаутов.

В личном архиве Марии Константиновны Лукиной имеются воспоминания и фотографии скаутов начала 20-х гг. прошлого века (п. Моховая падь, 1999). На одной фотографии изображена группа девушек-скаутов, видимо, со своими руководителями, а на другой – группа девочек-подростков из четырёх человек, с гимнастическими палками, которые являлись обязательной принадлежностью скаутов (оба снимка датированы осенью 1922 г.). К этому нужно добавить, что у скаутов была особая форма голубого цвета со знаками различия, пилотки, зелёные галстуки. На обратной стороне этой фотографии сохранилась надпись: «На память Емельяновой от скаутов звена «Чайка, 2 октября 1922 г.». Есть ещё одна фотография, на лицевой стороне которой пять девушек-скаутов и надпись: «Комсостав 1-го отряда», а на обороте: «Лукина М., Ершова С., Львова А., Емельянова Г, Евдокимова Д. 17/IX 1922 г.».

Одна из них – Мария Лукина. Фотографии датированы 1922 г. и сопровождаются надписью: «Вспоминай, Мария, поход в 18 вёрст, день, когда мы ходили на озеро за ирисами, визиты по палаткам». Возможно, эти фотографии каким-то образом принадлежали потомкам Лукиных? Но, кроме реальных фотографий, никаких других свидетельств не сохранилось, а вся информация по ним зашифрована в следственных делах Лукиных, подвергшихся политическим репрессиям.

В отчёте Амурского отдела Русского географического общества за 1912–1913 гг. немалое внимание уделялось учебно-воспитательному строю народных училищ, где немаловажная

Девушки-скауты. Командный состав. Благовещенск, 1922 г.

роль отводилась учебно-воспитательным учреждениям: музеям, библиотекам, а также, организации экскурсий и общеобразовательных прогулок. Особо отмечалось значение внешкольного образования в борьбе с алкоголизмом и хулиганством (с. 10–13). Предусматривалось проведение съезда по школьному и внешкольному образованию в городе Благовещенске.

Коренные изменения в образовательной системе Приамурья были проведены позднее. В 1918 г. состоялся 5-й объединённый съезд крестьян и казаков, на котором была принята резолюция, согласно которой, все существующие типы школ — министерские, церковно-приходские, казачьи — приводились к единому типу — народная школа, провозглашалось введение в области всеобщего обязательного обучения и повсеместное увеличение типа школ [13].

Нужно понимать, что такое явление, как летние детские колонии, были «прорывными не только для России, но и для всего мира». Ранее таких возможностей организованно вывезти детей за город фактически не было в других странах.

В начале XX века в России появляются «лагеря потешных», а затем «лагеря разведчиков», «скаутские лагеря», которые в современной терминологии можно назвать лагерями общественных организаций.

Именно в это время подобные учреждения окончательно заручаются поддержкой государства, что отображается в документах 1-го Всероссийского съезда по вопросам народного просвещения от 22 декабря 1913 г. Многие

формы и методы летних детских колоний стали использоваться позже советской системой пионерских лагерей. Это организация кружков «по интересам», проведение познавательных бесед, проведение походов, постановки по литературным произведениям. То, что как раз и развивает личностные качества, формирует компетенции, помогая детям реализовать свои способности. Всё это было представлено в российских летних детских колониях начала XX века. Таким образом, детское движение было замечено государством, поддержано российским императором, военными ведомствами, органами образования. В Российской империи достаточно высоко была развита сфера социальной поддержки малоимущих, благотворительность. Деятельность Российских рекреационных летних детских учреждений была прекращена после 2-го съезда РКСМ в 1919 г., решением которого были запрещены не только летние детские колонии, но и другие детские рекреационные учреждения, скаутские молодежные организации и благотворительная деятельность. Позднее они появились в другом качестве, в советском виде, которые советская историография выдавала, как новшество.

В этой связи интересен опыт организации детской коммуны в городе Благовещенске в 1924 г. на базе общежития редакции газеты «Амурская правда». В то время редакция газеты издавала ежемесячный иллюстрированный журнал «На отдыхе» (№1, 1924 г.). На его страницах к советскому Дню печати появился фоторепортаж о том, как живёт газета «Амурская правда» и как на

Коллектив редакции-коммуны газеты «Амурская правда» (родители и их дети)

деле она воспитывает в своих сотрудниках любовь к новому быту. Дети сотрудников редакции жили в режиме коммуны – коллективного воспитания. В то время редакция газеты из небольшого деревянного дома по улице Комсомольской переехала в одно из лучших зданий в самом центре города – здания фирмы «Кунст и Альберс». Внизу находилась типография, место для редакционных кабинетов, жилых комнат, в них поселились сотрудники редакции и типографии вместе с семьями. Дети постарше были объединены в пионерский отряд, а малышей ласково называли пескарями – мелкой рыбёшкой. Пионеры шефствовали над «пескарями»; готовили себе будущую смену, разучивали с ними стихи и песни, готовились к революционным праздникам, устраивали детские заседания [14].

В советский период историография данной темы не разрабатывалась. Только в конце XX века вновь появились исследования социально-исторического опыта призрания детей в России.

Первая детская летняя колония-дача в Амурской области

Обратимся к истокам становления оздоровительной работы с учащимися в период начала XX века в Амурской области. В дореволюционное время в городе Благовещенске и других населённых пунктах Амурской губернии прогрессивные учителя устраивали экскурсии и путешествия для детей.

Социологические исследования, проведённые тогда немецким социологом Карлом Ланге среди школьников, показали полную оторванность детей от окружающей природы и позволили выявить следующие любопытные данные. Из 500 опрошенных городских детей, посещающих школу, 82% не имели представления о восходе солнца, 37% опрошенных детей никогда не видели поля, засеянного хлебом, 37% – никогда не бывали в лесу, 57% – никогда не бывали ни в одной деревне, 72% детей не могли объяснить, как можно приготовить ржаной хлеб. Передовые педагоги начала века ясно осознавали благотворное влияние экскурсий и путешествий. И здесь были свои энтузиасты.

Свидетельство этому – организованная в 1913 г. первая летняя детская колония-дача в Амурской области для учащихся народных школ [15]. Её идейным вдохновителем и непосредственным организатором и исполнителем была Александра Степановна Токарева (проживала в городе Благовещенске по адресу: ул. Соборная, 79), учительница Благовещенского Некрасовского женского двухклассного училища (1913–1916), которое располагалось на углу улиц Зейской и Буссевской (ныне – Шимановского). Эту школу современники Александры Степановны считали самой лучшей из всех школ, находящихся в съёмных зданиях города. Здание было деревянным, новым, построенным в 1904 г. для религиозных

нужд молокан. Высокое и светлое, оно стояло посередине большого двора на сухом месте [16].

Немногие школы в городе могли тогда похвастаться тем, что совершали с учащимися экскурсии в музеи, поля, заводы. Единогласным было решение группы передовых школьных учителей посвятить летние каникулы продвижению в жизнь выдвинутой идеи о пользе для учащихся летних оздоровительных колоний. Они настаивали на том, чтобы участниками таких первых колоний были ученики именно народных школ. В таких колониях учителя могли выработать у детей хорошие привычки и правила поведения, чтобы стать примером для прочих школьников, создать дисциплину, соответствующую требованиям рациональной педагогики. Значимость внешкольного образования в борьбе с алкоголизмом и хулиганством трудно было переоценить, это ясно понимали школьные учителя.

Задачи летних колоний заключались в том, чтобы предоставить детям города летний отдых в возможно лучших гигиенических условиях, широко используя богатые дары природы. Учреждения эти были полезны для детей, доступны по стоимости очень многим.

Необычайно трудно было Александре Степановне убедить руководство школы и городское начальство в целесообразности своей идеи. Для благовещенской публики идея была слишком новая, и усвоить её она могла не ско-

ро. В самом начале желающих отпустить своих детей в летнее оздоровительное путешествие нашлось немного. На общее собрание не явился даже председатель училищной городской комиссии. Тогда Александре Степановне пришлось обратиться к местному отделу Общества изучения Сибири, которое своё специальное заседание посвятило вопросу об открытии колонии. В организационной работе помогли И. С. Зубакин, П. А. Вржосек, В. П. Петров. В материальной помощи Общество отказало, так как субсидирование средствами подобных учреждений не входило в их задачи. Редакция газеты «Благовещенское утро» предоставила в качестве благотворительной помощи на поездку 50 рублей.

Место для размещения колонии-дачи начали определять заранее: вначале было решено открыть летнюю дачу в деревне Ключики на берегу реки Зей, напротив города Алексеевска (ныне – Свободный), но пароход, на котором должны были отправиться колонисты в путешествие, не имел удобного подхода к пристани. Новым местом для колонии А. С. Токарева выбрала станицу Кумару, известную по красоте окружающей её природы, она же имела и постоянное почтовое сообщение. Инспектор казачьих школ Сергей Петрович Кафка, чиновник Амурского переселенческого управления и правления АКВ (1911–1915), станичный атаман и Общество Кумарское, любезно согласились за небольшую пла-

Пароход у Кумарского утёса. 1910-е гг.

ту предоставить на 2 месяца школьное здание. Все было готово, желающих детей оказалось достаточно. Назначен был и день отъезда – 10 июня 1914 г. Доктор Н. Н. Старокотлицкий исследовал состояние здоровья детей, дал некоторые рекомендации на случай заболеваний детей, обеспечил медикаментами. Предложила свою помощь и согласилась поехать в качестве сотрудницы мать одного из колонистов А. Г. Кулеш.

Амурское Общество пароходства и торговли предоставили бесплатный проезд до с Кумары на почтовом пароходе. Была закуплена свежая провизия а доставлять её каждым почтовым пароходом, согласился Н. П. Токарев.

В день отъезда родители привезли детей заранее на пристань Амурского Общества пароходства и торговли за два часа до отхода, а он отходил в 4. Было и несколько опоздавших родителей, которые доставили детей только после второго свистка. Сдали багаж, пассажиров рассадили по местам. Для знакомства детей рассадили на верхней палубе. Но вот громко заревел третий свисток, и пестрая толпа сопровождающих постепенно покинула верхнюю палубу. Раздались последние прощальные возгласы, замелькали белые платки.

На попечении Александры Степановны оказались 15 девочек и 6 мальчиков в возрасте от 6 до 14 лет. На второй день путешествия установилась чудесная погода, солнце радостно сияло над светлой и тихой рекой. День был прекрасен, и после завтрака состоялось более подробное знакомство всех участников на верхней палубе.

Состав колонистов был неоднороден как по социальному положению, так и по возрастному. Это были дети и состоятельных родителей, обучающихся в средних учебных заведениях, и дети бедняков, сироты, дети поденщиц. Бедные дети очень быстро адаптировались и привыкли к лагерю, дети состоятельных родителей, напротив, ничего не умели делать для себя. И все же в лагере больше всего ценились знания, умение трудиться, ловкость. Александра Степановна Токарева отмечала: «Бороться надо не с увлечениями, а с легкомыслием молодежи, проистекающим из-за полного незнания своей природы и безволия». Организовывать быт и досуг колонистов помогал старший сын Александры Степановны. Он принимал с младшими солнечные ванны, купался, мыл младших мальчиков в бане, играл на гитаре и скрипке, ведь без музыки в лагере было бы скучно и пусто.

В станице Кумара участников колонии-дачи встретил хуторской атаман, он же и предоставил подводы с лошадьми для переезда багажа и подъезд детей к школе. Школа стояла на самом конце станицы за оврагом на

холме и с трёх сторон была окружена лесом. Рядом находилось станичное правление, оно было соединено со школой одним двором. В нескольких шагах от него была аптечка и квартира фельдшера. Здесь же во дворе размещались колодец, ледник и кладовая.

Школа – просторное, светлое здание, состоящее из двух классных комнат, столовой с откидными столами, кухни, коридора и крытой террасы. Мебели кроме парт и нескольких столов не было. Часть детей помогала кухарке раскупоривать ящики и доставать посуду, провизию. А. Т. Кулеш занялась приготовлением ужина. В одном из классов мальчики устроили импровизированные кровати из парт.

В этот же день участников лагеря посетили поставщики молочных и овощных продуктов. Закуплен был лес, построены деревянные кровати и столики. Обязанности по труду в кухне и столовой распределены были между всеми детьми поровну. Дежурство по спальным комнатам и коридорам тоже осуществляли ребята. По приезду выкопали грядки во дворе и посадили цветы.

Очень понравились ребятам прогулки по лесу и первые непродолжительные солнечные ванны. Обязанностью мальчиков было носить воду, чистить картофель, приводить в порядок ножи и вилки.

«Не должно быть господ и слуг, решили ребята на общем собрании, все должны находиться в равных условиях, самостоятельно стирать себе бельё, а кто не умеет – научиться».

На общих собраниях обсуждались все вопросы внутренней жизни в колонии, хозяйственные и организационные, правила купания, дежурства. Старшие учили младших правилам хорошего тона, они были руководителями и учителями младших. Помогали кухарке готовить пищу, мыть посуду, следить за чистотой помещения, записывать и выдавать провизию. Дежурил каждый колонист по 1 разу в неделю, по три человека в день.

Солнечные ванны, соединенные с купанием, благотворно сказались на ребячем здоровье. Увеличился их рост, вес, дети поправились, стали более ловкими и спокойными. Особенно полюбили ребят пирожки, ватрушки и блины, испеченные в школьной столовой. Первую порцию они называли основной, вторую – «первой добавочной», третью – «второй добавочной». Любимыми занятиями ребят стал сбор ягод и вечерний чай. На туристские прогулки дети брали с собой хлеб, молоко, яйца, устраивали чаепитие в лесу. Обязанностями мальчиков было разводить костёр и кипятить воду; девочек – мыть и убирать посуду. Пока мальчики разводили костёр и грели воду, девочки собирали неподалеку ягоды. Каждая из

девочек считала своим долгом несколько ягод самой крупной земляники отдать мальчикам. Затем расстилали скатерти на траве в тени кудрявых берёз и душистых, разогретых солнцем лиственниц. Девочки расставляли посуду, раскладывали хлеб, масло, лакомства. Дети пили чай, пели под гитару, лазали по деревьям. Играли в лапту, подвижные игры, упражнялись на трапециях, кольцах, прочих гимнастических приспособлениях. Завершали день вечерняя молитва и сон.

Состав колонистов менялся, одни уезжали, другие – приезжали. Без согласия старших детей Александра Степановна никого в лагерь не принимала. Самое большое число детей, проживающих в лагере, было 25 человек; самое малое – 20. Постоянно за весь сезон в лагере отдохнули 20 человек. Очень нравились старшим детям экскурсии на знаменитый Кумарский утёс.

«Мы обязаны дать детям настоящую жизнь во всем её разнообразии, чтобы потом, когда им придётся войти в неё полноправными членами и самим делать жизнь, создавать её, она не являлась бы для них полной неожиданностью», – записала Александра Степановна в своём дневнике.

Отдельно хочется сказать о питании в лагере. Простой и здоровый стол, натуральные продукты, приготовленные с большим желанием, разнообразное меню очень радовали участников летней колонии. Свежая провизия по-

ступала в колонию регулярно почтовыми пароходами. Мясо подавалось один раз в день в виде супа или жареного к обеду и изредка к ужину, и к завтраку – пирожки. Главное меню состояло из молочных, мясных, овощных продуктов, которые разнообразились рыбой, фруктами, ягодами. Творог и сметана самого высокого качества. Молока было достаточно. Обед в будни состоял из двух блюд, а в праздники – из трёх. Ужин формировался из остатков обеда с добавлением одного молочного блюда (вареники, молочная лапша) и овощного (жареный картофель), и обязательно стакан молока или тарелка варенца. По свидетельству доктора Н. Н. Старокотлицкого, у детей улучшился аппетит, они прибавили в весе от 3 до 5 фунтов (от 1 до 3.5 кг), увеличился их рост. Пребывание в лагере самым лучшим образом отразилось на шалунах и трудных для воспитания детях. Работа в лагере, по словам Александры Степановны, вдохнула в учительский труд жизнь и красоту. Практика совместной жизни с детьми многое дает учителю, говорила она. «Обучая детей, мы их и воспитываем, теоретические познания в соприкосновении с практикой получают более глубокий смысл».

Подводя итоги деятельности летней оздоровительной колонии, Токарева приводит сметную стоимость расходов, которую она предоставила для отчёта перед Амурским отделом Общества изучения Сибири и улучшения её быта. Поступило пожертвований – 483 рубля, 50 копеек. Плата за содержание детей – 362 рубля, 50 коп. Продажа продуктов – 856 рублей, 64 коп. Питание детей в среднем на одного колониста – 56 рублей. Всего на питание детей израсходовано 748. 37 руб. Среднее число колонистов в день – 22 человека. Приобретено имущества на сумму 44.6 руб. Имущество хранилось в Кумаре, было сдано под расписку казначею станичного правления. Какими замечательными словами обрываются дневниковые записи Александры Степановны: «Докажите, что вы любите своих детей не слепо и пассивно, а разумно и деятельно, не жалеете для них ни труда, ни времени, ни денег, ведь счастье ваших детей должно быть для вас дороже всего. Здоровье же – физическое и духовное – и есть счастье; оно – и сила, и красота, и успех в жизни».

Выводы

В конце XIX–начале XX века в России фактически сформировались две структуры детского оздоровительного отдыха: государственная, а именно, кадетские лагеря, и общественная – разнообразные колонии, скаутские лагеря, приюты.

Обязательным фактором существования детской колонии должна была являться взаимосвязь самой организации и городской школы.

Задачи летних колоний заключались в том, чтобы предоставить детям летний отдых в возможно лучших гигиенических условиях, широко используя богатые дары природы.

Учреждения – летние детские колонии-дачи были полезны для детей и доступны по стоимости очень многим. Требования к учебно-воспитательным программам народных школ города Благовещенска во второй половине XIX – начала XX столетия находились в тесной взаимосвязи с социально-политическими требованиями

времени и реализовывались передовыми учителями как стратегия и тактика педагогической деятельности с учётом потенциала детей, их интересов, психофизического здоровья и социального заказа того времени.

Учителя Амурской области не стояли в стороне от передового педагогического движения России, а скорее, наоборот, обогатили ценный педагогический опыт в оздоровительной работе с детьми в период летних каникул, заботились о воспитании будущих поколений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Всеобщая история физической культуры и спорта / перевод с венгерского, под общей редакцией В. В. Столбова. – Москва : Радуга, 1982. – С. 119.
2. Коменский, Я. А.. Краткое предложение о восстановлении школ в Чешском королевстве / Избранные педагогические сочинения, Т 2 / Я. А. Коменский – Москва : Педагогика, 1982. – С. 196.
3. Брикнер, А. История Екатерины II / А. Брикнер. – Санкт-Петербург, 1885. – С. 72–97.
4. Прохоров, А. М., Советский энциклопедический словарь / А. М. Прохоров. – Москва, 1985. – С. 860.
5. Волик, Е. А. Развитие народных школ России на рубеже XVIII-XIX столетий / Е. А. Волик // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-narodnyh-shkol-rossii-na-rubezhe-xviii-xix-stoletiy> (дата обращения: 20.07.2022).
6. Сорока-Росинский, В. Н. Путь русской национальной школы / В. Н. Сорока-Росинский // Русская школа. – 1916. – № 9. – С. 28.
7. Григорьев, В. В. Исторический очерк русской школы / В. В. Григорьев. – Москва, 1900. – С. 479.
8. Ушинский, К. Д. Собрание сочинений. Т.11 / К. Д. Ушинский. – Москва, 1952. – С. 52–53.
9. Ушинский, К. Д. Собрание сочинений / К. Д. Ушинский. – Москва – Ленинград, 1948. – С. 72–169.
10. Шенгелидзе, В. В. Школьные летние колонии во Франции. – б.м. и б.г. – 48 с.
11. О школьных вакационных колониях в Москве // РГИА. Ф. 733, Оп. 195, Д.700. 32 л.;
12. Михайлов, Н. Ф. Устройство летних вакационных колоний и их влияние на детей / Н. Ф. Михайлов. – Москва : Типо-литография В. Рихтер, 1896. – 21 с.
13. Протокол заседаний объединенного 5 съезда крестьян и казаков Амурской области 1918 г. – С. 5 // ГААО.
14. На отдыхе. – 1924. – № 1 // Амурский областной краеведческий музей имени Г. С. Новикова-Даурского.
15. Токарева, А. С. Первая летняя детская колония-дача в Амурской области / А. С. Токарева. – Благовещенск : типография Товарищества «Эхо». – 1914.
16. Очерки начального образования в Амурской области. – Благовещенск, 1911. – 40 с.; Матвеев, С. Начальное образование в г. Благовещенске. Доклад, прочитанный на публичном заседании Амурского Отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта 9 марта 1914 года, 5 отдел. – Благовещенская электро-типография Войскового правления Амурского казачьего войска, 1914. – С. 39; Отчёт о деятельности Амурского Отдела Общества изучения Сибири и улучшения её быта за 1912 год. – Благовещенск : Типография «Амурский край», 1913. – 40 с.

В. П. КОБЗАРЬ,
член Союза журналистов России,
председатель Амурской организации
Союза российских писателей, краевед

Ключевые слова: Благовещенск, Школа народного экскурсовода, экскурсии, краеведение.

В статье рассказано об активных краоведах Благовещенска, которых объединила «Школа народного экскурсовода». Получив поддержку городской администрации, действующие и начинающие экскурсоводы разрабатывают авторские маршруты, создают уникальные описания отдельных кварталов города, апробируют оригинальные приёмы проведения экскурсий, вовлекают всё новых горожан в занятие краеведением. Благовещенская «Школа народных экскурсоводов» вошла в пятёрку лучших практик России.

ПЕШКОМ ПО ГОРОДУ.

О деятельности благовещенской «Школы народного экскурсовода»

Благовещенск – город удивительный по разным параметрам. В последние годы еще одной его особенностью стало громадное количество общественных инициатив, уникальных в масштабах России. Это, например, клуб любителей плавания в холодной воде «Акваспорт», движение любителей бега «Бег к мечте», клуб пенсионеров «Танцы для здоровья», «Школа народного экскурсовода». Подробнее расскажу о последней.

По профессии я журналист. На протяжении многих лет собирала информацию, писала заметки, а затем и книги по истории Благовещенска. Профессиональная привычка требовала поделиться знаниями со всем миром не только через печать. Однажды подумала, почему бы не рассказывать об истории города в ходе экскурсий? Прошла профессиональную переподготовку и уже с дипломом экскурсовода предложила желающим прогуляться по «чеховским местам» Благовещенска. Желающих оказалось довольно много – человек сорок. Затем были такие же многолюдные экскурсии «Вокруг Амурского базара», «Символы вокруг нас», «Три фонтана», «У железнодорожного вокзала», «Из истории городской больницы» и другие. За лето 2019 года на моих стихийных, «народных», экскурсиях побывало около 1000 человек.

К моменту создания «Школы народного экскурсовода» – она начала действовать в декабре 2019 года – из тех горожан, которые побывали на моих экскурсиях, сформировался актив опытных и начинающих краеведов. Они

Возле железнодорожного вокзала

Занятия в «Школе народного экскурсовода»

Финал экскурсии «Три фонтана»

стали первыми слушателями школы. Это был ещё один замечательный пример, когда инициативу горожан поддержал муниципалитет, конкретно – заместитель мэра Благовещенска Виктория Хопатько. Базой школы стала библиотека «Центральная», а руководителем – методист муниципальной информационной библиотечной системы Благовещенска, куратор «Школы народного экскурсовода», кандидат исторических наук Елена Пастухова. Большую работу с народными экскурсоводами проводит специалист центра краеведческих и музейных инициатив «Народный музей им. А.В. Кириллова» библиотеки «Центральная» Наталья Кравченко.

В «Школе народного экскурсовода», которая действует уже третий год, могут занимать-

ся все желающие, без профессиональных и каких-либо других ограничений. В программе – теоретические занятия по разработке маршрутов, организации и проведению экскурсий, знакомство с историей Благовещенска, архитектурными памятниками, судьбами чем-то знаменитых жителей города. Практическую часть обучения составляло посещение городских музеев (муниципальных, частных, учебных музеев в Благовещенске больше шестидесяти!), а также пешеходные и автобусные экскурсионные маршруты. Планировалось, что главным итогом занятий должны стать полученные знания и умения, а затем участники школы разработают свои авторские маршруты, по которым смогут на добровольных началах

По «чеховским местам» Благовещенска

проводить экскурсии для всех желающих. В «Школе народного экскурсовода», которая действует уже третий год, могут заниматься все желающие, без профессиональных и каких-либо других ограничений. В программе – теоретические занятия по разработке маршрутов, организации и проведению экскурсий, знакомство с историей Благовещенска, архитектурными памятниками, судьбами чем-то знаменитых жителей города. Практическую часть обучения составляло посещение городских музеев (муниципальных, частных, учебных музеев в Благовещенске больше шестидесяти!), а также пешеходные и автобусные экскурсионные

маршруты. Планировалось, что главным итогом занятий должны стать полученные знания и умения, а затем участники школы разработают свои авторские маршруты, по которым смогут на добровольных началах проводить экскурсии для всех желающих.

– О каждой улице, каждом квартале Благовещенска можно рассказать много интересного. У горожан, несомненно, есть любимые места и связанные с ними личные истории. Этот личный материал может стать основой авторского экскурсионного маршрута, – убеждена Елена Пастухова.

Мы прошли по улице Горького

Слушатели «Школы...» стали активными участниками проекта «Город. Улица. Квартал», в рамках которого Юлия Гоман, Елена Слободчикова, Анастасия Коновалова, София Лахтионова, Елена Пастухова подготовили рассказы о городских кварталах в районах ДальГАУ, БГПУ, библиотеки «Центральная», пересечения улиц Зейской-Хмельницкого, завода «Амурский металлист». Художницы Елена Шипунова и Наталья Керницкая на основе исторического материала, который представили краеведы, сделали красочные баннеры. Пять баннеров с рассказами об истории пяти кварталов и их жителях стали оригинальным украшением города.

Еще одна слушательница «Школы народного экскурсовода» – учитель литературы из села Чигири Любовь Головчанская в рамках этого же краеведческого проекта «Город. Улица. Квартал» разработала серию экскурсий, побывав на которых слушатели убедились, что Благовещенск – один из самых литературных городов Дальнего Востока по концентрации имён поэтов и писателей в названиях улиц.

Идею о том, что в «Школе народного экскурсовода» могут заниматься все, кому интересно краеведение, подтвердила специалист отдела комплектования городской библиотечной системы Благовещенска программист Екатерина Пичкур. Она стала инициатором проекта «Экскурсовод на коляске», в «Школе...» горячо поддержали инициативу.

– Приобщение колясочников к проведению экскурсий позволит преодолеть разобщенность между инвалидами и здоровыми людьми, объединиться в одну команду на основе изучения краеведения. Полученные знания повысят самооценку наших новых участников и дадут импульс к дальнейшему интеллектуальному развитию. Но, прежде чем проводить совместные занятия, мы позанимаемся индивидуально, изучим методику проведения экскур-

На берегу Бурхановки

сий, заодно проанализируем доступность экскурсионных маршрутов, в том числе в музеях, для инвалидов-колясочников, – пояснила Елена Пастухова.

В деле проведения экскурсий возможны самые разные эксперименты. Так, слушатели «Школы народного экскурсовода», пригласив всех желающих, впервые в Благовещенске провели несколько челлендж-экскурсий. Такие экскурсии проходят по особенно длинным и «не хохоженным» маршрутам. Первый – по улице Горького (со дня основания города она называлась Иркутской и была окраинной): от Алексеевской гимназии до дома В. В. Лукина на Первомайской. Второй челлендж-маршрут прошёл по пути, которым ходил на работу известный в начале XX века благовещенский поэт Федор Чудаков: от озера на улице Конной до пересечения Ленина-Калинина. Третья супердлинная экскурсия прошла по берегу Бурхановки: только самые выносливые преодолели весь маршрут от пересечения улиц Горького и Лазо до Калининского переезда. Ходили бы и дальше, да помешала пандемия. Как только появилась возможность выходить «в поля», экскурсии возобновились. Первая из них – по улице Первомайской в июне 2022 года – собрала без малого шестьдесят человек.

Уже по итогам первого года работы в 2019 году благовещенская «Школа народного экскурсовода» вошла в число пяти лучших региональных практик России.

– Проект «Школа народного экскурсовода» интересен новым подходом к развитию региональной идентичности. Проект предполагает вовлечение и высокую активность самих участников. Удалось трансформировать образовательную мотивацию в появление совершенно конкретных результатов – личных экскурсионных маршрутов, каждый из которых несет свое личное понимание истории края.

Практика сферы культуры города Благовещенска направлена на поддержку общественного краеведческого движения в регионе, способствует развитию регионального патриотизма, создает дополнительные образовательные и досуговые возможности для жителей региона, – отметил директор по политическому анализу Института социального маркетинга (ИНСОМАР) Виктор Потуремский.

На экскурсии люди ходят за информацией, впечатлениями, эмоциями. Экскурсовод водит любознательных гостей и жителей Благовещенска «по миру и окрестностям», отвеча-

ет на вопросы, внимает комментариям. Этим увлекательным делом я занимаюсь лет пять (в пандемию – удаленно!) и не перестаю удивляться энтузиазму путешественников на большие и малые расстояния. Независимо от возраста, образования, социального статуса, не обращая внимания на времена года, сюрпризы погоды и расстояния, они готовы идти на край света, туда, где земля встречается с небом, то есть, до горизонта и дальше. Я сама такая.

На экскурсии «Вокруг Амурского базара»

В. Н. АБЕЛЕНЦЕВ,
хранитель фондов Амурского
областного краеведческого музея
имени Г. С. Новикова-Даурского

Ключевые слова: Амур, Амурская область, Бархатова, Брен, Благовещенск, Восточная Сибирь, Ланин, Риккер, Стасов, Фон Брандис.

Статья посвящена истории авторства пятитомного альбома «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал», изданного в 1870 г. в Санкт-Петербурге Карлом Риккером. Автор поддерживает точку зрения Е. В. Бархатовой о совместном авторстве фотографов К. В. фон Брандиса, А. К. Гофмана, В. В. Ланина. При этом издатель К. Риккер является и составителем фотоальбома. Условно датирует первую известную фотографию города Благовещенска (автор В. В. Ланин) 1868 годом и считает эту дату началом фотолетописи Амурской области.

ЗАПУТАННАЯ ИСТОРИЯ АВТОРСТВА ФОТОАЛЬБОМА «АМУР, ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ, ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ И УРАЛ»

Недавнее поступление в фонды Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского живописного рисунка с видом Благовещенска 1871–1880 гг. и передача нерчинским краеведом А. Ю. Литвинцевым сканов фотографий В. В. Ланина, принадлежащих Российской национальной библиотеке, привело к некоторому волнению в среде краеведческой общественности Благовещенска и побудило нас вернуться к истории авторства, так называемого, «альбома Брэна».

На сайте Российской государственной библиотеки приведено библиографическое описание одного из редких изданий, фотографии из состава которого издавна используются дальневосточными исследователями и краеведами, но их авторство до недавнего времени не было точно установлено:

Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал [Текст] : [альбом] : в 5 т. : с 371 оригинальными фотографиями. – Санкт-Петербург : Карл Риккер, 1870. – 49 см.

V: Урал. – 1870. – [8] с., [45] л. ил.

Современные исследователи истории фотографии называют его по фамилии составителя и издателя – фотоальбомом К. Риккера

[прим. 1], однако в историографии, благодаря авторитету выдающегося русского историка искусств и хранителя императорской Публичной библиотеки В. В. Стасова [прим. 2] бытует описание, приведенное в каталоге «Фотографические и фототипические коллекции Императорской публичной библиотеки» (СПб, 1885):

Брен, барон. Фотоальбом «Амур, Восточная, Западная Сибирь и Урал». Издатель Риккер Карл. С-Пб, 1870. Тт. 1–5.

Альбом содержит 371 оригинальных фото, снятых с натуры в продолжение 6-летнего путешествия 1860–1866 гг.

Несмотря на то, что оригиналы фотографий из «альбома Брэна» были доступны ограниченному кругу пользователей, сотрудники Амурского краеведческого музея имели в своём распоряжении все снимки, связанные с Амурской областью и проводили их сравнительный анализ. В начале 1990-х гг. научный архив Русского географического общества передал позитивные отпечатки фотографий В. В. Ланина [прим. 3] (общий вид Благовещенска, вид Архиерейской дачи, виды станиц – Албазинской, Кумарской и других) в пользование музею.

Портрет для юбилейного каталога книжного магазина и издания К. Л. Риккера. Выполнен в Петербурге фотоателье А. Пазетти

С тех пор репродукции этих видов публиковались в научной, краеведческой литературе посредством массовой информации Амурской области. Поскольку авторский фотоальбом Ланина «По Амуру и Уссури» был издан в 1871 г., эти снимки мы датировали началом 1870-х гг. Кроме того, негативная пленка «альбома Брэна» до сих пор хранится в личном архиве благовещенского краеведа В. Р. Чепелева. Вопрос об авторстве В. В. Ланина и «барона Брэна» однозначно трактовался в пользу первого.

Объявление о подготовке альбома К. Л. Риккер, известный петербургский издатель медицинской литературы и справочников, опубликовал в 1869 г. Издатель не указывал имён составителей и авторов фотографий, вошедших в альбом. Вследствие искреннего заблуждения В. В. Стасова, авторство снимков было присвоено мифической личности – английскому путешественнику барону Брэну.

Вообще, версия об английском происхождении загадочного барона представлялась сомнительной. Попытка найти на интернет-сайтах род баронов Брэн, или родственников им, не дала результатов. При этом, качество генеалогических исследований аристократии Великобритании можно сравнивать с точными науками.

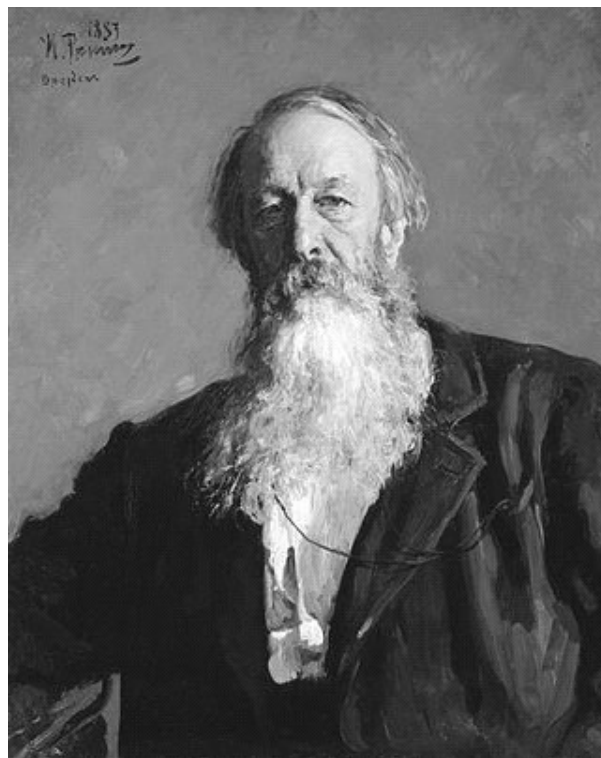
Известно, что генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев с величайшей подозрительностью относился к англичанам, при

нём неблагонадежные иностранные купцы и миссионеры, неоднократно выдворялись из края. Однако в исторической литературе барон Брэн не упоминается даже косвенно. Прибывавшие в Россию легально иностранцы находились под жестким надзором Корпуса жандармов и обязаны были регистрироваться во всех губернских и областных городах, получать подорожные и отмечаться на почтовых станциях. Шестилетнее путешествие по России должно было оставить какие-либо следы в архивах и печати того времени.

Американские исследователи Эдвард Казинец и Елена Коган (Нью-Йорк), изучая экземпляры альбома, попадавшие на аукционы, полагали некоего барона Брандиса вероятным автором фотоальбома, но не достигли успеха в установлении его личности (About Baron Brandis's Album, 2015) [1].

Вероятно, В. В. Стасов, при составлении каталога в 1880-е гг., по памяти, в отсутствии достоверной информации, трансформировал в своем сознании известные ему факты, связанные с личностью Карла Вильгельма барона фон Брандис, подданного королевства Ганновер (Германия), профессионального фотографа в России в 1860-е гг.

В. И. Юзёфов (Сахалинский краеведческий музей), исследовав фотоальбомы Брэна и Ланина, справедливо отмечал, что значительная часть видов Восточной Сибири и Дальнего Востока принадлежит В. В. Ланину, но некото-

Портрет Владимира Стасова работы И. Е. Репина

рые снимки ретушированы и дополнены какими-либо деталями [2].

Благодаря блестящей исследовательской работе Елены Валентиновны Бархатовой [3], историка фотографии, заведующей отделом эстампов Российской национальной библиотеки, проблема авторства фотоснимков «альбома Брэна» разрешена и по праву он должен именоваться «альбомом К. Риккера», как составителя и издателя. Авторы оригинальных фотоснимков – Карл Вильгельм фон Брандис (Санкт-Петербург), Август Карлович Гофман (Иркутск), Владимир Васильевич Ланин (Николаевск-на-Амуре). Не случайно Брандис оказался во главе списка, хотя по количеству видов, помещённых в фотоальбом, первенство принадлежит В. В. Ланину.

Карл Вильгельм барон фон Брандис, уроженец г. Целле (королевство Ганновер, Германия), ганноверский подданный, кавалер королевского Ганноверского ордена Гвельфов 4-й ст., 39 лет, евангелического вероисповедания (на 1860 г.). Впервые упомянут как компаньон или заведующий «Политехнографического заведения» Алексея Баумана в Петербурге, как прибывший из Дрездена ученик фотографов Мейера и Пирсона. В том же 1860 году фотографы Герман Локке и Брандис отметились в Архангельске, прибыв из Вологодской губернии. По свидетельству забайкальских краеведов [4], некий Карл де Брандис, прусский подданный, заключил соглашение со штабом войск Восточной Сибири на фотосъёмку видов (до 200) Забайкальской области и прилегающих территорий, однако его фотографии неизвестны. Однако, в 1867 г. барон Брандис представил на Всероссийскую этнографическую выставку в Москве серию фотографий этнических типов Енисейской губернии и золотых приисков. По подписям видно, что путешественник также побывал в Омске и Семипалатинске. Таким образом, подтверждается факт шестилетнего путешествия одного из авторов «альбома Брэна» по России.

Что касается английского происхождения барона по версии Стасова, то на эту мысль его могло навести ганноверское происхождение Брандиса. Королевство Ганновер на южном побережье Балтийского моря (ныне земля Южная Саксония, ФРГ), в течение долгого времени находилось в унии с правящей династией Великобритании и только в 1866 г. было аннексировано Пруссией. Как кавалер англо-голландского ордена Гвельфов барон Брандис был также подданным британского монарха и имел определённые заслуги на родине.

Е. В. Бархатова отмечает: «Однако Стасов допускает ещё одну непростительную неточность в своем каталоге, не упоминая имени

*В. В. Ланин. Владивосток.
1880-е гг.*

Ланина в связи с риккеровским пятитомником. Более того, критик утверждает, что снимки для интересующего нас издания были «сняты на месте бароном Брэном и должны были по первоначальному плану быть изданы петербургским фотографом Бауманом, но по недостатку средств у него перешли в собственность книгопродавца Риккера» [5, с. 197]. Вполне вероятно, что сама идея создания альбома, посвященного Азиатской части России, была инициативой Брандиса и Баумана, но реализована издательством К. Риккера. Кстати, фотографическое заведение Алексея Осиповича Баумана на Невском проспекте с 1862 г. под названием «Центральная фотография», продолжало свою деятельность и в конце 1860-х гг. было унаследовано его сыном Жозефом [8].

История с авторством «альбома Брэна», определённым образом связанная с альбомом В. В. Ланина «По Амуру и Уссури», позволяет уточнить датировку фотографий, посвящённых Амурской области. Можно утверждать, что они были сняты в период 1863–1868 гг. Первая дата связана с открытием ателье Ланина и завершением строительства Архиерейской дачи (1862), вторая – с публикацией объявления Риккера о подготовке альбома (1869). По нашему мнению, более обоснованной представляется датировка 1868 годом. На снимке центральная часть Благовещенска представлена на уже сложившимся городским комплексом.

Другим аргументом в пользу этой версии является вероятность того, что Ланин, как один из амурских первопроходцев, мог присутствовать на 10-летнем юбилее города.

Возможно, в составе альбома находятся работы и других российских фотографов середины XIX века, и эта история найдёт своё продолжение.

Общий вид Благовещенска в альбоме «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал». Фото В. В. Ланина (1868 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Риккер Карл Леопольдович (1833–1895), российский издатель, основатель первого в России специализированного издания по выпуску медицинской литературы. В 1858 г. приехал в Петербург для работы в книжном магазине А. Мюнкса, в 1861 г. стал совладельцем и основал собственное издательство. Издательство выпускало множество периодических изданий («Российская фармакопея», «Аптекарская такса», «Медицинский календарь», «Врач» и др.). С 1870-х гг. издает универсальный справочник «Записная книга», журнал «Зодчий»; выпускает один из первых в России фотоальбомов – «Амур, Восточная, Западная Сибирь и Урал» (1873).

2. Стасов Владимир Васильевич (1824–1906), русский музыкальный и художественный критик, историк искусств, архивист, общественный деятель. Хранитель, библиотекарь художественного отдела (1856–1906) императорской Публичной библиотеки (Санкт-Петербург). По его инициативе состоялся ряд выставок древнерусских рукописей. Консультировал деятелей искусства и собирал их архивы. Одним из первых признал фотографию одним из направлений искусства.

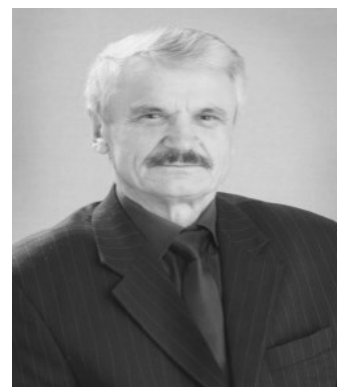
3. Ланин Владимир Васильевич (1826 – после 1888), русский фотограф, николаевский и владивостокский купец, общественный деятель. В 1862 г. основал первое на Дальнем Востоке «фотографическое заведение», с 1870 г. во Владивостоке. Гласный Владивостокской городской думы, первый общественный нотариус города. Впервые фотографии Ланина опубликовал известный журнал «Всемирная иллюстрация» (1870). Со временем его уникальные снимки 1860-х – 1870-х гг. с видами Амура, Южно-Уссурийского края, дальневосточных городов – Благовещенска, Владивостока, Николаевска, Хабаровска были опубликованы в «Живописной России», «Азиатской России», «Народоведении» и многих других авторитетных изданиях. В нескольких экземплярах известен собственноручно изготовленный трёхтомный «Альбом Амура и Уссурийского края», Николаевск-на-Амуре, 1871.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. E. Kasinec 2010 – Baron von Brandis's. The Countries of the Amur, Eastern Siberia, Western Siberia and the Urals, 1860–1866. – URL: <https://www.berghahnjournals.com/sibirica/sib090103>. E. Kogan 2015 – About Baron von Brandis's Album. // <https://naukarus.com/ob-albome-barona-brandisa>
2. Юзефов, В. И. В. Ланин – первый дальневосточный фотограф / В. И. Юзефов. – URL: http://old.sakhalinmuseum.ru/ufile/924_257.pdf)
3. Бархатова, Е. В. Приглашение в Сибирь: ранний проект книгопродавца Карла Риккера / Е. В. Бархатова // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской). Сборник научных статей. – СПб: ИИМК РАН, 2018. – С. 194–198. – URL: <http://www.archeo.ru/doi/2018/2018-dluzhnevskaya/31Barkhatova.pdf>
4. Из истории забайкальской фотографии второй половины XIX века. // www.gku-gazk.ru/index.php/167-iz-istorii-zabajkalskoj-fotografii-vtoroj-poloviny-xix-v. Мясников А. В. Первые светописцы Забайкалья // Читинское обозрение. – 2018. – №15 (1499). – URL : <https://obozrenie-chita.ru/article/pervye-fotografy-zabajkalya>
5. URL: <https://adresaspb.ru/category/structures/facadesinteriors/fotoatele/>

В. Р. ЧЕПЕЛЕВ,

ученый секретарь военно-морского
сектора Приамурского филиала ВНО
при культурном центре МО РФ

Ключевые слова: Амурская военная речная флотилия, канонерская лодка «Орочанин», Благовещенский отряд АВРФ, Гражданская война и интервенция, «гамовский мятеж», «золото «Орочанина», посыльное судно «Пика».

В статье рассказано о судьбе одного из первых кораблей Амурской речной военной флотилии – канонерской лодке «Орочанин»: обстоятельства появления этого корабля на Амуре, и его участия в гражданской войне на Дальнем Востоке России в 1918 г.

КАНОНЕРСКАЯ ЛОДКА «ОРОЧАНИН»

Об этом легендарном корабле Амурской речной флотилии, известном как «золотая канонерка», так много сказано и написано, что добавить что-то новое, кажется, уже невозможно, но это лишь на первый взгляд...

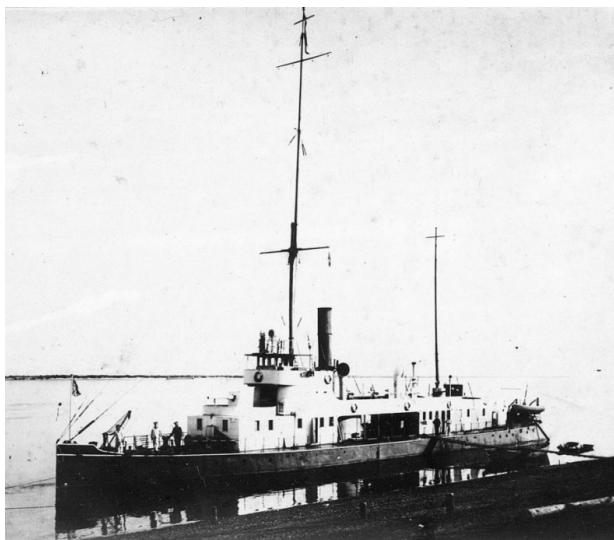
Канонерская лодка [прим. 1] «Орочанин» [прим. 2] была заложена в 1905 г. в числе десяти речных паровых винтовых лодок на заводе акционерного общества «Сормово» в Нижнем Новгороде (технические условия и спецификацию разработал русский корабельный инженер К. А. Теннисон, взяв в качестве прототипа канонерские лодки известной английской фирмы «Ярроу»), и 2 апреля этого же года зачислена вписки Отдельного отряда судов, причисленного к Сибирской флотилии. В разобранном виде по железной дороге была доставлена в Забайкалье в поселок Кокуй, расположенный на левом берегу Шилки несколько верст выше Сретенска), где и была собрана командированными сюда инженерами, техниками и рабочими, и весной 1907 г., вместе с двумя однотипными лодками «Бурят» и «Монгол», – спущена на воду.

Командующий флотилией капитан 1 ранга А. А. Кононов постарался обставить это событие с возможной торжественностью. Отслужили молебен и окропили лодки святой водой. Затем был праздничный обед.

Этот день, по сути дела, стал датой фактического основания Амурской речной флотилии, хотя официально она стала так называться только полтора года спустя – 28 ноября (1 декабря) 1908 г., когда приказом по флоту и Морскому ведомству за №292 все боевые корабли и вспомогательные суда Отдельного отряда судов Сибирской флотилии были объединены в Амурскую речную флотилию, подчиненную в оперативном отношении командующему Приамурским военным округом.

Когда первые три лодки уже были в большой степени готовности, исходя из опыта русско-японской войны, было решено усилить их вооружение и защиту. По первоначальным чертежам были построены лишь три первые лодки, а остальные семь, при сохранении основных габаритов корпуса, значительно переделаны: убраны надстройки, защищены броней все жизненные части по борту и палубе, усилено артиллерийское вооружение – 120-мм орудия вместо 75-мм. По этому измененному проекту были построены канонерские лодки «Вогул», «Вотяк», «Зырянин», «Калмык», «Киргиз», «Корел» и «Сибиряк».

16 (29) мая канонерские лодки вышли в первый поход, в Благовещенск, куда и прибыли 20 мая (2 июня) около 3 часов дня. Лодки пришли в Благовещенск ещё не принятыми

Канонерская лодка «Орочанин». 1907–1909 г.

на казну, так как контракт требовал испытания на глубокой воде, что на мелководной Шилке сделать было невозможно. Командующий флотилией назначил для приёма лодок комиссию под своим личным председательством. Кроме приёмных испытаний, трудным делом была установка артиллерии. Приходилось поднимать, причём без всяких специальных приспособлений, 105-пудовые (1,71 т) части на высоко расположенные *барбет*ы [прим. 3]. К 4 июля всё было окончено, и лодки разошлись из Благовещенска по различным направлениям: «Монгол» пошёл в Хабаровск, осмотреть места для затона. «Орочанин» – вверх по Зее на съёмку и промер предполагаемого места затона и базы, а «Бурят» – в Сретенск, за новым эшеленом команды и грузами, прибывшими из Петербурга. 27 августа 1907 г. все три лодки вступили в строй, а 28 ноября

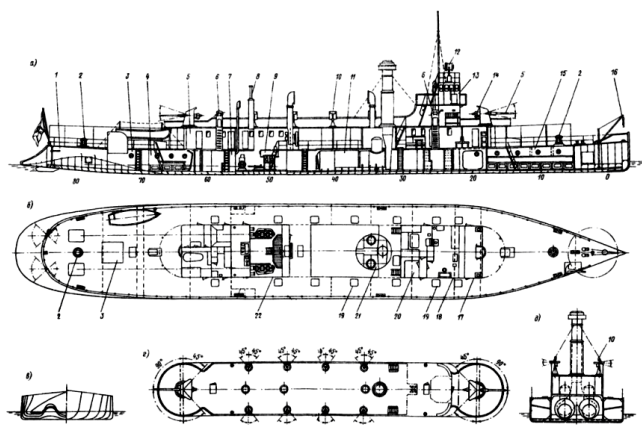

Чертёж небронированной канонерской лодки типа «Бурят», к которому относился «Орочанин»

1908 г. вошли в состав Амурской речной флотилии (АРФ). До осени 1918 г. «Орочанин» входил в Благовещенский отряд флотилии с местом постоянного базирования в затоне у Астрахановки (село на правом берегу Зеи Амурско-Зейской волости Амурской области, в 10 верстах к северо-востоку от города).

Основные тактико-технические характеристики канонерской лодки «Орочанин», а также однотипных с ним «Бурята» и «Монгола», были следующими: водоизмещение при контрактной осадке в 2 фута (0,60 м) – 193 т; длина – 178 ф. 9 д. (54,47 м), ширина – 27 ф. (8,22 м), осадка в полном грузе – 2 ф. 6 д. (0,76 м); два огнетрубных паровых котла локомотивного типа и две вертикальные паровые машины двойного расширения, общей мощностью 490, и.л.с., скорость движения около 11 уз (20,37 м); вооружение: два 75-мм орудия в 50 калибров на

*Канонерские лодки «Орочанин», «Бурят» и «Монгол» на Амуре у села Покровка
(в 5-ти верстах ниже слияния Шилки и Аргуни), май 1907 г.*

*Команда канонерской лодки «Орочанин»,
1917 г.*

станках Канэ, и четыре 7,62-мм пулемёта; штатный экипаж 66 человек. Отопление паровых котлов: угле-нефтяное, угольное и дровяное. Стоимость без артиллерии – 352 тыс. рублей. Впоследствии вооружение «Орочанина» несколько изменялось, с 1908: 2 –75-мм и 2 –64-мм ор., 2 –7,62-мм пул; с 1912: 2 –75 мм и 2 –47-мм ор., 2 –7,62-мм пул.

Дальнейшая служба «Орочанина» протекала сравнительно спокойно и однообразно: каждую весну он вместе с другими кораблями вступал в кампанию, ходил по Зее и Амуру, а осенью, перед окончанием навигации, возвращался в Астрахановский затон и оканчивал кампанию. В зимнее время экипаж проживал в казарме, находившейся на правом берегу Зеи, в районе так называемой «горбылевки» (между ипподромом и архиерейской дачей), а в Астрахановке находилась лишь небольшая команда, охранявшая стоящие там корабли, которая периодически менялась.

Февральско-мартовские события 1917 г. на главной базе Амурской флотилии в Хабаровске прошли относительно спокойно, без всяких эксцессов. Сменился лишь начальник флотилии вице-адмирал А. А. Баженов, вместо которого командующим под брейд-вымпелом был утверждён начальник штаба капитан 1 ранга Г. Г. Огильви, да были арестованы несколько офицеров – ярых монархистов, но вскоре и их выпустили на свободу.

3 марта на совещании представителей общественных организаций Благовещенска был избран Верховный комитет, который взял в свои руки всю власть в городе. В тот же день состоялась грандиозная манифестация рабочих, солдат и матросов. К ним присоединились и казаки, которые влились в колонны демонстрантов, несмотря на запрет своего начальства. Улицы Благовещенска были заполнены народом и весь следующий день. Всюду развевались красные знамена, играли оркестры. Такого город не видел со дня своего основания. Благовещенский отряд моряков в полном составе с оружием в руках находился у здания городской управы. Обращение командира отряда к жителям с призывом поддержать новое правительство, было встречено бурными овациями и криками «ура».

К 15 марта все чины команд и береговых частей Амурской флотилии, согласно приказу войскам Приамурского военного округа, приняли присягу Временному правительству. Летняя кампания 1917 г. началась как обычно, в апреле. Но суда плавали мало, боевая подготовка не проводилась. Все были захвачены круговоротом бурных политических событий.

27 октября телеграф принёс весть о победе вооружённого восстания в Петрограде и образовании рабоче-крестьянского правительства (СНК) во главе с В. И. Лениным. Это известие моряки-амурцы встретили с большим удовлетворением, в том числе и моряки Благовещенского отряда флотилии, которых в ту пору насчитывалось около 70 человек. Под руководством машиниста 1-й статьи канонерской лодки «Вогул» Г. П. Садчикова они решительно выступили за передачу всей власти Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Установление Советской власти на Дальнем Востоке проходило в обстановке открытого сопротивления свергнутых классов. 6–12 марта (в феврале по ст. стилю) 1918 г. в Благовещенске произошло вооружённое столкновение большевистских и антибольшевистских сил. В борьбе за город, за установление власти Советов большую роль сыграли моряки Благовещенского отряда Амурской флотилии. На тот момент отряд, насчитывавший всего около 70 человек, фактически оказался единственной организованной советской воинской частью и стал центром сосредоточения красногвардейцев. Моряки создали свой штаб из матросов Г. П. Садчикова, М. М. Варягина, А. И. Катунина-Агibalова, рабочих А. И. Комарова, Ф. Г. Голика, солдата П. Е. Аистова. Командовать фронтом назначили А. И. Комарова. Штаб разослал во все ближайшие сёла своих уполномоченных, которые организовали там военно-революционные комитеты для мобилизации

населения на борьбу с белогвардейцами.

Матросы Благовещенского отряда Амурской флотилии, располагавшиеся в казарме на правом берегу Зеи, в районе «горбылевки», объединившись с рабочими чепуринского завода (ныне «Амурский металлист»), под командованием солдата В. К. Аксенова, первыми вступили в борьбу с защитниками города. Для руководства боевыми действиями был избран военно-революционный комитет в составе моряков Д. Ф. Высочина, М. М. Варягина, В. В. Безднина и трёх рабочих. В течение дня матросы и красногвардейцы сдерживали крупные силы белых, но, опасаясь удара с тыла, отошли к Астрахановске, где в затоне зимовали канонерские лодки «Орочанин» (командир М. И. Макаров), «Вотяк» (командир Д. Ф. Высочин) и посыльное судно «Пи́ка» (командир В. И. Широкалов).

В ночь на 7 марта Дальневосточный краевой комитет партии и краевой Совет, находившиеся в Хабаровске, разослали по телеграфу воззвание «К населению Дальнего Востока», призывавшее всех рабочих, крестьян, матросов и солдат выступить с оружием в руках на разгром антибольшевистских сил в Благовещенске. Этот призыв нашёл широкий отклик среди трудящихся. В течение трёх-четырёх дней в Астрахановке сосредоточилось 10–12 тыс. человек, прибывших из городов и сёл Дальнего Востока и Забайкалья, в том числе и все коммунисты главной базы флотилии. С прибытием в район боевых действий члена краевого Совета коммуниста М. И. Губельмана, назначенного главкомом, был организован военно-оперативный штаб, в который вошли моряки-амурцы М. Макаров, Ф. Кошкин и М. Варягин.

Благодаря быстрым и решительным мерам удалось добиться перелома в ходе боевых действий. 9 марта белогвардейцы предприняли наступление на Астрахановку, но натолкнулись на губительный огонь красногвардейцев и матросов, поддержанных артиллерией «Орочанина» («Вотяк» ещё осенью 1914 г. был полностью разоружен), и откатились обратно, оставив на поле боя убитых и раненых.

Военно-оперативный штаб через парламента Д. Ф. Высочина предложил белогвардейцам прекратить вооружённое сопротивление, сдать оружие и подчиниться Советской власти, но Гамов отказался это сделать.

12 марта красногвардейцы при поддержке двух 75-мм орудий «Орочанина» и одного 75-мм орудия с «Пи́ки», и нескольких орудий, установленных на железнодорожные платформы, начали решительное наступление на город. Цепи красногвардейцев продвигались от Астрахановки по правому берегу Зеи в направлении железнодорожного вокзала и из деревни Владимировки по левому берегу и по льду ре-

ки в направлении затона МПС. Под прикрытием огня канонерской лодки «Орочанин», который корректировали комендор Кудрявцев и сигнальщик Матвейчук, красногвардейцы штурмом взяли вокзал. Остатки разгромленных белогвардейцев и гражданских защитников города бежали на китайскую территорию, в город Сахалин (ныне Хэйхэ). Так закончилась короткая гражданская война в Благовещенске.

К весне 1918 г. советская власть установилась почти на всей территории Дальнего Востока, началось социалистическое строительство. Но вскоре началась интервенция: во Владивостоке высадились японские, американские, английские, итальянские войска, восстал чехословацкий корпус, растянувшийся от Поволжья до Приморья. С приходом интервентов активизировались противники советской власти – белогвардейцы, которым при поддержке интервентов удалось на время ликвидировать советскую власть на Дальнем Востоке и в Сибири.

Под натиском хорошо вооружённых войск интервентов и белогвардейцев советские войска с боями отступали. В августе 1918 г. пали Верхнеудинск (Улан-Удэ), Чита, в начале сентября – Хабаровск. Советские и партийные работники, отряды красноармейцев и красногвардейцев отступали в Амурскую область.

Один за другим формировались отряды и спешно отправлялись на фронт. Но силы были далеко неравными. Из Приморья наступала 12-я японская дивизия и белоказаки атамана Калмыкова, из Забайкалья надвигались части 3-й дивизии японцев и казаки атамана Семёнова, 7-я дивизия готовилась к вторжению через Амур из Маньчжурии. Под натиском превосходящих сил хорошо вооружённого врага кольцо обороны сжималось. 4 сентября был оставлен Хабаровск. Дальсовнарком переехал в Свободный. Угроза интервенции неудержимо надвигалась, и Дальсовнарком принял решение эвакуировать имеющиеся силы вверх по реке Зея, в тайгу. Пришлось приступить к эвакуации и из Благовещенска. Срочно началась погрузка на пароходы и баржи.

Японцы, занявшие вместе с белогвардейцами Хабаровск, 7 сентября захватили Осиповский затон, главную базу Амурской речной флотилии (образовалась в декабре 1917 г.), и объявили все канонерские лодки и вспомогательные суда своим «военным призом». В руки интервентов перешли все сооружения и мастерские базы, а также боеспособные канонерские лодки «Смерч», «Шквал», «Бурят», «Монгол» и «Вотяк» с полным вооружением и исправными механизмами. В середине сентября на смену пехотному батальону в Осипов-

ский затон прибыл специальный японский морской отряд, численностью в 700 человек, для укомплектования экипажей, захваченных ими кораблей и судов Амурской флотилии.

Несколько иначе развивались события в Благовещенском отряде. Последней территорией, где все ещё сохранялась Советская власть, была Амурская область, но к осени 1918 г. и ей угрожал захват белогвардейцами и интервентами. Уже в начале сентября 1918 г. область была блокирована интервентами и с запада, и с востока. Необходимо было своевременно вывести ценности, оружие, людей в таёжные районы. 1 сентября 1918 г. в Амурской области было введено осадное положение. Руководство обороной области было передано специально созданному Военному комитету (П. Д. Чепурнов, Ф. И. Бугаев, Г. П. Садчиков, В. В. Патрушев, С. Ф. Шадрин, В. К. Аксенов, Ф. И. Зюлькин и др.).

Поэтому 9 сентября объединённое заседание исполкома Амурского областного Совета, совнаркома и представителей партийных, профсоюзных и общественных организаций приняло решение эвакуировать Советы в тайгу, избрав центром и основной базой партизанской борьбы город Зею. По реке Зея туда должны были быть эвакуированы советские учреждения, красногвардейцы, а также вывезены значительные запасы оружия и боеприпасов, продовольствия, одежды и медикаментов. Было решено вывезти туда и часть золотого запаса, а часть – переправить в банк в Сахалине. Для руководства походом был избран военный совет, разместившийся на «Орочанине».

Первым 13 (по другим данным 14) сентября из Благовещенска вышел пароход «Джалта» с ранеными, доставленными с Забайкальского фронта, который успел пройти под Суражевским железнодорожным мостом до захвата его японцами, но, выгрузив раненых у Бомнака, к зиме возвратился в Свободный, где был захвачен белыми. 15 сентября вышел, переоборудованный в госпитальное судно, пароход «Петроград», принявший на борт более 300 раненых, но был также захвачен белыми.

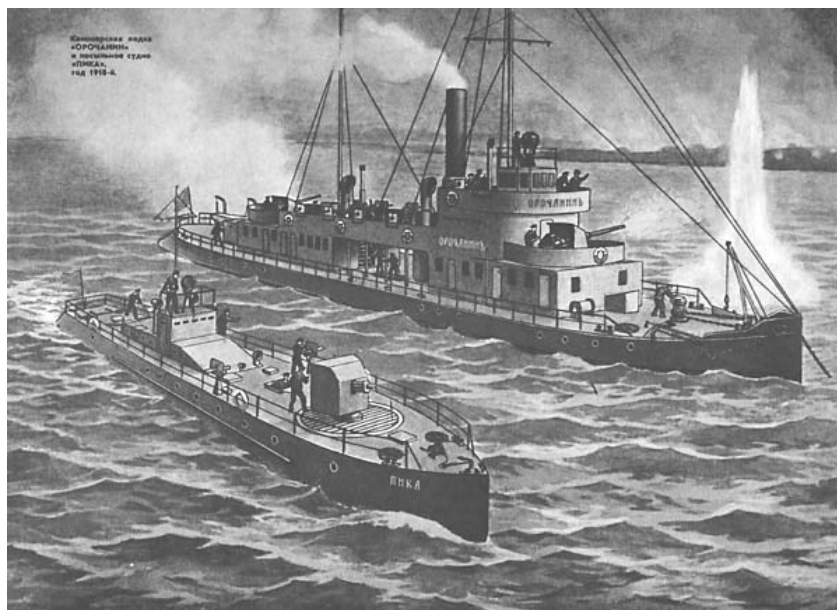
16 сентября вышло сразу несколько пароходов: пароход «Мудрец» с красногвардейцами, прошёл под мостом, но в районе Суражевки погиб, причем, с большим числом жертв, от артиллерийского огня и поджога японскими интервентами (в 1957 г. на месте гибели парохода был сооружен памятный обелиск); пароход «Телеграф» поднялся по реке, но в районе Зея-Пристань попал в засаду, где был разбит и сожжён интервентами (погибло 38 человек); пароход «Хинган» 19 сентября в районе Суражевки был остановлен огнём японцев и, высадив эвакуируемых на берег, был подорван; па-

роход «Азов» не смог пройти под захваченным интервентами Суражевским мостом и, высадив эвакуируемых под артиллерийским огнём японцев на берег, возвратился в Благовещенск; пароход «Гермоген Курбатов» был задержан японцами у Суражевского моста, высадив эвакуируемых на берег, повернул обратно и был захвачен белыми; пароход «Двенадцатый КВЖД» был остановлен у Суражевского моста огнём артиллерии и, высадив эвакуируемых на берег, возвратился в Благовещенск, где был захвачен белыми, затем был освобождён и успел до ледостава вернуться на базу пароходства КВЖД в Харбин; пароход «Неронов» был задержан японцами у Суражевского моста и, высадив эвакуируемых на берег, вернулся в Благовещенск, где также был захвачен белыми.

17 сентября из Благовещенска вверх по реке Зея вышла последняя часть каравана, во главе которого шли канонерская лодка «Орочанин» и посыльное судно «Пика» Амурской военной флотилии. В состав каравана, кроме названных судов, входили пароходы «Бельгиец», «Брянта», «Владимир Коротаев», «Гавриил Скобелев», служебный паровой катер УВП АмБ, пароходы «Купец», «Меркурий», «Михаил», «Нерчинск», «Сретенск», «Чита», «Нижний Новгород» (с баржами «Крохаль» и «Цапля» на буксире). Забегая вперед скажем, что, к сожалению, ни одно из этих судов не смогло пройти под Суражевским мостом, и большинство из них, высадив эвакуируемых на берег, возвратилось в Благовещенск, где были захвачены белогвардейцами, вернувшимися в город через Амур в ночь с 18 на 19 сентября, а затем и интервентами.

Около полуночи, когда караван стал на якорь у Суражевского железнодорожного моста через Зею (в то время, как правило, суда не ходили ночью по реке, тем более под мостовыми пролетами), его неожиданно обстреляли японцы из орудий и пулеметов. Красногвардейцы были уверены, что встретят на мосту красногвардейский отряд из Свободного, но вместо этого с моста по каравану открыли огонь из орудий и пулеметов японские солдаты. Оказывается, японский воинский эшелон, прорвавшись через красногвардейский пост у станции Бочкарево (ныне Белогорск), к вечеру этого дня вышел на Суражевский мост и устроил там засаду.

Японцы рассчитывали внезапным нападением вызвать на «Орочанине» панику, но просчитались. Канонерка открыла ответный огонь из орудий и пулеметов. Под градом вражеских пуль электрик Францевич пробрался по палубе к лебедке и выбрал якорь. «Орочанин» стал медленно разворачиваться по течению реки. Пока выбирали якорь, сигнальщик Душкин,

Канонерская лодка «Орочанин» и посыльное судно «Пика» в бою у Суражеского железнодорожного моста, 17 сентября 1918 г.

включив судовой прожектор, навёл яркий сноп света на японцев, по которым комендоры стали бить прямой наводкой.

Личный состав канонерской лодки в упорном бою с врагом проявил стойкость и героизм. Японцы не выдержали ответного удара и с большими потерями отступили. В этом бою погибли артиллерийский старшина Бражкин, матросы Донченко, Кузьмин и Назаренко. «Орочанин» получил серьёзные повреждения, исправление которых требовало много времени. Поскольку железнодорожный мост через Зею оказался занят японским отрядом с артиллерией, то вопрос о прорыве в Зейский таёжный район отпал. На общем собрании экипаж принял решение спуститься вниз по реке до Андреевки (в то время – село Ивановской волости, по реке Маньчжурке, в 52S верстах от Благовещенска и в 18S верстах от села Ивановского (ныне – Ивановки) и завести корабль в одну из протоков, снять с него вооружение и боеприпасы, а продукты и обмундирование раздать крестьянам близлежащих сёл, самим же уйти в тайгу – партизанить.

Уговорили местных крестьян, что они увезут на своих подводах людей и часть грузов вверх по реке Белой в тайгу, за реку Большой Горбыль. Всю ночь на лодке кипела работа: к берегу подъезжали подводы, нагружались ящиками с оружием и патронами и куда-то увозились, на носилках сносились на берег раненые. Их тоже куда-то увозили. Распределялись продукты и обмундирование между крестьянами. Все должно было быть надёжно спрятано, до того часа, когда начнётся всеобщее восстание против интервентов и белогвар-

дейцев. Спустили с лодки тела погибших в ночном бою моряков, похоронили на деревенском кладбище (ныне не существующем – в 1928 г. было смыто сильным наводнением).

Остро встал вопрос о золотом запасе, которого, как предполагают, было на борту канонерской лодки «Орочанин» 336 кг (20,5128 пудов), но иногда приводят и другие цифры, прямо, скажем, фантастические... Известно только, что часть золота была роздана крестьянам в качестве оплаты за лошадей и повозки, а остальное – либо увезено в тайгу, либо спрятано, а вот где именно – до сих пор неизвестно. Вот с этого момента в истории «Орочанина» и начинаются легенды, поверить в которые довольно трудно, ещё трудней доказать их реальность, но мы попытаемся это сделать.

После падения советской власти в Благовещенске, в сентябре 1918 г., руководитель местных большевиков Ф. Н. Мухин и, по совокупности, председатель облисполкома Советов и председатель совнаркома Амурской трудовой социалистической республики, перешёл на нелегальное положение и, разъезжая по области, готовил восстание против белогвардейцев и интервентов. 16 января 1919 г. он специально вернулся из области в Благовещенск, но поднять восстание в городе не удалось – там в это время начались массовые аресты, а 8 марта был арестован и сам Мухин. Два дня (8 и 9 марта) в контрразведке был проведён его допрос. Протоколы допросов сохранились (в ГАХК) и свидетельствуют о том, что Мухин откровенно ответил на все вопросы, заданные ему в контрразведке. Однако это не сохранило жизнь Мухину, около полуночи 9 марта 1919 г.

он был убит якобы при попытке к бегству на перекрестке улиц Большой (Ленина) и Артиллерийской.

Мы не будем рассматривать все протоколы допросов, но вот два из них, имеющих отношение к нашей теме, рассмотрим.

Первый протокол: «...Вся ценность, в каком количестве я не знаю, была направлена в Алексеевск (ныне Свободный), откуда было привезено [в Благовещенск] 100 пудов (1636 кг – В.Ч.) золота и погружено на канонерку «Орочанин». Золото это хотели обменять на общегосударственную монету для уплаты мадьярскими отрядам (*военнопленным венграм* – В.Ч.), которые предъявили ультимативное требование заплатить им за их работу. Военком (*военный комитет* – В.Ч.) принялся за осуществление этого требования, для чего было взято 60 пудов золота и обменено на ту сторону на общегосударственные кредитные знаки. Как происходил самый процесс обмена золота, я не знаю. Приходили частные торговцы китайцы, предлагали 30 р. [руб.] за золотник (золотник – 4,266 грамма). Военком просил 26 [руб.] Хотели сдать в Китайский банк по 32 р. [руб.], переговоры велись с Минаевым и Патрушевым. Когда пришли китайские представители, переговоры продолжались с теми же лицами и в конечном результате продали по 18 р. [руб.] золотник. Ввиду того, что ожидалось скорое прибытие Правительственных (*белогвардейских* – В.Ч.) войск, и золото ещё не успели обменять на общегосударственные деньги по 18 р. [руб.] золотник, военком решил продавать, кому угодно, сколько бы ни дали, доходили 13 р. [руб.] золотник. Какие китайские фирмы участвовали в покупке золота, я не знаю. По поводу золота – никаких разговоров не вёл, а посылал в военный комитет, вся сделка была сделана без меня. В то время я был обессилен: вся диктатура (*власть* – В.Ч.) была отнята у меня военкомом. Остальное золото, 41 пудов (671,58 кг), было увезено на канонерке «Орочанин» о судьбе коего мне ничего неизвестно. Вместе с золотом на «Орочанине», была увезена и захваченная часть военного имущества. Какое количество ценностей по приблизительному подсчету было увезено на «Орочанине», я сказать не могу...».

Второй протокол: «...Ценности, которые находились в [Благовещенском] банке, были увезены в Алексеевск, в какой сумме, не было известно, но из Алексеевска были привезены 100 пудов золота, это золото должно было обмениваться на общегосударственные деньги. Деньги эти пришлось уплатить мадьярским отрядам, которые предъявили ультимативные требования. Обменяли только 60 пудов золота (982,8 кг). Когда золото пришло, то покупатели сговорились каким-то путём, но платили не

30 р. [руб.], а по 18 р. (руб.) и эти 60 пудов пришлось сдать за такие деньги. Производил покупку золота какой-то китаец Ким. Все переговоры вёл военный комитет. Были ли какие фирмы китайские, я не знаю, но слышал, что было какое-то китайское общество, которое и бралось всё золото принять. Из этого общества я не знаю, кто приходил, т.к. я по поводу этого не вёл переговоров, а вёл это всё военный комитет, так как я был обессилен, и вся диктатура власти была в руках военного комитета. Остальное золото осталось на «Орочанине» и дальнейшая судьба его мне не известна».

Итак, исходя из показаний Ф. Н. Мухина, в правдивости которых у нас нет повода сомневаться, устанавливается, что на канонерской лодке «Орочанин» действительно находилось золото, причем первоначально – около 100 пудов, и что из этого количества около 60 пудов было обменено на «*общегосударственные деньги или знаки*» для уплаты мадьярам за какие-то неизвестные нам услуги или помощь, а 40 пудов остались на канонерке, и 17 сентября 1918 г. были вывезены при эвакуации красных из Благовещенска. Вскоре часть этого золота была роздана крестьянам Андреевки, Комиссаровки, Велюковки и других, находившихся поблизости сёл, в качестве платы за лошадей и повозки, а часть закопана или увезена в тайгу.

В 1932 г. в Хабаровске в издательстве Дальгиз вышла книга «Амур в огне», в которой участник гражданской войны на Дальнем Востоке Илья Безродный (*И. Г. Безродных* – В.Ч.) на с. 22–23 вспоминал: «О судьбе ценностей, бывших на канонерке, точно неизвестно. Одни говорят, что золото было выброшено за борт в неопределённом месте на самом фарватере, другие утверждают, что ценности были выгружены... в протоке и тоже в воду. Как бы то ни было, ценности всё же пропали, и лишь три ящика золота, зарытые кем-то на берегу, были обнаружены спустя долгое время одним из членов экипажа канонерки – Бортовым (*Бортов А. Г. – большевик, активный работник Центрального штаба Амурского обкома РКП(б).* – В.Ч.). Найденное золото он перевёз на лодке в посёлок Будунда и впоследствии выдавал его по частям городской подпольной организации большевиков, причём сам он ничего не предлагал, золото нужно было у него выпрашивать. О количестве золота (три ящика) говорила жена Бортова, но само место, где было спрятано золото, а также, сколько его израсходовано и сколько осталось, – никому, кроме самого Бортова, не было известно, и эта тайна ушла с ним в могилу. Бортов был убит белогвардейцами в Благовещенске... в дни репрессии. Поиски этогоклада до сих пор не дали результатов».

То, что канонерка «Орочанин» осенью 1918 г. действительно побывала вблизи упомянутых выше сёл, и что на ней действительно было золото, говорят два случая, которые произошли сравнительно недавно.

Первый из них произошёл летом 1987 г. Житель села Великокнязевка, механизатор колхоза им. Ленина Николай Василенко, работая на тракторе в поле, нашёл золотой брусок, отлитый в 1918 г., и сдал его куда следует. Судя по штампу, брусок был отлит в 1918 г. В Благовещенске, весил около 12 кг. Его стоимость была оценена в 558 тысяч тогдашних советских рублей. Из этой суммы Василенко получил причитающиеся ему 25%, то есть 147 тысяч рублей. Клад был даже занесён в книгу рекордов Гиннеса, как самый крупный клад, найденный в Амурской области.

Второй случай произошёл в 2007 г., опять же в Великокнязевке. В сентябре этого года местный житель С. В. Семенцов при копке картофеля в своём огороде обнаружил хорошо сохранившуюся печать из цветного металла (бронзы или латуни) с изображением двуглавого орла и надписью «Канонерская лодка «ОРОЧАНИНЪ», которую передал научному сотруднику Белогорского краеведческого музея В. П. Голубеву, а тот, в свою очередь, передал этот уникальный артефакт в Амурский областной краеведческий музей, где сегодня его можно увидеть на выставке в одном из залов музея.

Были ли попытки найти исчезнувшее золото «Орочанина»? Да были, причём неоднократные, но, насколько известно, все они оказались безуспешными.

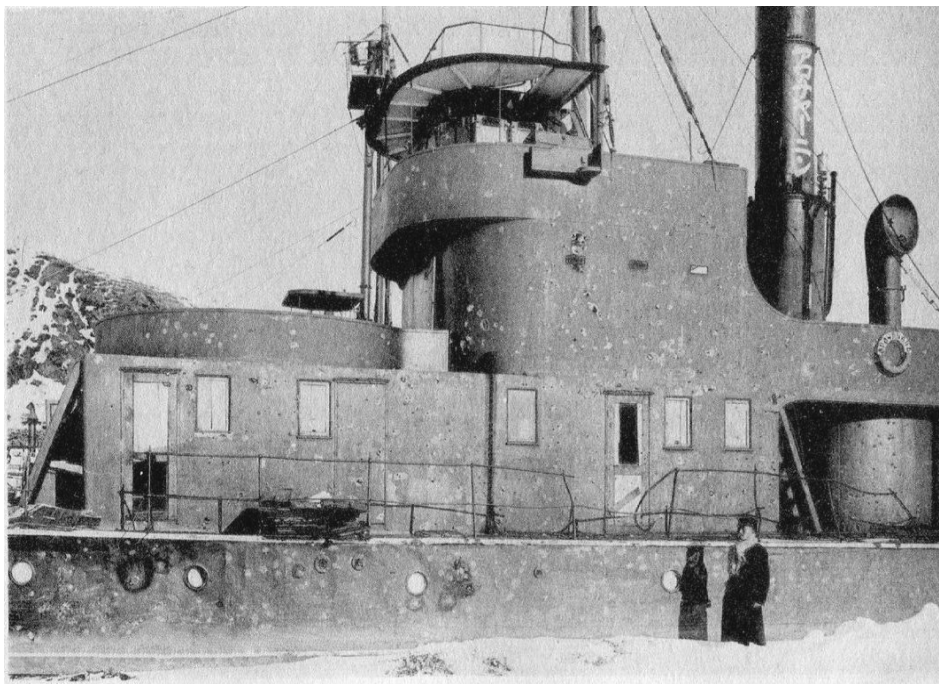
На всякий случай, упомянем об одной из них. В 2006 г. Наталья Фадеева, корреспондент газеты «Амурская правда», организовала поисковую экспедицию в Белогорский район. Узнав о том, что русло Зеи постепенно перемещается вправо, она сделала вывод: та часть дна реки, которая раньше была под водой, к настоящему времени обсохла стала берегом. Основываясь на этом, и сверившись с картами и старыми газетами, Фадеева разработала свой план поиска «золотого клада», и в составе экспедиции из пяти человек отправилась на его поиски. Но продолжавшаяся девять дней экспедиция оказалась безрезультатной. Правда, были кое-какие находки, например, две явно не сухопутные двери, и якорная цепь. Пожалуй, главным результатом этой экспедиции были не сами находки, а рассказы местных старожилов, которые подтвердили то, что корабль с золотом действительно был возле Новоандреевки, что в 1920-х годах золото здесь искали и большевики, но уехали ни с чем.

А какова была дальнейшая судьба канонерской лодки «Орочанин» и сопровождавшего её посыльного судна «Пика»?

Во время боя у Суражевского железнодорожного моста «Орочанин» получил большие повреждения, был отведён на 12–15 км ниже, чтобы произвести осмотр повреждений, подсчитать потери, наметить маршрут дальнейшего движения. У «Орочанина» было в повреждении рулевое управление. После осмотра оказалось, что ремонт потребует не менее дня. Также было ясно, что путь впереди занят японцами, но и возвращаться в Благовещенск тоже

Печать с канонерской лодки «Орочанин» на выставке в АОКМ, г. Благовещенск

*Канонерская лодка «Орочанин» в Осиповском затоне. Зима 1918-1919 г.
(75-мм орудие на надстройке отсутствует)*

нельзя, там уже были белогвардейцы.

Общепринято считать, что оба судна безвозвратно погибли, наполнившись водой через полученные пробоины, ушли на дно одной из протоков Зеи, где их бранные останки вначале были растащены местными хозяйственными мужиками, а затем занесены речных песком и илом. Но в действительности это не так!

Не так давно нами были получены копии уникальных фотографий с изображением канонерской лодки «Орочанин» и её японского экипажа, сделанных зимой 1918–1919 гг. в Осиповском затоне. Их нам прислал из Хабаровска наш коллега-краевед Алексей Колесников, за что мы ему очень и очень благодарны. Из поездки во Владивосток Алексей привёз альбом офицеров спецотряда ВМФ Японии, который «принял» суда Амурской речной флотилии, как свой военный приз. На одной из фотографий – канонерка «Орочанин» в Осиповском затоне под Хабаровском зимой 1918–1919 гг. На трубе японцы вывели название лодки катаканой (японская слоговая азбука) «**АРОТЯНИН**», а на надстройке просматривается спасательный круг, на котором по-русски написано «Орочанин». На снимке видны и многочисленные отметины, – следы японского ружейно-пулемётного огня, которому корабль подвергся у Суражевского моста в сентябре 1918 г.

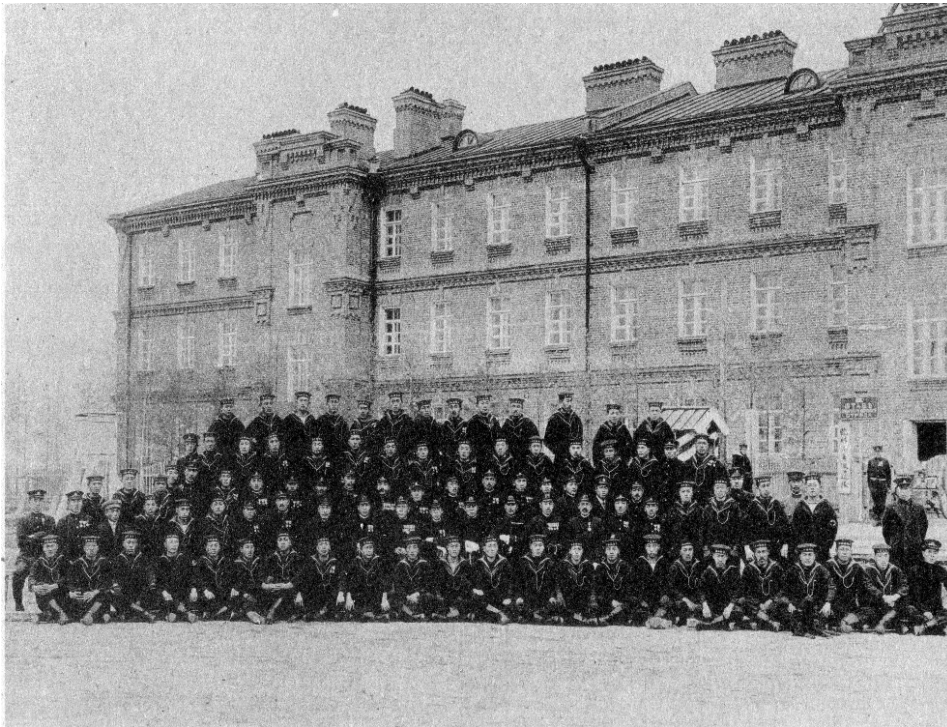
Вскоре после разыгравшейся у Суражевского железнодорожного моста трагедии, «Орочанин» и «Пика» были захвачены японскими интервентами как военные трофеи

и уведены ими на буксире сначала в Благовещенск, а затем, до окончания навигации, – в Осиповский затон, главную базу Амурской флотилии, захваченную ими ещё 7 сентября 1918 г. Видимо, повреждения, полученные «Орочанином» не были слишком серьёзными. Кстати, тогда же японцы увели из Благовещенска в Хабаровск и канонерскую лодку «Вотяк» (в мае 1920 г. интервенты увели её на Сахалин и вернули СССР только в 1925 г.)

Кроме этих снимков мы располагаем и другой информацией, которая однозначно подтверждает тот факт, что канонерская лодка «Орочанин» и посыльное судно «Пика» не погибли в сентябре 1918 г.

Во-первых, это список судового состава Амурской речной флотилии, из доклада заместителя начальника морских сил и консультанта по морским делам при главкоме ДВР Н. Н. Азарьева С.С. Каменеву (главнокомандующий ВС РСФСР в 1919–1927 гг.) о составе морских сил ДВР и состоянии Амурской военной флотилии за №11019 от 9 августа 1921 г., в котором было сказано следующее: «5. Суда, сданные к порту: башенные канлодки «Гроза», «Смерч»; сормовские канлодки «Орочанин» (небронированная), «Зырянин», «Корел» (затонувшая); посыльные суда «Пика», «Селенга».

Во-вторых, это содержание справочника флотского историка С. С. Бережного: [Речная канонерская лодка] «Орочанин» – 28.11.1918 г. [вошла] в состав Красной АРФ. Участвовала в Гражданской войне (бои с белогвардейцами весной и осенью 1918). 18.9.1918 г., ввиду

Японский экипаж канонерской лодки «Орочанин» на фоне штаба их Особого морского отряда (зима 1918-1919 г.). Осиповский затон, г. Хабаровск

угрозы захвата японскими интервентами, взорвана экипажем в районе Благовещенска. После гражданской войны в строй не вводилась, 25.7.1921 г. сдана к порту на хранение. В 1923 г. передана Комгосфондов для демонтажа и разделки на металл, и 21.11.1925 г. исключена из списков судов РККФ».

В отличие от «Орочанина» судьба посыльного судна (бронекатера) «Пика» оказалась более благополучной. Судно было заложено в 1908 г., спущено летом 1910 г., в 1912 г. вошло в состав АРФ. 19.1.1918 г. перешло на сторону Советской власти. Участвовало в гражданской войне: бои против белогвардейцев на Зее весной и осенью 1918 г. 18.09.1918 г., ввиду угрозы захвата противником, выведено из строя и затоплено экипажем в районе с. Андреевка (село на левом берегу Зеи по речке Маньчжурке Ивановской волости Амурской области, в 52S верстах от Благовещенска и в 18S верстах к юго-востоку от с. Ивановского.). Было поднято белыми к зиме

1919–1920 г., отведено в Благовещенск и поставлено на ремонт, где 17.02.1920 г. ещё на слипе, отошло к красным. С 1.1921 г. входило в НРФ ДВР, с 11.1922 г. – в МСДВ, с 9.1926 г. – в ДВВФ и с 27.6.1931 г. – в АКФ. В 1925 г. восстановлено и переклассифицировано в бронекатер (до 15.9.1934 – «Пика», до 15.4.1937 – БК-104, с 10.2.1944 – БК-94). Участвовало в советско-китайском конфликте в октябре-ноябре 1929 г. Капитальный ремонт в 1934 г. 24.10.1940 г. было сдано в ОФИ для разборки, но вскоре вновь возвращено в боевой состав ВМФ. Участвовало в советско-японской войне: Маньчжурская наступательная операция 9–20.8.1945 г. Основные ТТХ: 25 т; 22,5ЧЗ,1Ч0,7 м; 200 л.с. 8,3/6,2 уз, 315 миль; 1-76,2-мм орудие и 2 – 7,62-мм пул., 10 мин; 12 чел.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Канонерская лодка (от фр. сапон – пушка), артиллерийский корабль, предназначенный для боевых действий в прибрежных районах морей, на озерах и реках, способный вести борьбу с малыми боевыми кораблями противника, высаживать десанты и поддерживать огнем их действия на берегу. Может использоваться для постановки минных заграждений, нести дозорную и конвойную службу и решать другие задачи.

2. «Орочанин» – от самоназвания эвенков – «орочон» (устаревшее название тунгусы) – народа в России, проживающего на территории от Енисея до Охотского моря.

3. Барбет – площадка, стойка или опора, на которой устанавливается и вращается корабельное орудие; на первых трех амурских канонерках *барбет* располагались на надстройке.

4. Футшток (англ. foot – фут (30,459 см) и немец. stock – палка), деревянный шест с делениями, длиной от 3 до 5 м, опускаемый со шлюпки или судна для измерения небольших глубин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амурская область. Опыт энциклопедического словаря. – Благовещенск, 1989. – С. 131–132.
2. Багров, В. Н., Сунгоркин, Н. Ф. Краснознаменная Амурская флотилия / В. Н. Багров, Н. Ф. Сунгоркин. – Москва : Воениздат, 1970. – С. 15–17, 26–28.
3. Багров, В. Н., Сунгоркин, Н. Ф. Краснознаменная Амурская флотилия. Изд. второе, исправленное и дополненное / В. Н. Багров, Н. Ф. Сунгоркин. – Москва : Воениздат, 1976. – С. 34–36, 47–48.
4. Багров, В. Н., Сунгоркин, Н. Ф. Боевая слава амурцев / В. Н. Багров, Н. Ф. Сунгоркин. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1982. – С. 22–24, 32–33.
5. Безродных, И. Г. Амур в огне / И. Г. Безродных. – Хабаровск : Дальгиз, 1932. – С. 8–15, 20–23.
6. Бережной, С. С. Корабли и суда ВМФ СССР / С. С. Бережной. – Москва, 1988. – С. 123–124.
7. Бережной, С. С. Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки / С. С. Бережной. – Москва, 1997. – С. 187.
8. Благовещенск. Март 1918 года. – Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2018. – С. 285–286, 304–305.
9. Борисова Ю. По золотому следу «Орочанина» / Ю. Борисова // Амурская правда. – 2012. – 29 июня.)
10. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917–1922). Документы и материалы. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1989. – С. 324–326, 413–414.
11. Малышев, В. П. Борьба за власть Советов на Амуре / В. П. Малышев. – Благовещенск, 1961. – С. 81–86, 119–126.
12. Панаев П. К десятилетию Амурской речной флотилии / П. Панаев. – Петроград, 1917. – С. 11.
13. РГАВМФ: Ф. 2239, оп. 1, Д. 6518.
14. Черников, И. И. Речные канонерские лодки типа «Бурят» / И. И. Черников // Судостроение. – 1987. – № 8. – С. 68–71.
15. Черников, И. И. Бронированные канонерские лодки типа «Шквал» – первые в мире речные дизельные корабли / И. И. Черников // Судостроение. – 1987. – № 10. – С. 65 – 68.
16. Черников И. И. Первые в мире бронекатера (Посыльные суда типа «Штык») / И. И. Черников // Катера и яхты. – 1981. – № 3 (91). – С. 34–35.
17. Шиндялов, Н. А. За власть Советов / Н. А. Шиндялов. – Благовещенск : Хабаровское книжное изд-во. 1971. – С. 18, 23–25.

А. Л. ЛИМАНСКАЯ,
журналист, переводчик

Ключевые слова: православие, храмы, Благовещенск, кафедральный собор, обновленчество, история.

В статье представлены ранее неопубликованные сведения о количестве и статусе дореволюционных православных церквей города Благовещенска, а также прослеживается их судьба после 1917 года в контексте основных событий в истории Амурской области. Исследование проводилось по материалам ГААО, ГАХК (г. Хабаровск), РГИА ДВ (г. Владивосток), РГИА (г. Санкт-Петербург) и ГАРФ (г. Москва), в нём впервые цитируются важнейшие документы из соответствующих фондов.

Особое внимание уделяется ранее неизвестным обстоятельствам разрушения Благовещенского кафедрального собора на набережной реки Амур и обобщению сведений о домовых церквях столицы Приамурья.

СУДЬБА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ БЛАГОВЕЩЕНСКА В 1918–1930-Х ГОДАХ

Первый дом Благовещенска – Никольская церковь, кафедральный собор на набережной, заложенный святителем Иннокентием (Вениаминовым), Шадринский собор – каждое православное здание, возведённое в нашем городе в дореволюционную эпоху, было поистине уникальным и неповторимым с точки зрения истории, архитектуры и назначения. Эта тема до сих пор привлекает особое внимание краеведов и простых местных жителей. Об обстоятельствах строительства и повседневной деятельности благовещенских храмов, людях, которые участвовали в их создании, служили и молились в них, написаны десятки статей и книг.

Однако исследование судьбы этих культовых сооружений после 1917 года сопряжено с целым рядом объективных трудностей. Первая и главная – физическое отсутствие объектов изучения – до настоящего времени уцелела лишь бывшая домовая церковь епархиального женского училища в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», здание Успенской церкви при бывшей архиерейской даче, построенное в 1912 году [1] (сейчас ошибочно

называется «домиком Святителя Иннокентия»), и здание часовни Святителя Иннокентия Иркутского на территории городской больницы. Каждый сохранившийся объект, с одной стороны, даёт краеведам доступ к целому пласту воспоминаний современников, повышает вероятность найти упоминания в прессе и фотографические свидетельства, а с другой, облегчает передачу знаний и сохранение памяти о нём, но, к сожалению, благовещенцы по большей части лишены этих возможностей.

Вторая трудность заключается в скудности и разрозненности источников – информация о православных храмах Благовещенска рассеяна по архивам Амурской области, Хабаровского края и Читинской области, государственным историческим архивам во Владивостоке, Санкт-Петербурге и Москве, и, в большинстве случаев, содержится не в организованных тематических делах, а в обрывочных упоминаниях, которые встречаются как в протоколах заседаний местных органов власти, так и, например, в уголовных делах местного духовенства, личных письмах, финансовых сметах, антирелигиозных

Благовещенский кафедральный собор

газетных публикациях. Восстанавливать картину событий, особенно после закрытия в 1918 году «Благовещенских епархиальных ведомостей», приходится буквально по крупицам; при этом не всегда удаётся подтвердить тот или иной факт или дату в другом источнике просто ввиду его отсутствия.

За пять лет изучения этой темы через руки автора прошло множество документов самого разного формата и содержания, однако в судьбе православных храмов Благовещенска по-прежнему остаётся немало белых пятен, устранить которые можно лишь совместными усилиями краеведов.

Цель данной статьи – обобщить сведения, доступные и уточнённые на сегодняшний день, и представить их в контексте основных событий в послереволюционной истории Амурской области.

В качестве нижней хронологической границы исследования выбран 1918 год – год публикации декрета об отделении церкви от государства, коренным образом изменивший юридический и имущественный статус храмов. Верхняя хронологическая граница, 1930-е гг., знаменует полное претворение идей этого декрета в жизнь; это время закрытия религиозных объектов, прекращения молитвы в них, передачи зданий государству и их последующего бездумного уничтожения.

В первую очередь следует определить, сколько православных храмов действовало в Благовещенске до революции. Точное число до сих пор неизвестно, в научных публикациях

доминирует формулировка «около двадцати», однако в это число обычно включаются как приходские церкви с постоянным причтом и регулярными богослужениями, так и, например, часовни, в которых службы проводились лишь изредка приглашённым священником, домовые церкви в светских учреждениях, которые могли не использоваться по назначению (например, в епархиальной прессе нет упоминаний о каких-либо мероприятиях в Трёхсвятительском храме мужской гимназии после его открытия в 1912 году), и домовые церкви в епархиальных зданиях, также необязательно действующие. Выделение этих категорий важно потому, что в отношении каждой из них принимались особые советские законы, определившие их конечную судьбу. Ещё один недостаток формулировки «около двадцати» (в целом верной) заключается в том, что она не учитывает характерные для Благовещенска комплексы из основной каменной и малой деревянной церкви, которые в епархиальной статистике иногда регистрировались как один храм.

Систематизация доступных архивных данных позволяет сделать вывод о том, что в 1917 году в Благовещенске действовали следующие приходские православные храмы (в скобках приводится дата освящения):

1. Благовещенский кафедральный собор (1864). Деревянный, на каменном фундаменте, с деревянной колокольной, в 1896 году увеличен боковыми пристройками и получил форму креста, правый придел – в честь прп. Серафима Саровского (1904). В клировой ведомости

Часовня и Страшносудненская церковь на Вознесенском кладбище

1907 года отмечалось, что здание недостаточно прочно [2].

2.Храмовый комплекс из каменной Покрово-Никольской (1897) и деревянной Никольской церквей (1857). В последней службы проводились только во время ремонта основного храма.

3.Храмовый комплекс из каменной Вознесенской (1896) и деревянной Страшносудненской церкви (1873). Вознесенская или Кладбищенская церковь была однопрестольной, имела зелёную крышу, тёмно-синие купола и вызолоченные кресты, в которые были вставлены зеркальные стекла. Страшносудненская церковь или церковь во имя Второго Пришествия была выкрашена в тёмно-синий цвет, использовалась только для совершения обеден. К этому комплексу также относилась каменная пятиглавая выбеленная часовня, построенная купцом Немцовым на могиле жены; престола в ней не было, службы не велись [3].

4.Михаило-Архангельская церковь (1892). Деревянная, на каменном фундаменте с колокольной, однопрестольная, покрытая железом, наружные стены были окрашены в синий цвет, внутренние – в зелёный [4], во внебогослужебное время в здании проводились уроки церковно-приходской школы.

5.Свято-Троицкая (Шадринская) церковь (1902). Каменная трехпридельная, построенная по образцу Богоявленской церкви на Гутуевском острове (г. Санкт-Петербург). С 1910 года была приписана к Богородично-Албазинскому женскому монастырю с сохранением при ней прихода.

6.Пророко-Илиинская церковь (1901).

Деревянная, на каменном фундаменте. Во внебогослужебное время здание использовалось под школу и амбулаторию для жителей Забурхановской слободы.

Статус домовых церквей при светских и военных учреждениях (например, Михаило-Архангельской в реальном училище, Введенской в Алексеевской женской гимназии, походной Никольской 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка – всего в источниках зафиксировано девять таких объектов) на тот момент неизвестен, в епархиальных ведомостях за 1917–1918 гг. они не упоминаются.

Из домовых церквей епархиальных учреждений к началу революционных событий действующими были Иоанно-Богословский храм в духовной семинарии, храм иконы «Всех скорбящих Радость» в епархиальном женском училище и Успенский храм на загородной архиерейской даче. Как следует из епархиальных отчетов в Святейший Синод, домовая церковь в городском архиерейском доме на набережной не действовала с 1901 года [5], сам дом также не использовался для проживания из-за ветхости деревянного строения и сдавался в аренду. В каменном здании Благовещенской духовной консистории и корпусе для проживания сестёр Богородично-Албазинского женского монастыря домовых церквей не было.

В истории указанных православных объектов после 1917 года можно выделить три основных этапа.

1. От начала революционных событий на Амуре до ликвидации Дальневосточной Республики (1918–1923 гг.).

2. Усиление антирелигиозных мероприятий после установления советской власти в Приамурье и деятельность обновленцев (1923–1928 гг.).

3. Курс на закрытие действующих православных храмов, изъятие зданий и имущества (1928–1935 гг.).

В период с 1918 по 1923 год приходские храмы Благовещенска не закрывались, поскольку действия властей в отношении религиозных объединений на территории Амурской области были приостановлены из-за гражданской войны и создания буферного государства – Дальневосточной Республики (ДВР). Хотя материальное положение священников, равно как и снабжение церквей в отсутствие государственной поддержки значительно ухудшилось (вплоть до невозможности купить марки для рассылки постановлений церковного начальства по сельским приходам), епархиальное управление во главе с епископом Евгением (Зерновым) продолжило работу с учётом ограничений нового времени, духовенство совершало богослужения; в период существования ДВР местной православной церкви даже удалось организовать социальную помощь для нуждающихся и возобновить занятия духовных школ.

Тем не менее, после опубликования декрета об отделении церкви от государства в городе ликвидировали почти все домовые храмы – в связи с переходом учебных учреждений в ведение Министерства народного просвещения, а также реорганизации военных и исправительных структур. Национализация затронула и духовные учебные учреждения – семинарию и епархиальное женское училище. Однако церкви при них были разорены ещё в 1918 году во время событий так называемого «Гамовского мятежа» [6]; лишь часть имущества удалось заранее передать на хранение в другие церкви.

Церковная утварь уцелевших домовых храмов распродавалась (в 1922 году такие торги проводились в бывшей Петропавловской церкви при тюремном замке [7], покупателями стали верующие других приходов) либо передавалось в музеи и библиотеки, поскольку не имело большой ценности и не могло быть изъято в рамках кампании в помощь голодающим.

Успенская церковь при загородной архиерейской даче временно осталась за епархиальным управлением вместе с домом, в котором проживал епископ Евгений, но земельный участок и большая часть строений дачи были объявлены достоянием Советской Республики

и национализированы в пользу «инвалидов мировой войны» [8].

В июле 1923 года Отдел Управления Амурского ГИК РКД признал результаты работы по проведению в жизнь декретов СНК об отделении церкви от государства и церкви от школы в Амурской губернии неудовлетворительными и издал циркуляр, предписывающий активизировать деятельность по передаче имущества, предназначенного для совершения религиозных обрядов, группам верующих и принятию в ведение местных Советов имущества, которое не предназначалось специально для богослужебных целей (земель, свечных заводов и т.д.). Бывшим церковным и причтовым домам предлагалось придумать надлежащее применение, но их отъём без предварительного разрешения ГОУ назывался «недопустимым» [9].

10 августа 1923 года в Благовещенск прибыл обновленческий епископ Даниил Громоушенко, объявление о приезде которого было опубликовано в газете «Амурская правда» – с уведомлением о том, что действующий епископ Евгений (Зернов) «уволен на покой» [10]. Законно поставленный архиерей дал опровержение через письмо епархиальному совету, указав, что «Живая Церковь» (ВЦУ) является самочинной организацией, подчиняться которой для православной паствы и пастырей недопустимо. Несмотря на острую нехватку информации о ВЦУ, особенно в сельских приходах, верующие Благовещенска не приняли «самозванца» и «коммуниста» Громоушенко, изгнав его из храма «с рукоприкладством» [11]. Тем не менее, поддержка властей, заинтересованных в насаждении обновленчества, сделала свое дело: в августе 1923 года епископ Евгений был арестован как нарушитель «прав служащих архиерейской дачи» [12], а вслед за ним – все члены епархиального совета, самые образованные и авторитетные священники, настоятели городских храмов, также по формальным поводам, которые впоследствии были заменены на обвинения в контрреволюционной деятельности.

После отправки архиерея и его сподвижников в ссылку в рядах духовенства и прихожан возник раскол: все действующие православные храмы города были поделены между сторонниками обновленчества и «тихоновцев», которые отвергли идеи и власть ВЦУ, продолжали почитать Патриарха Тихона. «Живоцерковники» приняли на себя фактическое управление епархией, при поддержке властей им отошли загородная архиерейская дача (до ноября 1923 г.), комплекс Вознесенского храма, деревянные Пророко-Илиинская и Михаило-Архангельская церкви, а также Благовещенский кафедральный собор. За «староцерковниками» остался комплекс Покрово-Никольского храма и храм Святой Троицы.

Успенская церковь на архиерейской даче. 1970-е гг.

Следует отметить, что, судя по сохранившимся архивным документам, передача церковных зданий от обновленческих общин – тихоновским и наоборот могла оформляться даже по несколько раз в год. По факту каждого расторжения договора верующие с той и другой сторон жаловались во ВЦИК, а местной власти приходилось письменно объяснять свои решения. Кроме того, хотя имущество церквей передавались общинам («десяткам») по договорам с описью, из-за постоянной смены хозя-

ев утварь понемногу пропадала, а здания приходили в упадок из-за ненадлежащего ухода.

Возможно, что именно недосмотр стал причиной пожара в кафедральном соборе на набережной. Ранее считалось, что данное событие произошло в 1924 году; скорее всего, первоисточник именно этой даты – труд протопресвитера Михаила Польского «Новые мученики Российские», написанный им в эмиграции по воспоминаниям духовенства и мирян, в том числе перебравшихся из Благовещенска

Никольская церковь и Покрово-Николаевский храм

в Харбин. Обстоятельства гибели собора автор приводит в жизнеописании епископа Евгения (Зернова), указывая следующее: «Обновленчес[кий] епископ, некий Даниил, снова пытался захватить кафедральный собор, но безуспешно, зато свой же диакон Лонгин Греков, после всенощной на свв. Петра и Павла вывез вместе с чекистами все ценности Собора и в ту же ночь старый деревянный собор сгорел. Его никто и не тушил. Диакон в газетах объявил о снятии сана, призывая всё духовенство следовать его примеру» [13]. Наличие подробностей – точной даты («всенощная на свв. Петра и Павла» – это ночь с 11 на 12 июля, год приезда обновленческого епископа – 1924) и имени одного из виновников пожара (протоиерей Лонгин Греков действительно служил в Благовещенской епархии в 1924 году, практически сразу перешёл на сторону обновленцев и какое-то время исполнял обязанности секретаря образованного ими епархиального управления) – придали этому свидетельству достаточную убедительность, поэтому оно широко цитировалось в монографиях церковных авторов, в том числе в «Православной энциклопедии», на которую часто ссылаются и светские историки. На памятном камне, установленном Благовещенской епархией в 2013 году на месте бывшего собора (в сквере у памятника Ф. Мухину), в качестве даты его разрушения также указан 1924 год.

Однако ряд косвенных упоминаний заставил усомниться в точности этой даты. Например, в одном из номеров «Амурской правды» за декабрь 1924 года имеется заметка о том, что обновленческий архиерей Даниил Громенко совершал в кафедральном соборе всенощное бдение на праздник Святителя Иннокентия Иркутского (8–9 декабря по новому стилю) [14]. В биографии Григория Арсеньевича Климчука, управлявшего Благовещенской епархией с сентября 1924 года, говорится о том, что его кафедра находилась в Благовещенском кафедральном соборе, а с июля 1925 года – в Вознесенской церкви [15].

Окончательно прояснить этот вопрос позволили материалы ГАРФ. В «Справке к жалобам на отобрание зданий церквей в г. Благовещенске» и последующей переписке между ВЦИК и Амгубисполкомом указывается, что в октябре 1925 года обновленцы в лице священника Иакова Савицкого ходатайствовали в Москву о выдаче им страховой премии за сгоревший собор в размере 10 488 руб. для его восстановления, однако получили отказ [16]. 3 октября 1925 года Амгубисполком принял постановление о расчистке пожарища за исключением мест захоронения двух дореволюционных епископов – Павла (Попова) и Макария

(Дарского). Были ли сохранены их могилы, неизвестно.

Из документов этого объёмного дела следует, что пожар в Благовещенском кафедральном соборе произошёл летом 1925 года. Заметка в эмигрантской газете «Восток» содержит более точную дату – 18 июля [17].

После утраты кафедрального собора борьба между двумя группами верующих за оставшиеся храмы ещё более активизировалась, что вызывало большое недовольство властей. Так, в декабре 1926 г. Михайло-Архангельский храм в очередной раз был отнят у тихоновцев по причине «массовой контрреволюционной деятельности коллектива верующих» и более никому не передавался, дабы «экономически слабые и колеблющиеся в своих убеждения обновленческие группы под впечатлением успеха староцерковников не перешли к последним и тем самым в корне не пресекли дальнейшую работу по расколу верующих и отходу их от религии» [18]. В 1927 г. «проблемная» церковь сгорела от молнии [19].

Нестроения возникали и внутри обновленческих приходов – например, как следует из писем Амурского епархиального управления церковно-приходскому совету Пророко-Илиинской церкви, после июня 1928 года община прекратила вносить на личное содержание архиерея 5–10 рублей ежемесячно. Между собой верующие жаловались, что архиепископ Николай «своими беседами и служениями производит непосильные расходы церкви, как то уплата извозчикам, за электричество и т.п.» [20]. Богослужения в Вознесенской церкви, с июля 1925 года выполнявшей функцию обновленческого кафедрального собора, часто отменялись из-за отсутствия регента, а в октябре 1928 года у местного налогового подотдела возникли вопросы по поводу вознаграждения священнослужителей, и он запросил у общины храма список всех сотрудников с указанием зарплаты [21].

К началу 1929 года, намного раньше официального прекращения деятельности ВЦУ, амурские власти разочаровались в обновленчестве и взяли курс на полное закрытие церквей и их дальнейшее использование как культурно-хозяйственных объектов. Храмы закрывались либо по заявлениям верующих, которые отказывались от дальнейшего пользования зданиями, либо в связи с тем, что община не могла нести расходы по содержанию зданий. Этот процесс был небыстрым, на каждое решение о закрытии верующие жаловались во ВЦИК, московские власти спускали указание разобратся в ситуации, и после этого церковь могли снова открыть. В фондах РГИА ДВ есть целый журнал регистрации таких заявлений, но узнать, чем закончилось каждое дело, прак-

Вознесенская церковь

тически невозможно — подробные документы отсутствуют, приходится ориентироваться на краткие упоминания в протоколах заседаний органов исполнительной власти Амурской губернии.

Ниже представлены доступные на сегодняшний день сведения о судьбах остальных приходских храмов города Благовещенска. Они не дают полной картины — например, о судьбе Покрово-Никольской церкви данных практически нет, известно лишь, что в феврале 1930 года решался вопрос о её закрытии [22], и оно, скорее всего, состоялось в эти даты [23]. Деревянная Никольская церковь на территории этого комплекса (памятник архитектуры областного значения) была передана на муниципальные нужды, снесена в декабре 1980 года.

Также в феврале 1930 года обновленцы отказались от пользования зданием Вознесенской церкви. Дальнейшая информация о храмовом комплексе на кладбище в архивах не найдена.

В ноябре 1932 г., после отъезда последнего обновленческого епископа Владимира Сычева, из ведения епархии была окончательно изъята загородная архиерейская дача с закрытием находящейся на ней домовой Успенской церкви и роспуском религиозного общества, в ведении которого эта церковь находилась [24].

В августе 1935 года городские власти муниципализировали Свято-Троицкий храм по причине «несостоятельности верующих содержать большое здание» [25]. В июне 1936 года этот храм сгорел — точная дата приводится в газете русских эмигрантов в Харбине «Наш путь»; по свидетельству корреспондентов, по-

жар, вызванный взрывом горючих веществ, которые в нём складировались, продолжался несколько дней, его было хорошо видно с китайской стороны [26].

Последняя действующая православная церковь Благовещенска, Пророко-Илиинская, была закрыта решением Благовещенского городского совета 7 мая 1938 года. С 1936 года священника в ней не было, службы вели сами прихожане [27].

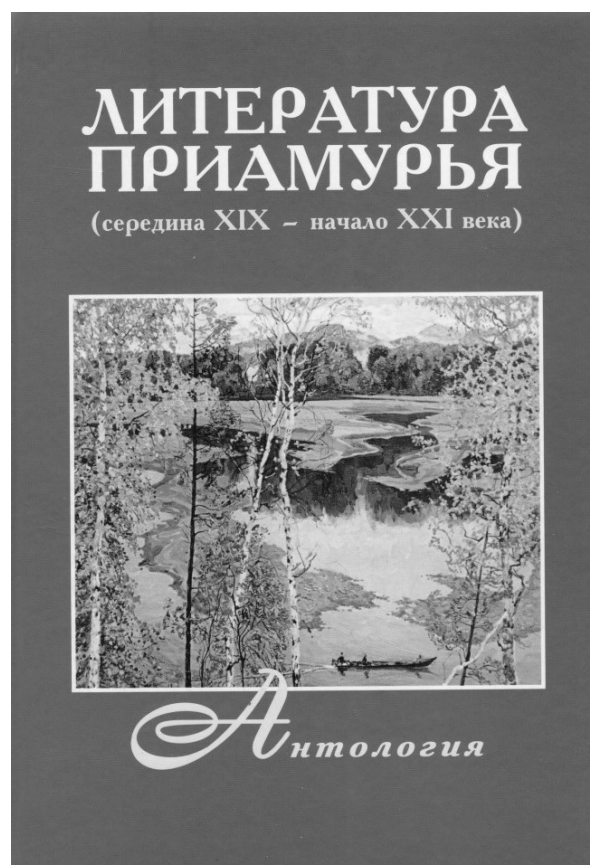
Дальнейшее исследование будет посвящено попыткам установить точные даты и обстоятельства разрушения Покрово-Никольской, Вознесенской и Пророко-Илиинской церквей. Возникает вопрос, почему качественно построенные, сравнительно новые каменные здания быстро пришли в негодность, и гражданские административные структуры предпочли избавиться от них вместо заявленного переоборудования под общественные нужды. Возможно, это было сделано, чтобы раз и навсегда устранить «яблоко раздора»: нет храма — нет проблем с верующими. Надеюсь, что более подробное знакомство с архивными материалами позволит пролить свет и на этот вопрос.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дело о постройке Благовещенского архиерейского дома, 1912 г. // РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 2632.
2. Клировая ведомость Благовещенского кафедрального собора (1907) // РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Д. 12.
3. Клировая ведомость Градо-Благовещенской Вознесенской церкви за 1919 год. Л. 1–2 // РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 4341.
4. Протокол собрания учредителей православной общины прихода Михаило-Архангельской церкви в г. Благовещенске (5 ноября 1923 – 7 марта 1924 гг.). Л. 53 // РГИА ДВ. Ф. Р-1771. Оп. 1. Д. 148.
5. Отчет о состоянии Благовещенской епархии за 1901 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1882.
6. Зернов Евгений Алексеевич (Епископ Благовещенский) // УФСБ АО. Д. П-65713. Л. 40 – 47.
7. Амурская правда. – 1922. – №355.
8. Протоколы заседаний 5-го объединенного съезда крестьян и казаков области за 1918 г. Л. 19 // ГААО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 13.
9. Цирюляры губревкома, губисполкома, губернского зем. управления...1923-1925 // РГИА ДВ. Ф. Р-1771. Оп. 1. Д. 84.
10. Новый архиерей // Амурская правда. – 1923. – №1006.
11. Прибытие нового архиепископа // Амурская правда. – 1923. – №1010.
12. Добрались и до церковников // Амурская правда. – 1923. – №1015.
13. Новые мученики Российские: Первое собр. материалов / Сост. протопресвитер М. Польский. – Jordanville : Типография преп. Иова Почаевского, 1949.
14. Мертвая церковь, а помыслы «живые» // Амурская правда. – 1924. – №1406.
15. Лавринов, В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей / В. Лавринов. – Москва : Общество любителей церковной истории, 2016. – С. 218–219.
16. Переписка с ОГПУ... // ГАРФ Ф. Р1235. Оп. 62. Д. 300 (6).
17. Сожженный храм. – Восток. – 1925.– №111 (1 августа 1925 г.) // Емельянов С. В. Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века. Биографо-энциклопедический справочник. – Благовещенск : АО «Амурская ярмарка», 2019. – С. 554.
18. Выписка из протокола заседания Президиума Амгубисполкома от 8 декабря 1926 г. // ГАРФ Ф. Р1235. Оп. 62. Д. 300 (6).
19. Холкина, Т. А., Чаюн, Л. А. Архитектурное наследие Благовещенска / Т. А. Холкина, Л. А. Чаюн. – Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», 2006.
20. Протоколы собраний верующих приходов Амурской области (1928-1929). Л.36–37 // РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Д. 183.
21. Амурская правда. – 1928. – №2649 (3 октября).
22. Журнал регистрации заявлений об открытии и закрытии церквей и молитвенных домов в крае. Л. 86 // РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1666.
23. Постановления Далькрайисполкома о закрытии церквей и молитвенных домов (1930-1936) // РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 443.
24. Протоколы №17–20 заседаний пленумов за ноябрь-декабрь 1923 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-1771. Оп. 1. Д. 102. Л. 163.
25. Постановления и протоколы заседаний президиума Амоблисполкома. 3 июля–23 сентября 1935 г. // РГИА ДВ. Ф. 3138. Оп. 1. Д. 104. Л. 234.
26. В Благовещенске пожар продолжается // Наш путь (газета русских эмигрантов, г. Харбин). – 1936. – №144 (907). 9 июня.
27. Информация Амурского облисполкома от 23 мая 1936 года // Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск : Частная коллекция, 2001. – С. 195.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Литература Приамурья (середина XIX – начало XXI века): Антология / под ред. А. В. Урманова; составление, подготовка текста, вступительная статья, примечания, биографические сведения об авторах А. В. Урманова. – Благовещенск : Издательство БГПУ, 2022. – 704 с.

Антология посвящена литературе Амурской области и охватывает более полутора веков её существования – с рубежа 1850–1860-х годов и вплоть до сегодняшних дней. В числе авторов, произведения которых в хронологической последовательности представлены в книге, такие известные писатели, как Пётр Комаров, Григорий Федосеев, Леонид Завальнюк. Но подавляющее большинство авторов имели и имеют сравнительно узкий круг читателей – в основном дальневосточников. Между тем среди них немало тех, чьё творчество заслуживает признания общероссийского: Леонид Волков, Фёдор Чудаков, Игорь Ерёмин, Николай Фотьев, Борис Машук, Владимир Илюшин, Борис Черных...

Представленные в антологии произведения при всей своей региональной специфичности, которая проявлялась прежде всего на проблемно-тематическом уровне, не являются автономным, а тем более чужеродным явлением в общенациональном литературном процессе. Литература Приамурья отразила, вобрала в себя многие его особенности, хотя порой и по-своему. Литературная жизнь Амурской области во все периоды своего существования множеством зримых и незримых нитей связана не только с литературой других регионов Дальнего Востока, но и с общенациональной классикой.

Книга адресована всем, кто хочет получить сравнительно полное представление о художественной литературе родного края, о наиболее значительных её проявлениях.

Е. А. АНДРЕЕВА,
ведущий библиотекарь отдела краеведения
и редких книг Амурской областной
научной библиотеки имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Ключевые слова: А. А. Фадеев, гражданская война в России 1917–1922 гг., Л. А. Антонова, Великая Октябрьская социалистическая революция.

Статья посвящена художественному воссозданию образа Александра Фадеева в романе амурской писательницы Любови Антоновой «Заслон». Л. А. Антонова с исторической точностью отражает на страницах романа революционную деятельность А. А. Фадеева в Приамурье.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОССОЗДАНИЕ ОБРАЗА А. А. ФАДЕЕВА В РОМАНЕ Л. И. АНТОНОВОЙ «ЗАСЛОН»

Роман благовещенской писательницы Любови Ивановны Антоновой (23.11.1909–19.06.2001) «Заслон» (1966), выдержавший два издания – в 1966 и 1973 гг., посвящён теме Гражданской войны в Приамурье. Перед читателем предстает галерея основных и второстепенных героев – пламенных коммунистов, готовых отдать свои жизни за общее светлое будущее. Часть героев романа – абсолютно реальные большевики, работавшие и сражавшиеся в Приамурье, и среди них – Александр Александрович Фадеев, который под партийным псевдонимом Булыга приехал сюда осенью 1920 года для создания молодёжных коммунистических ячеек.

Несмотря на юный возраст – на момент приезда на Амур Фадееву было лишь 19 лет – он уже успел пройти серьезную школу партизанской и пропагандистской работы. В романе об этом он скажет лишь короткое «я с семнадцати лет в партии и подчиняюсь её зову» [2, с. 320], но биография Фадеева за авторством Василия Авченко помогает подробнее узнать о первых шагах писателя в партии. В сентябре 1918 года Фадеев вступает в партию большевиков. Юноша волновался, и соратница Зоя Секретарева вспоминала его «тоненькую, совсем ещё ребячью шею» – ему

не было и семнадцати. Но коммунара все знали, в партию приняли сразу, без кандидатства.

В апреле 1919 года семнадцатилетний Фадеев бросает училище, где как раз начались выпускные экзамены, и уходит в партизаны под кличкой «Булыга» [1, с. 43].

Отдельно стоит прокомментировать выбранный Фадеевым псевдоним, который за время партийной работы настолько сросся с ним, что люди именно его принимали за настоящую фамилию. «Булыга – наиболее выразительный псевдоним. Он похож на подпольные имена будущих руководителей СССР – “Молотов”, “Сталин”, “Каменев”... Образный ряд тот же, но “Булыга” – не просто камень, а камень твердый, крупный. Глыба, валун, “орудие пролетариата”» [1, с. 23].

Саша Булыга в романе «Заслон» – герой второстепенный, и далеко не весь его партийный путь отражён в произведении – лишь короткий, но крайне продуктивный приамурский период. Первое появление Фадеева-Булыги в романе происходит намного позднее знакомства читателя с основными персонажами – Алёшей Гертманом, Шурой Рудых и Саней Бородкиным.

В поезде, движущемся по Северной Манчжурии, лежал «...на верхней полке тоненький

русоволосый юноша в штатском. Он машинально закрыл окно и глянул вниз синевато-серыми, обметанными тенями из-за дурно проведенной ночи глазами» [2, с. 84]. Вагон, в котором он ехал, был наполнен белыми офицерами. Вскоре они начали обращать внимание на молчаливого попутчика, и на него посыпались вопросы: «А вы, молодой человек?! Забились наверх и сидите, как сыч на суку, слушаете наши скучные разговоры» [2, с. 85]; «Может, вы путешествуете инкогнито? Или, мягко выражаясь, дезертируете от военной службы?» [2, с. 86]. И, несмотря на подчеркнутое спокойствие героя в общении с белыми («юноша **спокойно** выдержал этот взгляд» [2, с. 86], «капитан, подняв вверх глаза, встретился с **непроницаемо-ясным взором** Булыги» [2, с. 89]), на него падают подозрения – либо в дезертирстве, либо в шпионаже. Он общается белым офицерам, что он ещё слишком юн для призыва – его срок подойдет лишь в мае будущего года, и притворяется спящим.

Капитан Беркутов буквально ощущает, что молодой человек не так прост, как ему хотелось казаться: «Беркутов лежал на спине <...> и, скосив глаза, сверлил взглядом затылок Булыги. Ему очень не нравился этот **её** с крепко сжатými губами, не нравилась **сдержанно-вежливая** форма его ответов. Было похоже, что он внимательнее, чем следовало бы, прислушивался к речам нытика Городецкого <...>. Он сказал: «Встретимся в мае будущего года», а взгляд был пронизательным и дерзким, будто он хотел сказать совсем другое. Несомненно одно: он умнее, чем хочет казаться, этот мальчишка. И он почти с ненавистью вглядывался в русые волосы подозрительного пассажира: спит или притворяется?» [2, с. 90].

Чувствуя на себе пристальный взгляд, Булыга решает завязать разговор с Беркутовым и попытаться развеять его подозрения. Ему удастся убедить капитана, что он не отправляется в «большевистский рай» – Благовещенск, а с большой неохотой едет к тетушке и был бы крайне рад найти себе другое занятие. Он изобразил огромную радость от предложения поработать на белых и даже взял у Беркутова харбинский адрес, по которому мог бы обратиться за работой. Теперь молодой коммунист уже не пытался оставаться непроницаемо-спокойным, а делал ставку на свой юный возраст и изображал детскую непосредственность. В этот момент «серовато-синие глаза Булыги выражали **так много чисто детской доверчивости**, что у Беркутова отлегло от сердца» [2, с. 94]. В разговоре «Булыга **вторил ему, сияя глазами и тоненько, по-девичьи, взвизгивая**. Его густые, зачесанные на пробор

волосы растрепались, над **пылающими щеками ярко просвечивали крупноватые для этой мальчишеской головы и необычайно нежные уши**» [2, с. 94-95]. И все подозрения Беркутова полностью развеялись. Теперь он даже раскаивался в том, как плохо подумал о новом знакомом: «**Да это ребёнок, совсем ребёнок** и к тому же **премилый**... Как я мог о нём такое подумывать?» [2, с. 95].

Из этой поездки Саша Булыга вынес важную информацию – дела в стане белых хуже, чем можно было предположить со стороны, но это совсем не повод расслабляться. С большим воодушевлением он думает местах, где ему предстоит работать.

Прибыв в Харбин, он снова ощущает, что привлекает внимание и вызывает подозрения. Только теперь он встречается не с идейными противниками, а с соратником – политработником Борисом Ждановым (настоящее имя Василий Дмитриевич Калинин). Вызвав друга у друга большие подозрения, коммунисты поспешили разойтись, и, уходя, Жданов подумал о Булыге: «**Забавный, однако, парнишка. Похоже, что он умеет читать чужие мысли**» [2, с. 112]. Конечно, Фадеев мыслей не читал, но особая проницательность и способность сохранять спокойствие в критических ситуациях не раз выручали его и в реальной жизни, и на страницах романа «Заслон».

После встречи со Ждановым у Булыги остаётся немного свободного времени до отбытия парохода. Он «...с тревогой подумал о своих друзьях, уехавших осенью из Владивостока. Живы ли и где они теперь? Где ты, черноглазый и ясный, как полдень, Гриша Билименко? Где медлительный в движениях и не по летам рассудительный Петя Нерезов? Где «славный молодой человек» – как он любил называть себя в шутку – Саня Бородкин? Все ли ещё вместе “три мушкетера”? Помнят ли они ещё своего верного д’Артаньяна?» [2, с. 114]. Все упомянутые Булыгой лица абсолютно реальны – это его друзья и собраты по Владивостокской коммуне. Также реальны и соратники, с которыми он сел на пароход «Чайна» – двоюродный брат Игорь Сибирцев под фамилией Селезнёв и Тамара Головнина по паспорту латышки Амалии Мальвине Нератнис. После прибытия парохода в Благовещенск читатель прощается с Булыгой до второй части романа.

В первой главе второй части романа Алёша Гертман впервые встречает Булыгу-д’Артаньяна, о котором уже наслышан от Сани Бородкина. Однако при первой встрече он так и не узнает, кто именно стал пассажиром на катере «Комета». В облике его Алёша увидел что-то смутно знакомое: «**Был он высокий и тоненький, большеухий, с узким обветренным лицом и пытливым взглядом серовато-**

синих глаз, показавшихся Алеше знакомыми» [2, с. 202]. Булыга сразу же расспрашивает Алёшу о том, состоит ли он в комсомоле, как понимает его задачи. Сам представляется так: «Словом, я из оргбюро РКСМ и это мой район» [2, с. 203].

Только в Благовещенске Алёша узнает, что его безымянный пассажир и есть тот «д'Артаньян», о котором он столько слышал раньше. В облкоме он становится свидетелем воссоединения Булыги, Нерезова и Бородкина. Впервые в этой сцене раскрывается эмоциональная сторона Булыги – если раньше он был спокоен, внимателен и проницателен, то теперь он ярко выражает радость от встречи. Так описала Любовь Антонова встречу Булыги и Нерезова: *«Ребята тискали друг друга в объятиях, хлопали по плечу, смотрели в глаза, обнимались снова. Оба они были растроганы до слез, оба пытались скрыть это и потому смеялись»* [2, с. 221]. Впервые в романе Булыга смеётся *«звонко, заливисто»* [2, с. 221], и, несмотря на все трудности, радость не покинет его вплоть до нового, уже окончательного расставания с друзьями.

Начинается работа Булыги по организации комсомольских ячеек в Приамурье. Благовещенск, Забурхановская слобода, Свободный, Нерчинск, Ерофей Павлович – везде он успел побывать и вдохновить молодёжь на вступление в комсомольские ячейки. На одном из выступлений перед молодежью Благовещенска он произносит «программную» речь, в которой концентрируются основные идеи его понимания борьбы комсомольцев за грядущее общее благо: *«Все достижения науки станут доступны трудящимся, тем, кто строит новое общество. Иначе не может быть! За это умирают наши отцы и братья и, может быть, умрём мы сами»* [2, с. 248]. Не только к смерти за идею, но и к активной жизни и труду готовит молодёжь Фадеев-Булыга: *«Да, среди амурцев было немало героев, и будущие герои есть среди вас. Но ещё мы должны думать и о мирном строительстве нашей республики»* [2, с. 248]. Автор отмечает, что если Булыга и не был искусным в речевых средствах оратором, то, несомненно, был оратором вдохновенным, искренне верящим в светлое будущее. Своей безусловной верой в торжество равенства и справедливости он заражал сердца юных амурчан.

Саша Булыга проявлял себя и в труде – без сомнений брался за самый разный физический труд. Он помогал вести хозяйство семьям, в домах которых останавливался в рабочих поездках, ударно работал на субботниках и трудовых десантах в пользу голодающих.

Особое место в романе занимает история о том, как комсомольцы отправились на захват братьев-контрабандистов и разбойников Кузиных. Мушкетёры и д'Артаньян пошли мёрзлым болотом. *«Булыга, тонкий, голенастый, прыгал с кочки на кочку. Парень здорово пообносился. В облкоме ему исхлопотали какую-то куртку, но он не успел её получить, только вечером приехав из своего района. В этой операции Булыга мог бы не участвовать, но разве мог он отсиживаться у печки, если пошли «братъ бандитов» Бородкин и Нерезов?»* [2, с. 273]. Не первый и не последний раз в романе Булыга готов без сожалений пожертвовать и личным комфортом, и личной безопасностью ради общего дела.

В пути друзья заглушали ощущение близящейся опасности ребячеством:

«... Булыга ткнул его под ребро. Они оба упали и со смехом покатались по редкой, иссушённой ветрами и заморозками осоке.

– Смерти или живота? – грозно спросил Нерезов, прижимая к земле вьюном извивающегося Булыгу. – Смерти или... – Но Булыга уже вывернулся и надел сверху, подмяв под себя коренастого, крепко сбитого Петра. Заливаясь смехом, он вполголоса пропел:

– Май кэт, май литл, май пусс кэт... – и потребовал: – а ну пой дальше» [2, с. 274].

Из опасного предприятия все они вернулись невредимыми, несмотря на то, что потеряли бдительность и всё же попали в ловушку в доме семьи Кузиных.

Далее последовала встреча Булыги с Сибирцевым и Головниной. Они уходили на фронт. *«Саша тоже рвался на фронт, но он был моложе Игоря и Тамары, уступчивее, мягче...»* [2, с. 276]. Но от намерения воевать он не отказался, хоть и решил закончить начатую работу в амурском комсомоле. После прощания с Тамарой и Игорем Саша думал о недалёком будущем. *«Есть время собирать камни, есть время и бросать их», – пришли ему вдруг на память слова древнего Екклесиаста. Сумрачные глаза Булыги посветлели. Да, это время для него уже наступило»* [2, с. 276].

Вновь начались дни агитации и выступления. Саша Булыга в этой среде чувствовал себя настолько комфортно, что мог начисто забыть о насущных бытовых потребностях. Так, работая с молодёжью в Забурхановской слободе, он остался в очень изношенной одежде и обуви, от холода и переутомления ему стало нездоровиться, и окружающие с сочувствием это подмечали, но Булыга не желал прерывать своей работы даже на короткий срок:

«Настасья Карповна <...> станет опять сокрушаться, что он “тонок, как хворостиночка”, что тужурка у него хоть и стеганая,

да коротка, что фуражка исхлестана дождями и ветрами, а ботинки, хоть и крепкие, но в зиму им несдобровать. <...> Даже презиравший нежности и сентименты Вениамин <...> неожиданно сказал:

– Отлежись день-другой, а то свалишься. Климат наш, что ли, тебе не по нутру? – Он даже хотел позвонить какому-то доктору, чтобы тот осмотрел «ответственного работника облкома», но Булыга обернул все в шутку:

– Пускай медведь в берлоге отлеживается, у него жира много, а комсомолец должен быть поджарым, на ногу легким. – На этом забота о здоровье и кончилась; не то время, чтобы, сидя у печки, микстурки глотать» [2, с. 280–281].

Несмотря на намерение вскоре уйти на фронт, агитационная работа тоже вызывала у Булыги воодушевление. Он находил те слова и примеры, которые поднимали молодёжь на устройство новой жизни:

«Разрумянившийся, с папирской, сунутой кем-то из ребят, Булыга не успевал отвечать на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. Быть может, чаще, чем обычно, употребляя своё “так сказать”, он говорил об организации, из-за которой <...> с головой не жаль расстаться. Его слушали, как заворожённые.

– Про отцов, про братьев ваших старших песни, легенды в народе будут жить. А вы, кто воевать был молод, чем станете гордиться? Да тем, что не простояли в сторонке, а засучили рукава и принялись, так сказать, за дело. Сегодня вы создадите клуб рабочей молодёжи. Завтра придёте в него с тетрадками и станете овладевать грамотой, которая ещё вчера была недоступна вам...» [2, с. 303].

Времени на себя у агитатора совершенно не оставалось – он часто работал без обеда и ужина, ночевал в облкоме. Пётр Нерезов говорил об этом так: «День у него долгий – в полночь краем врезаются. Кулак под голову да в облкоме и переспит» [2, с. 305]. Но, осознавая близость прощания с друзьями, «...всё своё свободное время он отдавал “трём мушкетерам” перед новой и долгой разлукой» [2, с. 308].

Лишь один раз в сюжете романа Булыга вспоминает о своём детстве – в остальное время его мысли заняты настоящим и будущим. Но даже короткое воспоминание о юных годах, проведённых в деревне Чугуевка Приморского края, может вызывать в Саше светлую грусть – ещё несколько лет назад он был ребёнком, а теперь на его плечах лежит ответственность за амурский комсомол:

«– Я, когда был маленький, – рассмеялся Булыга, – свято верил: забегаешь допоздна на улице – выскочит из подворотни веник и заметёт домой.

– Видать, в деревне росли? – деликатно осведомилась Карповна.

– В деревне. Чугуевкой деревня та прозывается. – Лицо его на миг стало мечтательным и грустным» [2, с. 306].

В редкий час отдыха Булыга находит дневниковые записи Петра Нерезова. Он не может удержаться, и к последней записи о вступлении в партию добавляет приписку: «И по миру всему в эти дни расцветала красной жизни весна!» [2, с. 315]. За настоящий рассвет новой жизни ещё предстоит бороться всей страной, но уже в этой фразе есть предвидение судьбы Булыги-Фадеева – воспеть весну красной жизни в художественном слове.

Наконец, приближается время ухода Булыги на фронт. Деятельный и порывистый работник амурского комсомола Вениамин Гамберг обвиняет его в выборе «проторенного пути» и побеге от сложностей агитационной работы в районах. На защиту Саши становятся друзья-«мушкетёры». Так, Пётр Нерезов уверен в следующем: «Булыга хочет идти на фронт. Кто вправе удерживать его в тылу? Я этого парня знаю. Он не из тех, кого водят на помочах. <...> В оправдании ни в моём, ни в твоём Булыга не нуждается» [2, с. 318]. А сам виновник раздора, получив вызов на бюро облкома, говорит: «Гудеть, так сказать, будут ребяташки. <...> А ведь каждый, окажись на моём месте, поступил бы точно так же» [2, с. 319].

На бюро облкома Гамберг требует от Булыги отчёт по проведённой работе в районах. За такой короткий срок невозможно было добиться серьезных результатов, и Булыга не преувеличивает своих заслуг: где-то ему удалось организовать «первички», в других местах – найти и оборудовать помещения для сбора комсомольцев. Основная работа ещё предстояла его преемникам. После получения отчёта Гамберг пытается оставить Булыгу в облкоме, но тщетно:

«– Бюро облкома отменяет ваше решение. Тебе придется подчиниться.

– Это невозможно, – спокойно ответил Булыга, и только по его потемневшим глазам можно было догадаться, чего стоило ему это спокойствие.

– Это невозможно, – повторил он, – завтра мы уходим на фронт! – Он повернулся и, четко чеканя шаг, направился к двери. Все молча смотрели ему вслед. В дверях Булыга обернулся. – Жаль, что мы так расстанемся, ребята, – сказал он, и впервые за весь вечер

в голосе Булыги прозвучали тёплые нотки. – **Но я с семнадцати лет в партии и подчиняюсь её зову.** Верю: когда-нибудь вы меня поймёте. – Он притворил дверь так осторожно, будто боялся причинить ей боль. Потом в коридоре прозвучали шаги и стало тихо. **Все поняли, что он ушёл навсегда»** [2, с. 320].

Этот вечер действительно стал последней встречей Булыги с амурскими друзьями и соратниками. И это – последнее появление героя в романе. Но позднее вспомнит о нем Алёша Гертман в разговоре с Саней Бородинским за несколько минут до кульминации романа – Казакевичевского боя:

«– *Послушай, Саня, я давно хотел тебя спросить, где теперь Булыга?*

Бородинский глянул на Алёшу с удивлением:

– *Вот странно, что ты заговорил о нём в такое время, когда и я думаю неотступно. Мне всё кажется: подойдёт подкрепление, и я встречу с его двоюродным братом Игорем, а потом буду писать об этом д'Артаньяну в Москву.*

– *Почему в Москву?*

– *Он там в Горной Академии учится. Мы с ним, как говорится, от молодых ногтей...*» [2, с. 378].

После Казакевичевского боя из 28 героев-тербатовцев в живых чудом останется лишь Вениамин Гамберг: остальные либо погибли в бою, либо попали в плен и были убиты в тот же день, даже под пытками не выдав офицерам Сахарова информацию. После расправы над тербатовцами о Булыге вновь вспоминают – уже белые. При объезде территории боя капитан Беркутов рассказывает генералу Сахарову о первой встрече с коммунистом Фадеевым:

«– *В Маньчжурии у меня была встреча: ребёнок, глаза, как у Леля, и... запоминающаяся фамилия: Булыга. Он мне врёт – я ему верю, так натурально у него всё получается. Потом узнаю: в Благовещенске заворачивает комсомолом.*

– *Любопытно!*

– *Попадается мне фотография съезда так называемой «красной молодёжи Амура», вижу старого знакомого, но ищи ветра в поле.*

– *Фотография чепуха, всегда можно ошибиться.*

– *Нет, не роковое сходство, не двойник! Он. И под Карымской снова мимолетная встреча, а он уже комиссар, и они гонят нас из Забайкалья»* [2, с. 395].

Эти упоминания Булыги-Фадеева перед кульминацией и после неё совершенно неслучайны: именно на его судьбу выпадет обязательство перед первыми коммунистами страны – обязательство сохранить память об их подвигах во имя строительства новой жизни.

Важно отметить, что при изображении коммунистов в целом и Саши Булыги, в частности, автор использует лишь несколько постоянных определений (в полном смысле слова их нельзя называть эпитетами, т.к. они лишены образности), указывающих на их основные качества – умение брать себя в руки в трудных ситуациях, небезразличие к общему делу, закалённость характеров. Красота их внутреннего мира наиболее ярко выразилась уже в сцене Казакевичевского боя и допроса после него. В этом на художественном уровне проявляется различие коммунистов и белых офицеров. Офицерство изображено ярко, автор активно использует эпитеты, метафоры и сравнения, изображая их быт и описывая их воспоминания, размышления. Персонажи-коммунисты же при всех своих положительных чертах не выглядят идеальными героями, не становятся бронзовыми фигурами – они ошибаются и спорят, делают скоропалительные выводы, иногда чрезмерно резки в суждениях, но именно это и делает их образы живыми, многогранными. Таков и образ Саши Булыги, героя второстепенного, но крайне важного для идейного и событийного плана романа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авченко, В. О. Фадеев : жизнь замечательных людей / В. О. Авченко. – Москва : Молодая гвардия, 2017. – 366 с.
2. Антонова, Л. И. Заслон : роман / Л. И. Антонова. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1973. – 400 с.

П. А. САВИНКИН,
председатель Амурской областной
общественной писательской организации
Союза писателей России

«МОЙ ДРУГ – ХУДОЖНИК И ПОЭТ...»

Вот возьмём, к примеру, Николая Романовича Левченко. Он кто? Писатель или художник? (Про то, что он вообще-то врач, я промолчу: мало ли у человека заблуждений по жизни?). Известен он поначалу стал как замечательный акварелист. За его прозрачными акварельками даже известные коллекционеры гоняться стали, уже и выставки одна за другой последовали – то в музее, то на других выставочных площадках... И вдруг – тадан! Он становится лауреатом губернаторской премии за сборник стихов! Никто и не ожидал! Даже известные стихоплеты, почесав затылки, согласились: а и действительно, хорошие стихи...

И всё бы ничего, – ну, примкнул к рядам поэтов, подумаешь, очередная блажь... Так нет же, Николай Романович ещё и в прозу ударился! Видать, решил примкнуть к стройным рядам, в которых числятся литераторы-медики Михаил Булгаков, Аркадий Арканов и иже с ними.

При этом не перестает радовать окружающих всё теми же симпатичными акварельными пейзажами.

Вот и думай: кто же Николай Романович – художник или литератор (про медицину – молчу)?

А кем в полной мере прикажете считать Владислава Петровича Афанасьева? Ну, то, что художник – оно и по внешнему виду понятно: вечно при галстучке, при понтовом платочке в кармашке модного пиджачка, при остроносых «корочках», при хорошем «верстовом» одеколоне («верстовом» – это потому, что за версту чувствуется). А ещё и картин всяких написал – вся мастерская до потолка забита, в запасниках музея места уже нет... Академик, опять же, Академии художеств России! А вот поди ж

ты – и он совместил кисть с пером и написал очень даже интересную книгу воспоминаний. Самая настоящая картина нашей жизни в прозе. Всем воздал в ней по заслугам – и друзьям, и недругам, – благо, этих на жизненном пути попадалось немало, даже книга толстой получилась...

Примеров таких, когда литератор берётся за кисть и карандаш и наоборот, когда художника озаляют рифмы и прозаические откровения, в амурской культурной жизни немало – как-нибудь посвятим этому отдельную публикацию.

А сегодня хотелось бы отметить, что две амурские общественные организации – Союза художников РФ и Союза писателей РФ – движутся по культурному полю области рука об руку, как близнецы-братья. Не всегда и разберёшь, кто из них кто... Не так давно эти союзы отметили круглые даты – 40- и 45-летие со дня образования.

И все эти годы создавали произведения во славу Амурской области. Нет смысла считать, сколько полотен написали художники Виктор Суриков, Василий Семенихин, Александр Жигалов, Владимир Красников (и мн. др.) ... С их картин на мир смотрят строители БАМа и ГЭС, хлеборобы и геологи... Коротко говоря, в их живописных работах живет наша жизнь. По их полотнам можно изучать историю Амурской области. Их картины рассматриваешь, будто читаешь книги!

А сколько повестей, рассказов, поэтических творений во славу области написали Борис Машук, Николай Фотьев, Игорь Игнатенко, Владислав Лецик, Владимир Куприенко (и мн. др.). Со страниц их творений на мир

А. Жигалов. Дорога на завод, 1980-е

смотрят строители БАМа и ГЭС, хлеборобы и геологи. Коротко говоря, в их литературных опусах живет наша жизнь. По их произведениям можно изучать историю Амурской области. Читая их книги, будто рассматриваешь живописные полотна!

Так что, художник в душе – всегда поэт и прозаик.

А писатель – самый настоящий живописец!

Есть на полотнах художников и портреты литераторов.

Так что, стоит ли удивляться тому, что и литераторы пишут портреты художников? Несколько из этих портретов мы и предлагаем вашему вниманию.

Волшебная палитра

Вот накоплю денег, придду к Жигалову и, набравшись смелости, рубану с плеча – мол, продайте мне вашу палитру!

Александр Иванович, знамо дело, удивится: дескать, на кой Паше сдался рабочий, по сути, инвентарь – весь в мазилках – разводах красковых да в подтёках растворительных... Это ж не полотно, на века написанное, путь к бессмертию проложившее, а так, дощечка простецкая с дырочкой для пальца. Что в ней ценного?! Ну разве что та самая дырочка... Это он так пошутит, и мы вместе с ним посмеёмся.

Он вообще человек открытый, улыбчивый и юморной – с ним очень легко общаться. Но это уже лирическое отступление, а я возвращаюсь к палитре.

Так вот, – удивится Александр Иванович моему предложению, и брови-то высоко поднимет, и глазами-то вроде как непонимающе

сверкнёт, и руками-то всплеснёт, – но удивится-то на самом деле больше для вида, чтобы цену кусочку фанеры разрисованному приподнять. А и то: понимает Александр Батькович, что цены-то палитре как раз и нет: ведь именно в этом кусочке фанеры и живут все жигаловские полотна – малые и большие, этюды и наброски, и уже готовые картины, и ещё только задуманные.

Палитра художника Александра Жигалова – это, отмечу без обиняков, – вся его творческая биография. Можно изучать его деятельность по картинам, можно долго листать альбом его произведений (очень большой, толстый и тяжёлый, доложу я вам, альбом), а можно просто взять в руки эту фанерную пластинку, на которой он смешивает краски, посмотреть на неё (но внимательно, вдумчиво, проникновенно!), и там, в ней, в её сути и познаешь Жигалова – и его характер, и его привязанности; прочтёшь его планы – уже свершившиеся и те, что вот-вот; почувствуешь и его неиссякаемый юмор, и его скрупулёзность в подходе к разрабатываемой теме.

Вот рассматриваю я уголок этой фанерки – и вижу огромный, с город величиной, заводиче. Metallурги суровые с лицами закопчёнными плавкой правят, кругом ритм рабочий – искры летят, стружки калёные. Красота! А вот трамвайчик весёлый по рельсам мчит – рабочие на смену торопятся. И вагоновожатая – экая симпатяга! Да это ж жена художника! О, что углядел я в палитре! Секрет модели разгадал...

А ещё на той палитре можно увидеть и тугие туманы Камчатки (бывал я в тех краях, потому и узнал сразу), и будни камчатских рыбаков, и бамовских мостостроителей, и...

А. Жигалов. Рыбаки Камчатки

В самой же серединке палитры – семейная сага Александра Ивановича. То портрет сына, то вот они с супругой (молодые ещё, ещё семейная жизнь только налаживается) бельё на морозе развешивают. То вот вся семья у окна вагона смотрит на проплывающие пейзажи – видать, возвращаются откуда-то... А то вот матушка художника – Клавдия Александровна. Взгляд глубокий и мудрый. По этому портрету и видно, в кого сам художник удался... Семье

у Александра Ивановича, особенно хранительнице очага – супруге Надежде Николаевне – особое внимание в творчестве.

Вот пишу эти строки, а сам всё подумываю, что, пожалуй, не буду приставать к художнику с просьбой уступить мне палитру. Это же, согласитесь, как всю творческую биографию взять и отринуть от себя... Пусть даже и приличному человеку.

Нет, не буду.

А. Жигалов. Хозяйка вагона, 1980-е

А. Жигалов. В устье реки Камчатки. 1987 г.

На свет Александр Иванович Жигалов появился в 1952 году. Заслуженным художником России стал не сразу, для начала пришлось окончить художественный факультет Дальневосточного института искусств, потом поработать на Урале, переехать в Благовещенск, а уж только потом стать знаменитым.

Автор жанровых картин, пейзажей, портретов и чего-то многого ещё. Сейчас натюрморт пишет: лилии в палисаднике расцвели. Загляну вот на днях, посмотрю, как это на палитре отразилось...

У времени в плену

Сергей Анисимович Сидоренко и слава ходят по разным улицам, которые не пересекаются. Слава – та любит тех, кто её не чурается, кто о себе погромче не прочь заявить, перед властями покрасоваться, орден на лацкан повесить, что там еще... А Сергей Анисимович – человек негромкий, спокойный, ему больше в радость по своему двору пройти, в себя углубившись, а потом – к мольберту, и воплощать на холсте то, что в голове складывается. Про мольберт – это я условно: не всегда он под рукой случается, иной раз и на клочке бумаги карандашом быстрый эскиз сделает, кажется, раз-два, быстрая линия на бумагу ложится, пара секунд – и – оп-паньки! – уже и картина будущая проявляется, городская окраина, избушка чья-то в снегу, портрет чей-то, да мало ли...

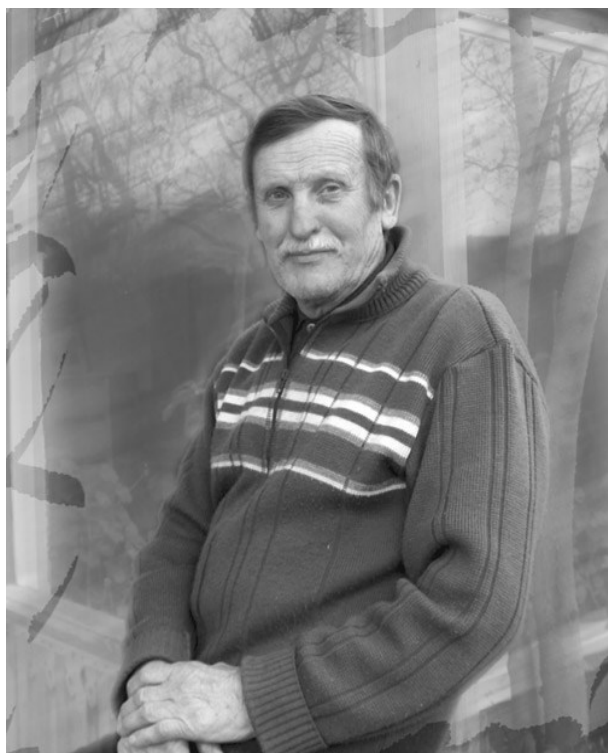
Набросков этих у него, эскизов всяких (которые зачастую и как настоящая картина выглядят) – смотреть-не пересмотреть, он ведь с карандашом никогда не расстанется, и чуть

что заметит такое, что привлекает его внимание, тут же и заносит в долгую память!

Листаю его эти самые эскизы – и будто в историю окунаюсь: вот беглые, совсем-совсем скорые штришки – группка людей на остановке – не прорисовано, так, линии и черточки набросочные, намеки... Но у девушки – шапочка, какие носили в 60-е, парень рядом в лыжном костюме – такие костюмы только в советское время можно было увидеть! Или вот дама в небрежно-грациозном повороте головы... Экая шляпка, и в современном кино уже такое не покажут! И потихоньку растворяешься в том времени, оказываешься у него в плену, и, как и те персонажи, что на набросках, ждёшь автобуса – вон он, только из-за поворота появился, и стоишь, переминаясь с ноги на ногу у зимнего костерка, у которого греются бамовские строители, и тонешь в глубоких девичьих глазах...

Природы много на работах Сергея Анисимовича. Он не из тех, кто засиживался в мастерской. Мастерская – это уже та лаборатория, где все уже названные наброски превращались в картины. Тут уж к нему не подходи, тут уж он – весь глубоко в себе, и ни телефонов, ни праздных разговоров не признает.

А так – чуть свободная минутка, вместе с женой, тоже художницей – Татьяной – на машину и в лес, в поле, на речку – наблюдать природу, разговаривать с ней, благо, что язык её понимать с давних пор научились вместе. И пока, например, сам Сергей Анисимович удочку разматывает, чтобы пескаря какого для кота поймать, Татьяна то куст лимонника, то

С. А. Сидоренко

корень саранки выкопает, да бережно в ведро переложит – у них дома не огород, а самый настоящий сад, но при этом – из дикоросов. Очень даже красиво, поверьте на слово, я по этому саду бродил – в нем хорошо с Сергеем Анисимовичем неспешные разговоры вести.

Сергей Анисимович рассказывает о своем трудном детстве – пришлось аккуратно на войну, а жил он в то время на Украине, так что лихолетье вросло в его сердце и душу. Одна из его последних художественных работ – её можно было в своё время увидеть на выставке «Последние залпы» в выставочном зале – триптих о детстве, о пережитом. Очень горькая картина. Хотя и говорится, что из памяти у человека с возрастом стираются самые сложные моменты, но как из неё вычеркнуть сиротство, голод, лишения? Заноза, всё едино – остаётся...

Но вообще, большая часть сидоренковских работ – жизнерадостная. Человек он такой, во всём видит светлое. Тут достаточно с его картинами познакомиться – и всё становится ясно.

Родился Сергей Анисимович Сидоренко в с. Чернево Глуховского района Сумской области в 1942 г. В 1968 г. окончил владивостокское художественное училище.

Награждён Серебряной медалью ВТОО СХР.

Основные жанры в творчестве: пейзаж, портрет, тематическая картина. Участник областных, региональных, республиканских выставок.

Живых пейзажей обаянье

Юрий Иванович Цепляев редко когда на свои полотна допускает человека – он все больше чистым пейзажем интересуется, душой природы окружающей.

С. Сидоренко. Счастливые

Посмотришь на иную его картину, думаешь, да я же вроде тут бывал... Вот и мосток не очень надежный, и домишко чуть вдали окошком еще незаставленным светится... Да это ж буквально под городом, чуть вправо от дороги если...

– Точно, – соглашается художник. – Это Верхнеблаговещенское, всю округу там обходил, смотри, вон еще пейзажи из тех же мест. У нас тут под боком такие виды – сказка, смотреть только нужно повнимательнее! На все – как в первый раз!

А и точно: иной пройдет мимо стожка и красоты не заметит – подумаешь, трава сухая... А у Юрия Ивановича таких стогов на полотнах чуть ли не два десятка, и все разные, и так изображены, что, кажется, дотронься – и зашуршит припорошенное снежком сено! И такое впечатление, будто только-только человек тут побывал: может, крепежку подправил, может, клочок сенца выдернул – для саней... Ну, то есть живые они, картины Юрия Ивановича...

Чудодействует он над каждым полотном не торопясь, вдумчиво, мазок кладет так, что уже больше ни отнять, ни прибавить, и каждый последующий картину все больше оживляет. Она будто дышать начинает.

Пейзажи – да все в основном лесные – Юрий Иваныч, думаю, пишет все больше потому, что по первому образованию он – работник лесного хозяйства. Вдали от здешних мест, в глубинке воронежской, отучился он в техникуме лесоводческом, да и пошел потихоньку по этой стезе. И стал бы министром всего лесного хозяйства страны, да после службы на флоте судьба по-иному распорядилась.

Вы, поди, сразу и предположите, что, значит, по другому образованию он – живописец. А вот и нет! Юрий Иванович – не профессиональный художник, а любитель. Но любитель-профессионал! Нет за его плечами учебы академической, до всего в науке живописания дошел сам опытным путем...

И вот сейчас, находясь на пенсии с кистью и мольбертом не расстаётся! Помните, его музейно-выставочный проект «Времена года», когда каждые три месяца он в Доме Саяпина на суд зрителей выставял по 40 полотен, по которым и можно было сверять смену тех самых времен?!

А вообще выставок персональных у него не счесть, круглый год его работы можно встретить на самых разных площадках города – и в библиотеках, и в музее, и в учебных заведениях.

Ну а по жизни то он вообще-то следователь высокого класса. Более тридцати лет жизни отдал работе в милиции. Про него даже в журнале «Советская милиция» писали (кстати, было это ровно 45 лет назад – тютель-

ка в тютельку)!

– Да как же удавалось совмещать – и поимку нарушителей норм социалистической морали – всяко-разных отщепенцев, расследование дел всяких заковыристых, планирование и организацию работы УВД – и живопись? – удивляюсь я, рассматривая его картины, которыми увешаны все стены мастерской.

Юрий Иванович на такую непонятливость только посмеивается, поясняет, что живопись-то как раз и помогала сосредоточиться на решении сложных задач-головоломок.

А жилку живописную он в себе почувствовал с малолетства: нарисовал еще в первом классе лошадь – даром, что ли из тех мест, где знаменитых орловских рысаков разводят... Нормальная лошадь получилась, похожая! С четырьмя ногами! Тогда-то и понял, что заложена в нем нотка живописная.

Шутки шутками, но сегодня Юрий Иванович известен как постоянный участник областных, зональных, всероссийских и международных выставок, лауреат 2-го и 3-го Всесоюзных фестивалей народного творчества; награжден серебряной (2013 г.) и золотой (2014 г.) медалями «За вклад в отечественную культуру» ТСХР.

Родился Юрий Иванович Цепляев 16 февраля 1943 г.. Окончил Хреновской лесотехникум. После службы в ВМФ окончил Воронежский государственный университет, получив высшее юридическое образование. В 1977–1980 гг. проходил обучение в Академии МВД СССР.

В общем, самое, что ни на есть художническое образование, правда же?

Эхо далеких снегов

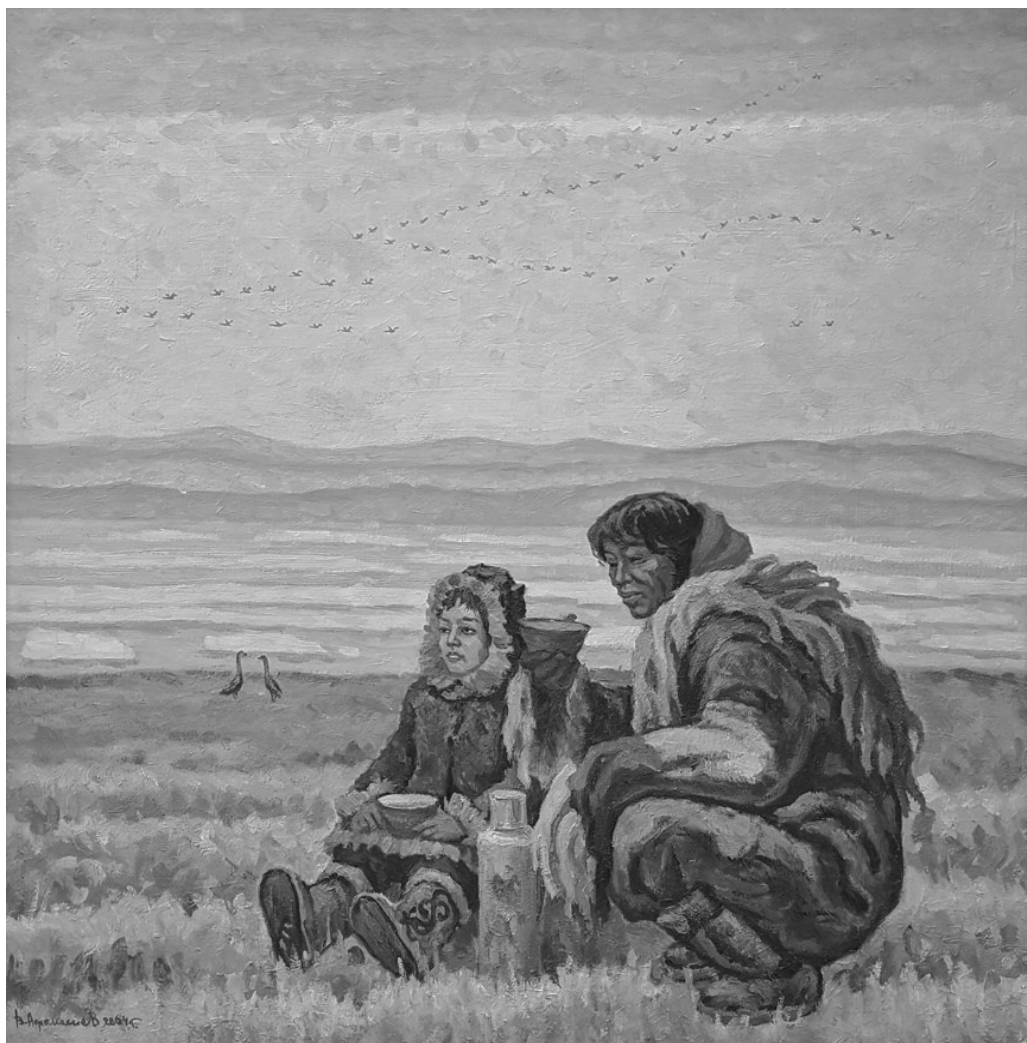
Владислав Петрович Афанасьев – рассказчик от бога! Ему бы в писатели податься, а он вот художником стал. Хотя, с другой стороны, если б он был писателем, мы, наверное, не переставали бы восклицать: «Вот если б он в художники подался!...» Но это лирическое отступление.

Так вот, он часами может рассказывать о быте тружеников Севера, среди которых прожил долгое время, собирая материалы для своих полотен, записывая, зарисовывая в свои блокноты, на свои листы мельчайшие подробности жизни людей, которых называют «малыми народностями».

В снегах-во льдах ночевал (это фигурально выражаясь, а то подумаете, что спал по полгода: столько в тех краях длятся ночи...), долгие километры по тундре в поисках сюжетов исходил, как упряжками собак и оленей управлять разумеет не хуже тамошних погонщиков-каюров, как поймать на удочку кита – знает

В. Афанасьев. Труженики Беринговоморья

В. Афанасьев. Весна в тундре

(наживка только нужна правильная!) ... По секрету скажу, он до сих пор, колдуя над очередной картиной, мурлычет себе под нос, как истинный чукча, какую-нибудь проникновенную северную песнь.

— Однажды, — рассказывает Владислав Петрович, — отправились на дальнее оленьё пастбище. Председатель тамошний попросил меня нарисовать портрет знатного оленевода. Ну, у меня в одной руке сумка с красками, кистями, прочими причиндалами, в другой — приспособление для холста, его и мольбертом не назовёшь, — какие в тех диких местах мольберты?! Ну и тронулись в путь. Где на санях, где бегом за санями... Романтика, чёрт бы её... Мороз-то знаешь какой?! И вот время ночёвки. А вокруг — заснеженная тундра. А в небе даже и не звёзды, а осколки льда! Это уже потом, на Большой земле я всё рассказывал, мол, белое безмолвие, мол, северные сияние, мол, вокруг Вселенная, а ты — её центр... А там, когда нос от мороза вот-вот отколется, так и думаешь, чёрт бы побрал эту романтику!

Но продолжаю. Устраиваются чукчи на ночлег, раскатывают свои спальники. А они у них — совсем не те, что в спортивных магазинах для туристов продавали, — там у них мешки — на снегу лежишь, а тебе жарко. Да... Так вот у них мешки — а у меня холстина с красками. Председатель сказал: «Портрета нада», я и взял под козырёк. А никто и не подумал, что человек я, по сути, с другой планеты... Ну, мои попутчики спасли положение: стланика из-под снега наковыряли да настелили, снег утоптали, меня на это, с позволения сказать ложе уложили, вокруг меня и на мне собак устроили.

Представляешь, ночёвка? От собак воняет — всё-таки целый день бежали! Одна взбредёт, другие подхватят. Ну и уж не знаю, как псам на моём теле было, а мне совсем неудобно: руки-ноги затекли, а чёрта с два повернешься: собаченции-то справные были... Спать, понятно, не спал, так, в какое-то забытие проваливался. Наутро чукчи — свежие, бодрые, какую-то еду на примусе сварганили, но я на это удовольствие даже смотреть не мог. Да ты что! всю ночь дышать собачьим выхлопом... Ну, слава богу, хоть не замёрз...

— А портрет-то потом написали? — спрашиваю.

— Да какой хрен портрет! Тот передовик куда-то ещё дальше укатил. Только и видели! Что ж я его месяцами ждать буду? Другие темы, другие сюжеты нашлись. Я вон даже свой автопортрет написал — видишь? Вон в шапке тёплой, в унтах... Но это уже по теплу, уже солнце из-за горизонта вышло. Уже всего-то градусов 20 в это время. Ну, не тепла, конечно...

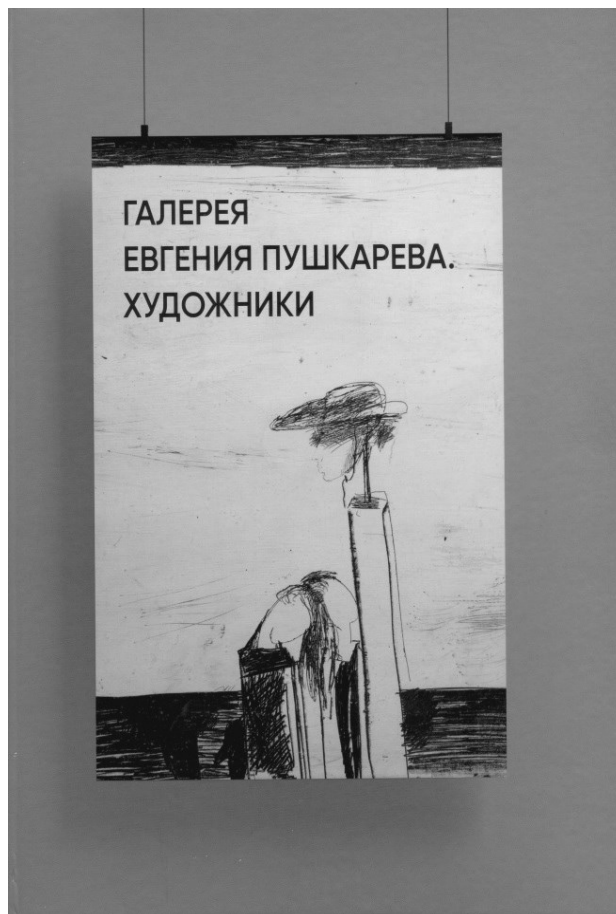
Родился Владислав Петрович Афанасьев 21 августа 1937 года, то есть, не так уж и давно. Великовозрастным патриархом себя не ощущает.

Выпускник Иркутского художественного училища. Заслуженный художник России, академик Российской академии художеств.

Участник такого количества Всесоюзных и Всероссийских выставок, что уже перестал их считать.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Савинкин, П. А. Галерея Евгения Пушкарёва. Художники / П. А. Савинкин. – Благовещенск : Платина, 2021. – 120 с., ил.

В книге представлены зарисовки об амурских художниках и репродукции их картин из галереи Евгения Пушкарёва.

Под обложкой этого альбома вы встретитесь с замечательными художниками Амурской области и некоторыми – далеко не всеми! – их произведениями.

История художественной мысли Приамурья берёт своё начало ещё в позапрошлом веке и имеет свою славную родословную. Многие мастера живописи ныне известны далеко за пределами земли Амурской, но много и тех, кто незаслуженно забыт, чьи следы, затерялись на просторах времени.

Свою задачу создатели галереи видят в том, чтобы возвращать амурчанам забытые имена и бережно хранить имена ныне живущих творцов: «Мы и дальше будем искать для нашей коллекции интересные полотна амурских художников, мы и дальше будем продолжать работу по возрождению забываемых ныне имён замечательных мастеров кисти и карандаша и рассказывать о тех, кто и по сию пору создаёт произведения, достойные крупных музеев. В этих работах, как в зеркале, отражена жизнь нашей страны, по ним можно изучать историю Родины».

В. П. АФАНАСЬЕВ,
заслуженный художник России,
академик Российской Академии искусств

Владислав Афанасьев – художник-амурчанин, чьё творчество известно далеко за пределами области. Приверженец и последователь классической советской школы живописи с её лаконизмом и реалистичностью. Его работы экспонировались на многих выставках страны от запада до востока и с севера на юг.

Кстати, о севере: заболев этими суровыми краями в юности, натаскавшись с художническими причиндалами по тундре, поездив на оленьих упряжках, Владислав Петрович остался верен им на всю жизнь. Он хорошо знает повседневный – без прикрас, без сноски на романтику – тяжёлый быт коренных людей Севера, чему и посвятил большую часть своего художественного творчества. С его полотен доносится звон бубенцов оленьих упряжек, однотоная песнь каюра, таинственный звук шаманского бубна и припахивает дымком от костров у чумов, где вялится на ветру янтарная юкола, а немногословные обитатели тех мест ведут неспешные мудрые беседы.

Недавно Владислав Петрович Афанасьев закончил работу над книгой воспоминаний, с двумя отрывками из которой вы сейчас познакомитесь. Один из них посвящён Северу, где автор оставил частичку своего сердца. В другом отрывке – размышления о судьбах мастеров кисти и холста.

Павел Савинкин

СПЛОШНЫЕ ОТТЕНКИ БЕЛОГО

Нунлигран представлял собой посёлок на берегу неглубокой бухты. Приходящие пароходы близко к берегу не приближались и разгружались на рейде. Местность вокруг очень каменистая. Поэтому к лету здесь периодически сеяли овёс, чтобы зелень радовала глаз. Я быстро перезнакомился с местным руководством. Все ребята молодые. В основном – ленинградцы.

Определили меня в дом к оленеводу Владимиру Равтынто. У чукчей такой порядок: упряжка собак – на улице, а собачий вожак в доме, в тепле. И кормит хозяин его сытней других. Потому как знает, что в какие бы передряги он ни попадал, вожак доставит его домой. Даже если хозяин пьяный, то пёс всё равно затащит его на нарты и привезёт. Поэтому чукча собачьего вожака почитает.

Утро. Проснулись. Вышли на крыльцо. Собаки заскулили, глядя на вожака. Они – на морозе, полуголодные. А этот – сытый, в тепле! У них ненависть к нему безгранична! А он, зная своё превосходство над упряжкой, подой-

дёт, помочится на своих братьев, зевнёт и снова в тёплый дом. Случалось, хозяин посмотрел или забыл про вожака, и эта орава собак нападала и съедала его от злости, в результате даже костей не оставалось.

Рассказал мне Владимир и такую историю. Заехали как-то за ним на вездеходе, а он был только с вожаком, остальные собаки – у родственников. Оставил он этого вожака с минимальным набором продуктов и запер. В поездке непредвиденно задержался. Так собаке пришлось съесть всё, что попало в доме. Первым делом – оставленные продукты, потом стала есть всё, что можно жевать – моржовые шкуры, ремни, крупу и т.д. Когда хозяин вернулся домой, то увидел перед собой страшную картину – сидит на задних лапах исхудавший вожак, смотрит жалобно в глаза и скулит: Воваааааа...

– Посидел голодный несколько недель и заговорил человеческим языком, – вспоминал, улыбаясь, Владимир. – А когда мы пошли гулять по посёлку, то сзади собаки тянулся

неперевавшийся жгут ремня. Весь посёлок хохотал, глядя на нас.

В Нунлигране весна была холодная и снежная. Я в эту поездку писал в основном окрестности посёлка, бухту. Впоследствии по этюдам я сделал картину «Скалы в Нунлигране», которая экспонировалась потом на выставке «Россия».

Как-то руководство посёлка отправилось на вездеходах в тундру к оленеводам. И меня взяли с собой. На месте оказалось, что все мужики бригады на выезде. В стойбище только жёны. Они нам рассказали, что от стада откололись около ста пятидесяти оленей, и мужья поехали искать пропажу.

Мне интересно было узнать, как определяют, сколько голов не хватает. Ведь посчитать их практически невозможно, так как они всегда в движении. Оленевод, когда приезжает на дежурство, для начала определяет, все ли ведущие олени на месте. Их в стаде примерно пять-семь. И он знает их, что называется «в лицо». Если он их видит, значит, поголовье в полном составе, так как за каждым ведущим определённое количество оленей.

В этом случае не хватило полторы сотни голов. Ребята отправились на поиски. Начальство отдохнуло, распорядилось, в какой яранге я буду жить, познакомил с хозяйкой и уехало в другую бригаду.

Дело было к ночи. Хоть они тогда были и белые, но всё равно ночь. Я спросил у Регины, своей новой знакомой:

– Как вы определяете, день или ночь сейчас?

– Если ветер – значит день. Если утихает – ночь. Вадим, иди чай пить и спать ложиться.

– Когда приедет муж? – забеспокоился я.

– Или сегодня ночью, или завтра.

Я представил, что ночью приезжает её муж, вооружённый до зубов, а в яранге спит посторонний мужик, которого он впервые видит. Его реакция непредсказуема. Мне ещё этого не хватало! Поэтому я открыл этюдник и стал писать белую ночь. Хозяйка снова позвала спать. И пригрозила, что закроет ярангу.

– Закрывай, я буду писать этюд.

Всю ночь я мучился. Меня сваливал сон. Наутро хозяйка позвала пить чай.

– Миетто так и не приехал, наверное, не нашли оленей.

Я попил чаю и мертвецки заснул. Днём я побродил по тундре, дошёл до речки, покрытой льдом. Пообщался с оленеводами на их языке. У меня был с собой чукотско-эскимосский разговорник. Я знал, что, когда заходишь в ярангу, надо потопать ногами и сказать: «Етти!» («Я пришёл») и ждать ответа. Если послышится: «И» («Заходи»), то заходишь и говоришь: «Какомей!» (приветствие).

И тебя приглашают пить чай. К нему прилагается мясо, оленина. И так в каждой яранге. Чай в тундре так же обязателен, как на материке – отопление в квартире зимой.

Оленеводы – они как кочевники. Когда олени съедают ягель (лишайник) на месте стоянки, то бригада снимается с насиженного места, разбирает яранги и едет на новое. На нартах перевозят весь груз, присматривают очередное место стоянки, желательно, чтобы речка была рядом. Останавливаются, ставят жерди и покрывают брезентом – летом, а шкурами оленей – зимой. Это и есть чукотская яранга. Олень чукчей кормит, одевает и обувает.

Посмотрел я на нелёгкий женский труд в тундре. Утром она просыпается – умываться нельзя, просто смазывают руки и лицо нерпичьим жиром от обветривания. Моются чукчи только, когда потеплеет и растает речка. Весной. Чтобы сварить обед набирают в кастрюлю снег и растапливают. Отрубают кусок мёрзлой оленины и туда же, на примус. Немного отварила – обед готов. Кушают лежа на выстеленных шкурах.

Температура в яранге почти такая же минусовая, как и на улице. Только нет ветра и снега. И только в пологе (миниатюрной меховой палатке для сна, находящейся внутри) – плюсовая. Там постоянно горит коптилка – греет чайник и светит так, что можно даже читать. Но главное – сохраняет тепло. Можно спать уже без кухлянки (меховая одежда) и унтов, только в свитере и штанах.

Никаких продуктов они с собой не возят. Обходятся только олениной и вяленой рыбой. Условия тяжёлые. Та молодёжь, которая попадает на материк и привыкает к продуктам цивилизации, в тундру старается не возвращаться. Детей, как правило, оставляют в посёлках, в интернатах. Только летом берут с собой.

После двух бессонных ночей я решил – бог с ним, пусть муж Регины убивает, но я лягу спать! Будь, что будет. Рано утром послышался лай собак.

– Мой Миетто едет, – сказала хозяйка и побежала встречать.

В ярангу завалился весь в инее, со снежными бровями и ресницами, хозяин, в шкурёе, буквально, как снежный человек. Видно было, что несколько суток ему приходилось жить и спать на морозе. Регина стала его кормить дымящимся мясом, отпаивать крепким чаем. Беседовали они только на чукотском. Я понял, что речь шла обо мне, поскольку постоянно улавливал два знакомых слова – Благовещенск и Петрович. Позавтракав, пошёл писать этюд, а мои хозяева потянулись в соседнюю ярангу, там уже все собрались, чтобы повеселиться и выпить.

Оказывается, никаких потерявшихся оленей они и не собирались искать – на упряжках рванули в Провидение, каким-то образом достали водку (на Чукотке с этим было очень строго – на человека одна бутылка в месяц.) И повезли на стойбище, чтобы устроить праздник.

Подвыпив, к обеду все уже спали. Миетто подполз ко мне (ходить они в таком состоянии не могут), что-то стал рассказывать и уснул на снегу. Тем временем из соседней яранги выполз оленевод с ружьём и стал его расчехлять. Глядя на эту жутковатую сцену, я занервничал и стал будить хозяина. Он спросонья попросил принести его ружьё из яранги: «Ты не переживай! Я сейчас ему в глаз шарахну». И сам тут же уснул. А оленевод с ружьём вполз в своё жилище, и тут раздался выстрел. Я не на шутку испугался – все спят, я один на ногах, значит, он в меня стрелял? Может ещё раз выстрелит? Прятаться негде: кругом снежная тундра. Я не знал, что мне делать...

Выстрела не последовало. Я побежал будить женщин. Кое-как растолкал их и сказал, что в соседней яранге прозвучал выстрел. Они в момент протрезвели и на четвереньках полезли туда. Раздались крики и плач. Я понял, что там труп. Надо было срочно сообщить руководству. Сеанс связи на походной радиостанции был только в пять часов вечера. Еле дождался. Сразу же сообщил директору, что застрелился оленевод. Он мне ответил, что сейчас соберёт следственную комиссию, родственников и завтра с утра с ними прилетит.

– Ты там держись, потому что больше всего я беспокоюсь за тебя!

Женщины, узнав, что утром прилетает вертолёт с милицией, стали прятать пустые бутылки. И закопали в снег всё оружие, которое они возят с собой. Я тут же его перепрятал, дабы не вышло ещё чего. Оленеводы приуныли, зная, что их ждёт наказание.

Наутро, прибыв, следователи стали опрашивать всех о произошедшем, а женщины готовиться к похоронам. Мне сказали, что поминальный обед будет в яранге погибшего. Идти мне не хотелось. Но порядок есть порядок. Я зашёл. Картина внутри была удручающей, не для слабонервных. В центре яранги лежал погибший с простреленной головой, рядом всё в замёрзшей крови. Поминающие сидели вокруг покойного и на груди у него играли в карты. Кто отыгрывался – тому чукчанки подавали стопку водки и кусок мяса. Все громко разговаривали, настроение было приподнятое. У меня от увиденного в жилах стыла кровь. Я не пьющий, но и кусок оленины в таких условиях в горло не лез. По правилам Чукотки, на покойного положено было пятнадцать бу-

тылок, но на самоубийцу – только семь. Чтобы не упились и не поубивали друг друга ради спиртного.

Когда всё мясо съели и выпили водку, труп погрузили на нарты и потащили недалеко в тундру. Опустили на снег. Обложили вокруг камнями. Рядом оставили два куска моржатины и вернулись назад. На всё это действие ушло меньше часа. Сразу же к месту захоронения стали стягиваться росوماхи. Со скарбом оленевода поступили просто – собрали нарты, шкуры и ярангу и всё сожгли. Собачек из его упряжки – тут же под нож. А вожаков – распределили по оленеводам.

По традициям этого края, через три дня нужно проверить захоронение. Если что-то осталось от брэнного тела, значит, грешил покойный на этом свете. Если ничего не осталось – значит, безгрешен и быть ему в верхних лучах северного сияния! А это мечта всех коренных жителей тундры.

Я ВСЕ-ТАКИ ВЕРЮ...

Часто думаю о судьбах художников в России.

После революции 1917 года на Дальнем Востоке оказались высокопрофессиональные художники, окончившие Императорскую Академию художеств. Чтобы выжить в сложившихся условиях, они вынуждены были бежать из России. Отправившись в Америку, вместо штатов оказались во Владивостоке, так как пароход был возвращён морским патрулем. Рванули опять в Питер для новой попытки. Но события гражданской войны остановили их на полпути, и они застряли в Благовещенске. Нужно было как-то выживать и они организовали здесь первое на Дальнем Востоке художественно-техническое училище.

Под руководством Петра Сергеевича Евстафьева работали преподаватели Сергей Белашенко и Степан Чуприненко. Когда дела пошли более-менее нормально, они пригласили из Англии своего однокашника, который приехал в Благовещенск с женой-англичанкой. Всем выделили жильё. Появилась некая стабильность.

Но началась Великая Отечественная война, все студенты ушли на фронт. Мало кто остался живым. Вернулись единицы, среди которых Иван Рыбачук, Кирилл Шебеко, которые после войны обосновались во Владивостоке, Владимир Овчинников и Петухов вернулись в Хабаровск, Александр Зайцев остался преподавать в Ленинградском институте имени Репина, став впоследствии его ректором, Анатолий Яр-Кравченко – в Москве, в Союзе

художников. А выпускники Борис Горлач и Елена Тыркова поехали продолжать образование в художественный институт в Питере. Училище прекратило здесь своё существование.

Став ректором института имени Репина, профессор Зайцев, выпускник благовещенского училища, внёс большой вклад в его благоустройство. Как известно, большое здание, построенное ещё при Екатерине Второй, имело проблемы с отоплением. Во внутреннем парке, самом большом в мире среди подобных, спроектированном ещё придворными архитекторами во главе с Валлен-Деламотом, столетиями складировались дрова для отопления – представляете, огромные штабеля дров?! – которые не давали созерцать архитектуру. Да и в зимнее время с дровяным отоплением в помещении было холодно, не было возможности ставить обнажённую натуру для рисования. Когда в очередной раз московская комиссия во главе с Борисом Иогансоном, президентом Академии, поставило этот вопрос на рассмотрение, молодой ректор Зайцев вызвался всё исправить, если Академия художеств поддержит. Его слова выслушали с изрядной долей скептицизма, но пообещали помочь.

Александр Дмитриевич обратился к пленным немцам (а это, напоминаю, было послевоенное время), нашёл среди них хороших слесарей, коих оказалось немало, и поставил перед ними эту сложную задачу. Немцы заверили, что к осени сделают, если обеспечат всем необходимым.

И работа закипела. Зайцеву оставалось только вовремя доставлять трубы, батареи, котёл и стройматериалы для постройки кочегарки. К осени всё было готово, даже успели отремонтировать разбитую авиабомбой мемориальную мастерскую Тараса Шевченко, выпускника этого института. Когда запустили отопление, то появилась возможность очистить от дров роскошный внутренний большой двор и четыре маленьких. Впервые за двести лет людям открылась такая красота!

Когда приехала комиссия, то собственным глазам не поверила, а поверив, выдвинула Зайцева на государственную награду. Конечно, авторитет ректора поднялся на небывалую высоту. Вот такие были выходы из Благовещенска!

Борис Горлач, студент скульптурного отделения, был одним из лучших в те времена в этом институте, учился вместе с Михаилом Аникушиным, будущим автором памятника Пушкину. Оба получали Сталинскую стипендию, что было невероятно почётно в те времена. Блистала и студентка живописного отделения Елена Тыркова, ставшая позже женой Горлача. У Бориса Трофимовича была гениальная

дипломная работа – скульптура «Великая дружба», о которой много говорили в возвышенных тонах. Но ей не суждено было состояться: дипломатические отношения с Китаем резко испортились, и она потеряла свою актуальность. Пройдя две войны – финскую и с Японией, закончив институт, Горлач работал с женой по разным городам России, – и в Рязани, и в Иркутске, где, в основном, преподавали. Единственные на весь Дальний Восток аспиранты Института имени Репина, при этом так и не получившие высоких званий.

К сожалению, так часто бывает в жизни. Есть художники, которые периодически попадают на престижные выставки, но так и не получают званий, и, наоборот, встречаются такие, которые нахватаются званий и орденов, благодаря связям, а работ их толком никто и не знает, потому что слабые работы на крупные выставки не допускаются... Ну, вы знаете, такое по жизни нередко случается...

Почему Борис Трофимович не вернулся в Благовещенск, тоже отдельная история. С тёщей, оставшейся здесь, у него были натянутые отношения, она была против их брака с Еленой. Поэтому, только после её ухода из жизни они вернулись в родной город.

Я списался с ними в восьмидесятых годах, будучи председателем Союза, в письме они выразили просьбу вернуться на родину. Я их поддержал, предоставил им мастерскую. Так сложилось, что вскоре после приезда Тыркова заболела и ослепла. Детей, которые в этой ситуации могли бы помочь, у них не было, поэтому Горлач большую часть времени проводил с женой. Когда её не стало, и он стал посвободней – сил и здоровья уже не было. Помню, мне часто выговаривали, что пригласил в наш Союз художников немолодых, и они так ничего и не создали. По сути – обуза. Так всё трагично у них сложилось.

Но я, тем не менее, об этом не жалею. Они были истинными мастерами и задавали высокую планку. Я постоянно обращался к опыту Бориса Трофимовича, когда работал над скульптурами Приёмыхова и Шолом-Алейхема. В Благовещенске стоит его замечательная работа – скульптура Мухина на площади Ленина. Вот такие яркие личности были у нас.

На протяжении многих лет в Благовещенске творили выпускники Харьковского института, скульпторы Плюснина, Лапина, Обидион, Геец, живописец Литовченко, автор картины «Чехов на Амуре», значительно позже – Вадим Кондратьев, график.

Большой вклад в искусство принёс выпускник Суриковского института Илья Коркин, о трагической судьбе которого я уже писал. В советское время много отличных худож-

ников с хорошим образованием приезжало к нам жить и работать. Но чем талантливее был приехавший, тем яростнее начиналась вокруг него возня, травля, чтобы выдавить из Союза.

Люди ломались, не выдерживали... Попробуй, посиди без зарплаты по полгода! Кто-то уезжал, кто-то на себя руки накладывал, а кто-то просто спивался. В памяти всплывает множество трагических судеб. Но неудачно они складывались не только из-за творческой ревности. Отсутствие поддержки в своей семье, непонимание близких, завышенные претензии тоже на это влияют. Постоянные истерики, разводы и разделы имущества и детей выматывают ничуть не меньше – сердце не выдерживает и ребята уходят непростительно рано. А бывает и наоборот – ранние успехи срывают крышу у художника! А сколько творцов тратят свои силы на склоки и растрачивают свой талант!

Сейчас, конечно, акценты поменялись. В изобразительное искусство идут, в основном, женщины. Потому что финансовое будущее у художников туманно и нет никаких гарантий и перспектив. Поэтому члены Союза сейчас, как правило, женщины. Раньше мы работали на идею, был госзаказ, был запрос на сюжеты о современной жизни, на исторические и патриотические темы. Сейчас таких запросов нет. Тогда, чтобы заявить о себе, мы стремились попасть на престижные выставки, вступить в Союз художников, так как это было

с одной стороны почётно, с другой – у членов Союза были различные привилегии в виде медицинского обслуживания в спецполиклинике, добавлялся по закону метраж жилой площади и т.д. Съезды художников проводились в Большом Кремлёвском дворце, как у писателей и композиторов. Открытия Союзных и Республиканских выставок широко освещалось в прессе.

Сейчас ничего этого нет. А художники озабочены тем, как и кому себя продать, чтобы дальше существовать и содержать семью. На сегодняшний день в стране около десяти Домов творчества, которые еле влачат своё существование, потому что Художественный фонд, ранее существовавший при Союзе художников, помогавший финансово Домам творчества, развалился. И теперь эти творческие учреждения выживают только за счёт сдачи помещений в аренду. А сами художники там почти не появляются, так как это стало для них дорогим удовольствием. Особенно для жителей Сибири и Дальнего Востока.

Но всё-таки я – оптимист, и верю, что художники, как и писатели, композиторы в будущем вернут свой былой высокий статус в культуре страны, как Репин и Суриков, Толстой и Достоевский, Чайковский и Шостакович, потому что мы – великая страна!

А. А. БОЛОТИНА,
журналист, организатор
популярного благовещенского клуба IQ

М. В. ФАУСТОВ,
основатель чемпионата по чтению вслух
«Открой рот», программный директор
книжного фестиваля «Берег»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «БЕРЕГ»: ГОТОВИМ ВМЕСТЕ

Какие у вас ассоциации с Благовещенском? Недалековосточнику навскидку вспомнятся китайцы, Амур, ну, и космодром неподалёку.

Это же неправильно, подумали мы. В Благовещенске много интересных людей, творческих проектов, но про это мало кто знает. А у города своя интересная история, городу есть, что рассказать и показать. Площадкой для этого и стал книжный фестиваль, на котором выступают местные и столичные писатели, учёные, поэты и краеведы.

Началось всё в 2018 году, когда Михаил Фаустов, создатель книжных фестивалей по всей России, высказал идею, что и малые города имеют потенциал для проведения больших книжных событий. Между идеей и воплощением прошли считанные недели, и в апреле того же года мы провели маленький, но гордый «День книги» в Общественно-культурном центре. Фестиваль, как видно из названия, продолжался 1 день, на 5 столах были представлены книги 8 московских издательств, в лекционной программе участвовали два гостя из Москвы и три спикера из Благовещенска. Первый блин оказался вовсе не комом, организаторы поняли, что нужно делать ещё, да побольше.

В 2019 году «День книги» сменил локацию и прошёл в большом торговом центре «Острова». Было уже 30 столов, программа из 25 мероприятий, более 3000 посетителей.

В 2020 году фестиваль продолжался уже 2 дня, сменил название на «Берег», свои книги представили уже более 50 издательств, в про-

грамме было 40+ мероприятий, в ТРЦ «Острова» пришли более 7000 человек.

В 2021 году книжный фестиваль «Берег» вышел на улицы города, наши белоснежные шатры раскинулись в центре Благовещенска, о нас пишет региональная и федеральная пресса, книжная ярмарка – крупнейшая на Дальнем Востоке, 55 спикеров приняли участие в 65 фестивальных мероприятиях.

Существует ли рецепт хорошего книжного фестиваля? Он есть и достаточно простой, но не все ингредиенты легко найти.

Нам понадобятся...

1. Энтузиаст. Хотя бы один, а затем он заразит своей идеей окружающих.

2. Лояльное отношение местной администрации (а ещё лучше одному из энтузиастов быть заместителем мэра, директором библиотеки, министром культуры).

3. Творческие люди. Позвать всех желающих писателей, краеведов и творческих людей представить свой материал на фестивале. Причём не только коронованных и признанных авторитетных специалистов, а всех, кто хочет и может. Даже странных и чудаковатых – именно они сделают фестиваль ярким и самобытным. Местная программа должна быть на высоте.

4. Тщательно отобрать тех, кто будет представлять литературу и знания из других регионов страны – тут отдельный коктейль из хедлайнеров – известных и заслуженных писателей и начинающих, но уже громко заявивших о себе авторов.

На площадках фестиваля. Фото Василия Романенкова

5. Тщательно смешать пункты 3 и 4 – чтобы начинающие дополнялись известными, чтобы темы были общими, а дискуссии совместными. И чтобы споры были, желательно на горячие темы литературы и истории.

6. Все мероприятия фестиваля сделать открытыми и бесплатными.

7. Предусмотреть интересы всех возрастных и социальных групп, и на каждую категорию заготовить интересный контент.

8. Книги. Сначала приходилось просить издательства поучаствовать, теперь они уже заранее уточняют наши даты и планируют приехать на фестиваль «Берег» лично. Книги

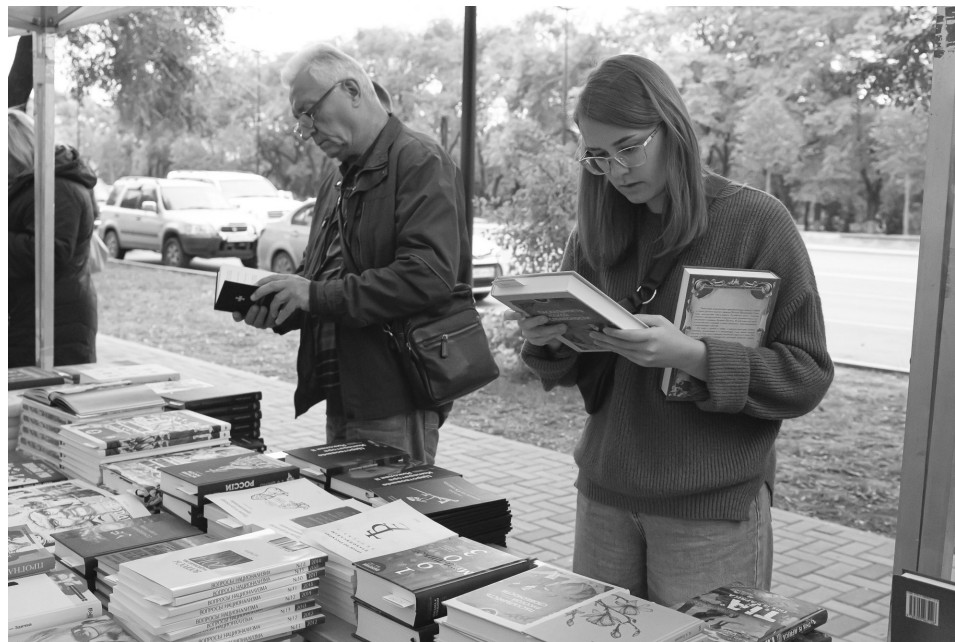
должны быть разными – новыми, старыми, художественными и нон-фикшн, для взрослых и детей, простенькие и заумные, дорого сделанные и самые обычные. Главное – чтобы продавец был в теме.

9. Тщательно продумать, кто и как покажет город гостям фестиваля – делайте что угодно, но уехать из Благовещенска они должны в восторге и с желанием непременно снова вернуться. Иначе кто потом напишет про город в своих книгах? Или зарифмует его в стихах, или в блогах вспомнит забавную историю, которая непременно приключилась здесь, на «Береге».

10. Деньги. Пишите заявки на гранты, договаривайтесь со знакомыми олигархами, дружите с бизнесменами, партнёрствуйте с корпорациями, доказывайте местным властям, что

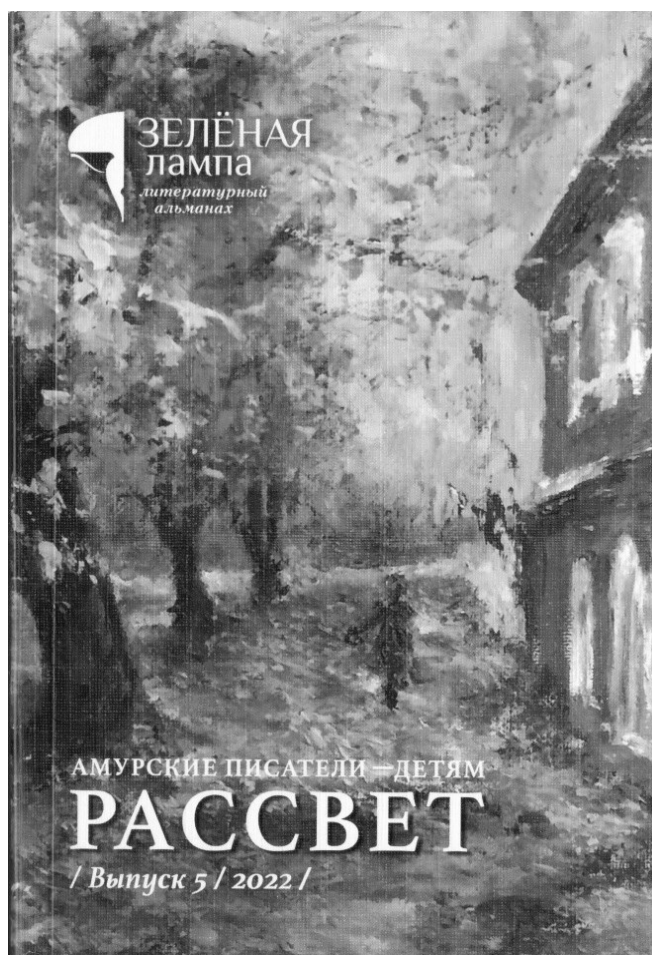
фестиваль нужен, и на него нужно выделять ресурсы и средства.

И всё получится. У нас же получилось!

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Зелёная лампа. Амурские писатели – детям. Рассвет: литературный альманах №5. Проза / творческая гостиная «Зелёная лампа Амура»; художники В. Зеленев, А. Луговская. – Москва–Благовещенск : ООО «Типография», 2022. – 411 с.

В очередной выпуск альманаха «Зелёная лампа. Амурские писатели – детям. Рассвет» вошли прозаические произведения сорока пяти амурских авторов, в настоящее время проживающих не только в Амурской области, но и в других регионах России.

Для детей и подростков представлены разные литературные жанры прозы: рассказы, сказки, стихотворения в прозе, эссе, новеллы, воспоминания, дневниковые записи, пьеса, главы из книг, миниатюры, легенды...

Сборник предназначен как для широкого круга читателей, так и для чтения в узком кругу семьи. В числе авторов альманаха не только маститые писатели, члены писательских союзов, но и начинающие, непрофессиональные авторы, пробующие писать прозу.

Редактор-составитель альманаха – Галина Одинцова, руководитель творческой гостиной «Зелёная лампа Амура».

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Библиографические указатели:

Благовещенск в редких изданиях: иллюстрированный библиографический указатель
Села Приамурья. Вып. 1. Благовещенский, Ивановский, Серышевский районы
Села Приамурья. Вып. 2. Архаринский, Михайловский, Тамбовский районы
Села Приамурья. Вып. 3. Завитинский, Константиновский, Свободненский районы
Села Приамурья. Вып. 4. Октябрьский район
Села Приамурья. Вып. 5. Белогорский район
Села Приамурья. Вып. 6. Бурейский район
Села Приамурья. Вып. 7. Зейский район
Села Приамурья. Вып. 8. Магдагачинский район
Села Приамурья. Вып. 9. Мазановский район
Слава недремлющей страже России, слава Амура сынам!: [амурское казачество]
Памяти достоин: к 205-летию Н.Н. Муравьева-Амурского
Река Амур в дореволюционных изданиях Амурской областной научной библиотеки: иллюстрированный каталог

Электронные коллекции документов:

Взаимодействие Амурской области со странами АТР: исторический аспект
Институт губернаторства в Приамурье
Память Приамурья
Приамурье Пограничное
20 лет работы Избирательной комиссии Амурской области на страницах амурской прессы

Информационно-методические материалы цикла «Русские судьбы – амурские писатели»:

Авиатор. Писатель. Патриот: о жизни и творчестве В. Ф. Крылова
Верность слову и делу: о творчестве Олега Маслова
Воин, рабочий, писатель: к 90-летию со дня рождения А. Г. Терентьева
Гордое имя – Борис Машук
Знакомый незнакомец (Л. А. Завальнюк)
Ли Янлен. С любовью к России...
Певец родного Приамурья: П. С. Комаров
Простые строчки: памяти Виктора Яганова
Рождённый свободным: памяти Б. И. Черных
Четыре грани таланта: памяти Н. И. Фотьева
Я не прощаюсь: памяти Светланы Борзуновой
Стихия дождя и ветра: о жизни и творчестве Тамары Шульги
Бамовский романтик: о жизни и творчестве Владимира Гузия
Предвестник перемен: о жизни и творчестве Александра Побожего
По зову сердца : о жизни и творчестве Игоря Ерёмина
Поэт в прозе : о жизни и творчестве Леонида Симачёва
Свет во мраке : о жизни и творчестве Анатолия Могильникова
Родом из войны : о жизни и творчестве Станислава Повного

Методические материалы, информационные материалы и сборники:

- Амурское казачество: вчера и сегодня: сборники докладов научно-практических конференций
- Земли родной талант и вдохновенье: сборники творческих работ I областного литературного конкурса
- Земли родной талант и вдохновенье: сборники творческих работ II областного литературного конкурса
- Земли родной талант и вдохновенье: сборники творческих работ III областного литературного конкурса
- Машуковские чтения: материалы научно-практических конференций
- Муравьевские чтения: материалы научно-практических конференций
- Премии в области литературы и искусства Амурской области – 20 лет
- За счастье Родины моей: тема войны в произведениях амурских писателей: информационно-библиографический обзор
- Фестиваль «Амурская осень»: информационно-библиографический обзор
- Чехов на Амуре: информационно-методический сборник
- Прошлое и настоящее амурского речного пароходства: сборник докладов научно-практической конференции
- Солнечный, уютный, наш... к 165-летию города Благовещенска: информационно-библиографический путеводитель
- Амурские издания на китайском языке: иллюстрированный каталог
- Голоса друзей: сборник работ участников открытого конкурса художественного перевода «Голоса друзей»
- Под небом единым: сборник материалов онлайн-встречи делегаций РФ и КНР в рамках XI международного фестиваля «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства»
- Трижды рождённый: информационно-библиографический путеводитель

Издательский проект «Диалог времён»

Издатель: ГБУК «АОНБ имени Н. Н. Муравьёва-Амурского», 2022
Адрес: 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, 139
Телефоны: (4162) 23-73-97, 23-73-90
Адрес для электронной корреспонденции: aonb@tsl.ru

Информационное издание
6+

ДИАЛОГ ВРЕМЁН

Амурский краеведческий альманах

Ответственный редактор – О. С. Праскова
Техническое редактирование и вёрстка – М.И. Гнускова

В книге использованы иллюстрации и фотографии,
предоставленные авторами публикаций.

Подписано в печать 27.07.2022. Формат 70х100/16
Цифровая печать. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. листов 11,38. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии
Амурской областной научной библиотеки
имени Н.Н. Муравьёва-Амурского
675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, 139.

ok.ru/libamur
vk.com/libamur
rutube.com/c/libamur
t.me/libamur

